Б-75

УРАЛ

Боевые ребята

№ 8

144055

СОБД и Ю
Отдел хранения

Б
Б-75

БОЕВЫЕ РЕБЯТА

ВЫПУСК ВОСЬМОЙ

144055

ОБЛАСТНАЯ ДЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
г. Свердловск

ОГИЗ
Свердловское Областное
Государственное Издательство
1948

Из повести «Тайна Шкадарской пещеры»

Ол. Коряков

Леня Тикин, сдав экзамен за шестой класс, однажды вечером, на досуге, рылся в книгах деда и случайно наткнулся на загадочный план с обрывками дневниковых записей. Он сообщил об этом своим друзьям. По записям ребята догадались, что речь в них идет о каком-то важном открытии, которое дед Лени сделал в Шкадарской пещере. Эта малоизвестная пещера находится в восьмидесяти километрах от города, в котором живут ребята.

Они решают отправиться туда пешком. Леня Тикин избирается командором, Миша Дубов — начальником штаба, а Додус (так звали Диму Веслухина) — начхозом. Четвертым членом экспедиции становится младший брат Миши — Вовка. Ребята могли бы взять и Витю Черноскутова, но перед этим они рассорились с ним.

Начинается подготовка к походу. Она проходит под секретом. Однако кто-то неизвестный проведал о планах ребят и подбросил им записку: «Пещера не будет вашей!» Записка подписана таинственным грозным знаком: два скрещенных меча.

Перед самым выходом в экспедицию у ребят исчезают копия карты района и план пещеры. Они спешат выйти в путь, чтобы неизвестный противник не обогнал их и не овладел пещерным кладом.

Отрывок, печатаемый ниже, рассказывает, как юные путешественники добирались до реки Исети, на которой находится пещера.

У ПЕРВОГО КОСТРА

Солнце уже нависло над синеющими вдали горными грядами, и силуэты деревьев на опаловом фоне неба потемнели, когда путешественники подошли к месту, назначенному по маршруту для первой ночевки. Переливаясь по камешкам, чуть бурля у коряг, упавших в воду, лесная речушка выплескивала маленькие ласковые волны на неширокий песчаный откос.

— Эта? — спросил начальник штаба. Командор вынул из полевой сумки карту.

— Эта.

Двадцать пройденных километров давали себя знать. С выходом опоздали, и пришлось нагонять упущенное время. Днем, вместо горячего обеда, закусили домашней стряпней, колбасой да яйцами.

— Надо сразу побольше съесть, тогда рюкзак нести будет легче, — убеждал Вовка.

Это был маленький важный человечек с большой круглой головой. Он очень походил на Мишу, своего старшего брата, был таким же рыжеволосым, веснушчатым, широкогубым, но ниже Миши и, казалось, толще. Ребята полушутя, полусерьезно называли его Толстопузом. Вовка на прозвище не обижался. Он был спокойный, порой даже чуть вялый мальчуган. Но в то же время обладал своеобразной дерзостью и упрямством и немало досаждал старшему брату. Особенно Миша недолюбливал вовкину страсть к лягушкам, тараканам и вообще ко всем козявкам и гадам, ползающим и летающим. Кроме того, он с самого рождения отличался не совсем обыкновенным аппетитом. В общем же Вова был неплохим товарищем, и приятели Миши, хотя и смотрели на него чуть свысока, не гнушались его дружбой.

— Уф-ф, — сказал Вовка и скинул рюкзак.

Леня сердито уставился на него:

— Ты что?

— Как что? Привал.

— Порядка не знаешь. Одевай рюкзак.

Вовка, недоумевая, топтался в нерешительности вокруг своего мешка. Очень уж приятно было спине ощущать необычную легкость, и, хотя казалось, будто ремни все еще давят на плечи, — мускулы, как бы вздохнули и расправились.

— Одевай, одевай. Это место не подходящее. — И Леня пояснил, что не всякое место на земле годится для хорошей ночевки. Мало, чтобы вода и топливо были близко, — надо еще, чтобы земля была сухой,

чтобы ветер здесь не дул, чтобы дорога или тропа не проходили совсем рядом, а костер бы таился в низинке или яме.

— Хо, наука целая!

— Айда, вдоль по берегу поищем.

Метров через двести у крутой излучины, где холмистый берег подымался в гору, а густая заросль можжевельника принимала на свою упругую грудь удары ветра, командор решил разбить ночной лагерь.

Сбросили рюкзаки. Додус сейчас же улегся на траву, вытянув свои длинные ноги.

— Ты лучше встань, — посоветовал Миша. — Хуже, когда усталый сразу ляжешь. Потом кости ломить будет. Сначала походить надо налегке побегать, — и он, схватив Додуса за ноги, поставил его сначала на голову, потом перевернул и подкинул вверх — такой он был силач, этот Миша.

Ленька стоял, задумавшись. Он размышлял, как лучше организовать ночевку. Его густые белесые брови сдвинулись к переносью, а светлосерые глаза уставились в землю. Стянув с головы кепку, командор, совсем как взрослый, поскреб свои всклокоченные светлорусые вихры, потом вдруг улыбнулся широко и сказал:

— Знаете, какая у нас будет каша?

— Понятно, знаем,—ответил Миша. — Походная каша.

— Правильно! Настоящая походная! Красота! — и от прилива чувств Ленька смаху хлопнул Мишу по плечу. У Леньки рука была тонкая, но крепкая, вся перевитая мускулами, и даже Миша, этот большеголовый крепыш, покачнулся от внезапного удара.

— Ну, чего? — добродушно проворчал он. — Ты всегда: пых, скок, бух... Лучше давайте кашу-то варить.

Костровым был назначен Миша. Додус остался хозяйничать у продуктов, а Леня с Вовкой отправились на заготовку дров.

Миша набрал мелких сучков, сложил их аккуратной горкой, подсунул кусок бересты и поджег. Когда горка разгорелась, он начал подкладывать сучья покрупнее, и пламя стало большим и жарким. Дима пошел с ведром за водой, а Миша вырубил два кола с развилками на концах и вбил их, один с одной стороны костра, второй — с другой. На них положили сырую жердинку, а на нее подвесили ведро.

— Эх, низковато получилось. Самое-то жаркое пламя у костра — верхнее... Ну, ничего, огонь опустится, а ты, Додус, сучьев пока подкладывай.

Леня охапками подтаскивал хворост. Миша сходил и притащил толстую сухую лесину. Он нес ее легко, будто обычную жердь.

— Я засыпаю крупу, — объявил Додус.

— Побольше, Дима, сыпь! — откуда-то из-за кустов прозвучал голос младшего Дубова.

— Вовка, ты где шляешься?

— Я не шляюсь. Тут муравейник — в полменя. А муравьи громадные и рыжие. Я думаю, надо их в баночку...

У Вовки с собой были специальные морилки для насекомых. Морилка — это такая стеклянная баночка, в которую спускают насекомых. Внутрь ее кладут нарезанную тонкими полосками бумагу. Бумага отгораживает друг от друга жучков, мух, пауков, муравьев — всех, кто попадет туда, — чтобы они, если станут биться, не попортили своих крылышек и лапок. К пробке баночки прикалывают или приклеивают ватку, которую пропитывают эфиром или валерьянкой. Это делают для того, чтобы насекомые не мучились долго.

Пузырек с валерьяновыми каплями Вовка таскал в верхнем карманчике рюкзака.

— За шиворот их тебе надо, вот куда! Чтоб от работы не сбегал,— проворчал Миша. — Иди сюда. Дел знаешь сколько! Шалаш нужно строить...

— Зачем шалаш?

— Вовка! Иди сюда!

Это было произнесено самым свирепым тоном. Пришлось подчиниться.

Уже наползали сумерки, и все кругом начинало тускнеть, сливаясь в одну краску. Только на западе, где небо алело зарей, темные контуры сосен были четкими, как нарисованные тушью.

Шалаш построили быстро. За сучок сосны, возле которой развели костер, зацепили один конец жерди, а второй укрепили на высоте вовкиного роста в развилке специально вбитого кола. Наломав больших сосновых веток, уложили их на жердь утолщенными концами кверху, а разветвленными — к земле. Это, пояснил Миша Вовке, для того, чтобы лучше стекала вода, если пойдет дождь. Сверху еще набросали веток можжевельника. Со стороны, обращенной к костру, шалаш оставили непокрытым.

— Теперь делать постель, — распорядился командор.

— Бежит! — страшным голосом завопил Вовка. — Каша бежит!

Додус бросился к костру. Операция по спасению каши окончилась, в общем, победой экспедиционного начхоза, если не считать, что во-первых, с полмиски варева все-таки успело сбежать из ведра в огонь и, во-вторых, рука мужественного начхоза оказалась чуточку поджа-

ренной. Удостоверившись, что теперь ужин находится в безопасности, Вовка счел необходимым поинтересоваться, что будет представлять из себя обещанная командором постель.

— Набросаем веток — получится перина лучше королевской.

Вовка выразил недоверие.

— Они жесткие, — поморщился он.

— Зато ты мягкий, — отпарировал Леня.

Додус имел возражение другого порядка:

— Давайте будем без веток: надо закаляться.

Тогда в разговор вмешался второй из «старых» туристов — Миша. Он рассказал, что и самые опытные, самые закаленные таежники не ложатся спать без какой-нибудь подстилки. Этот довод подействовал, и все дружно принялись ломать и стаскивать в шалаш ветки. Упругая пахучая постель была сооружена быстро: ведь у костра ждала каша.

— Доставайте ложки! — весело скомандовал Додус.

Каша получилась знатной. Правда, Додус забыл ее посолить, но это упущение еще недостаточно квалифицированного повара было быстро ликвидировано. Вовка при этом попытался схитрить:

— Пересолил я свою кашу, — с неподдельным огорчением заявил он. — Придется теперь подложить еще несоленой и смешать.

Срочно была выделена экспертная комиссия в лице начальника штаба для установления процентного содержания соли в вовкиной миске. Комиссия авторитетно заявила:

— Сойдет. — И Вовке пришлось довольствоваться лишь той добавкой, которую получили все, когда до дна очистили свои миски.

Вымыли ведро и подвесили воду для чая. Собственно, то, что находилось в ведре, чаем называлось условно. Чая с собой ребята не взяли. Вместо него в воду набросали листьев брусники, собранных тут же, у костра.

Совсем стемнело. Лес кругом почернел. Только на ближних соснах, обступивших костер, колыхались трепетные желтоватые блики. Несколько бабочек неустанно кружились над огнем. Где-то прокричала ночная птица.

Миша подбросил в костер сучьев. Древесина затрещала, взбрызнули искры, кусочек сгоревшей шелухи от коры вспорхнул огненным мотыльком, метнулись в глубь леса черные тени.

— До чего же хорошо! — вздохнул Додус и, откинувшись на спину, растянулся на земле.

Он любил тишину так же сильно, как и веселый звучный гвалт ре-

бячьих сборищ, любил помечтать, а иногда ему нравилось поваляться, ни о чем не думая, наблюдая только, что делается вокруг. У него были крупные и темные, как спелые сливы, глаза. Широкие неровные брови над ними сидели высоко, и от того казалось, что Додус всегда чему-то немножечко удивляется. Губы и нос у него были самыми обыкновенными, но уши представляли особый интерес: большие, широкие, они сильно оттопыривались и, как шутили ребята, могли принимать волны любой длины. Действительно, Дима обладал очень хорошим слухом и был музыкален. Мечтательный и застенчивый паренек, он никогда не рассказывал о своих успехах, но друзья его знали, что педагог, у которого Дима обучался игре на скрипке, называл его способности чудесными. Он также писал стихи в стенную газету, а однажды сочинил даже целую поэму. Впрочем, Дима не собирался стать ни музыкантом, ни поэтом. Он хотел быть ботаником.

В густой мгле неба сияли редкие звезды, а за речкой тихо журчавшей невдалеке, среди черных стволов, карабкаясь по сучьям, всползала большая круглая луна.

Нестройно звенели надоедливые комары. То и дело слышалось «хлоп», «хлоп» — искатели приключений беспощадно уничтожали летучих кровопийц.

Вода вскипела. Брусничный навар был ароматен и приятен на вкус. Вовка объявил, что если ему соответственно увеличат порцию сахара, он возьмется один опорожнить все ведро. Однако это предложение почему-то никого не удивило и не обрадовало.

Обжигаясь горячим чаем, Додус сообщил:

— Ух, мне что-то вкусное попалось... но не комар.

Все захохотали: «вкусное, но не комар». Ничего себе!

Спать в этот вечер не ложились долго. Сидели, сгрудившись у костра, и вспоминали, как прошел первый день похода.

ПОЕДИНОК НАД БЕЗДНОЙ

Четыре маленьких фигурки среди великанов-деревьев казались игрушечными. Внизу, под раскидистыми, густыми ветвями, было сумрачно и сыро. Вдруг яркий отблеск солнца сверкнул впереди, и скоро тропинка уперлась в широкую серую гладь, на которой искрились и переливались слепящие глаза полосы — будто кто-то выплеснул на озеро громадную чашу ртути. Было тихо. Вода колыхалась спокойно и мерно, вспучиваясь длинными пологими буграми. Кучка молодых белоствольных берез, столпившись на берегу, мягко шелестела нежной листвой.

Слева, приткнувшись к краю озера и сливаясь свежей зеленью крыш с деревьями, стояло несколько больших домов. За ними виднелись белые срубы. Ленька озадаченно взглянул влево, развернул карты, опять посмотрел на дома и пробормотал:

— Непонятно. На этом озере никаких домов не должно быть. Неужели мы... Нет, мы правильно шли, это то самое озеро...

Разобраться в путанице им помогла какая-то молодая круглолицая женщина, вдруг появившаяся из леса. Поздоровавшись с ней, Ленька спросил:

— Тетя, почему здесь дома?

— А разве нельзя им быть здесь? — улыбнулась женщина.

— Нет, почему нельзя... Только непонятно...

Она перебила его:

— Рыбозавод это. В прошлом году построили.

— Какой рыбозавод? Рыб делает?

— Рыб делаем, — она опять улыбнулась. — Озеро-то большое, простору в нем много и рыбы всякой — тьма. Мы икру вылавливаем и по другим озерам, в рыбколхозы развозим. Там выпускают, а после ловят рыбу. А еще тут у нас станция научная — изучают, значит, рыбьи повадки, условия и прочее.

— Интересно, — крутнул головой Додус. — Ну, и здорово, в такую глушь забрались! А мы по карте смотрим...

— Да что в нее смотреть-то! Поди, старая какая-нибудь.

— Зачем старая? — обиделся командор. — Самая свежая, последнего выпуска, тысяча девятьсот сорок пятого года.

— Ну, — пренебрежительно махнула рукой женщина, — это разве новая? У нас в краю что ни год — то новый завод, или поселок, или еще что-нибудь. За пятилеткой нашей ни с какой картой не угонишься... Ну, ладно. Некогда мне, ребятки. До свиданья...

— А ведь верно, — сказал Миша, когда женщина ушла. — Ведь пятилетка. Вот мы идем, идем, на карте — пустое место, а приходим, и вдруг — там какой-нибудь новый Магнитогорск. Да?

— Не догадались они, которые карты составляли, — надо было такими особыми значками нанести план, — сказал Вовка.

Справа, набирая кручу сразу от берега, вздымалась высокая гора, увенчанная мощным шиханом — голой, угловатой скалой. Вид ее был угрюм и грозен. Шихан вздымался как древний окаменевший дракон, припавший грузным телом к земле и вскинувший голову к небу.

Начали взбираться вверх. Склон становился все круче. Узорные заросли папоротника были чуть не по плечи Вовке.

— Это папоротник-орляк, — сказал Додус. — Его можно есть.

— Что ты выдумываешь! Самый обыкновенный папоротник.

— Я и не говорю, что необыкновенный. Его на Урале много. А есть все равно можно.

— Расскажи, — попросил Вовка.

Ему хотелось передохнуть. Остановились и Миша с Ленькой. Просить Додуса второй раз было не надо. Он быстро подкопал и вытянул растение.

— Вот, — потряс он перед Вовкой толстым длинным корневищем черно-бурого цвета, висевшим на гладком зелено-желтом черешке, оно было ветвистым и чуть мохнатым. — Тут мука. Высушить корень, истолочь или размолоть можно, — и пеки хлеб. Что, не верите?.. Вот я, не помню только где, читал: на Канарских островах выпекают хлеб «челехо» — из такого же папоротника. А листья у него ядовитые, — и, видимо, для пущей убедительности Додус многозначительно пообещал: — Обождите, еще не то узнаете...

Крупная земляника краснела меж кустиками черники. Темные грубые чешуйки листвы брусники подползали под майник и стебли таежной орхидеи — «венерина башмачка», — красующегося пестрыми фиолетово-белыми цветами. Густые пучки горной осоки лепились тут же, меж стволов.

Постепенно трав стало встречаться меньше. Лишь проворные стебельки линнеи, усыпанные круглыми листиками, покрывали мелким узором мягкий моховой ковер, и маленькие розовые колокольчики, поднявшись на тонких ножках, тихо качали головками. То там, то здесь из-под мха выпирали угрюмые темные камни — будто башни разрушенных замков, с карнизами и нишами, напоминающими бойницы. Скат становился все круче, словно земля вставала на дыбы и силилась сбросить с себя смельчаков, карабкавшихся к шихану. Подпирая друг друга, то в рост, то на четвереньках, цепляясь за ветки и стволы, взбирались ребята.

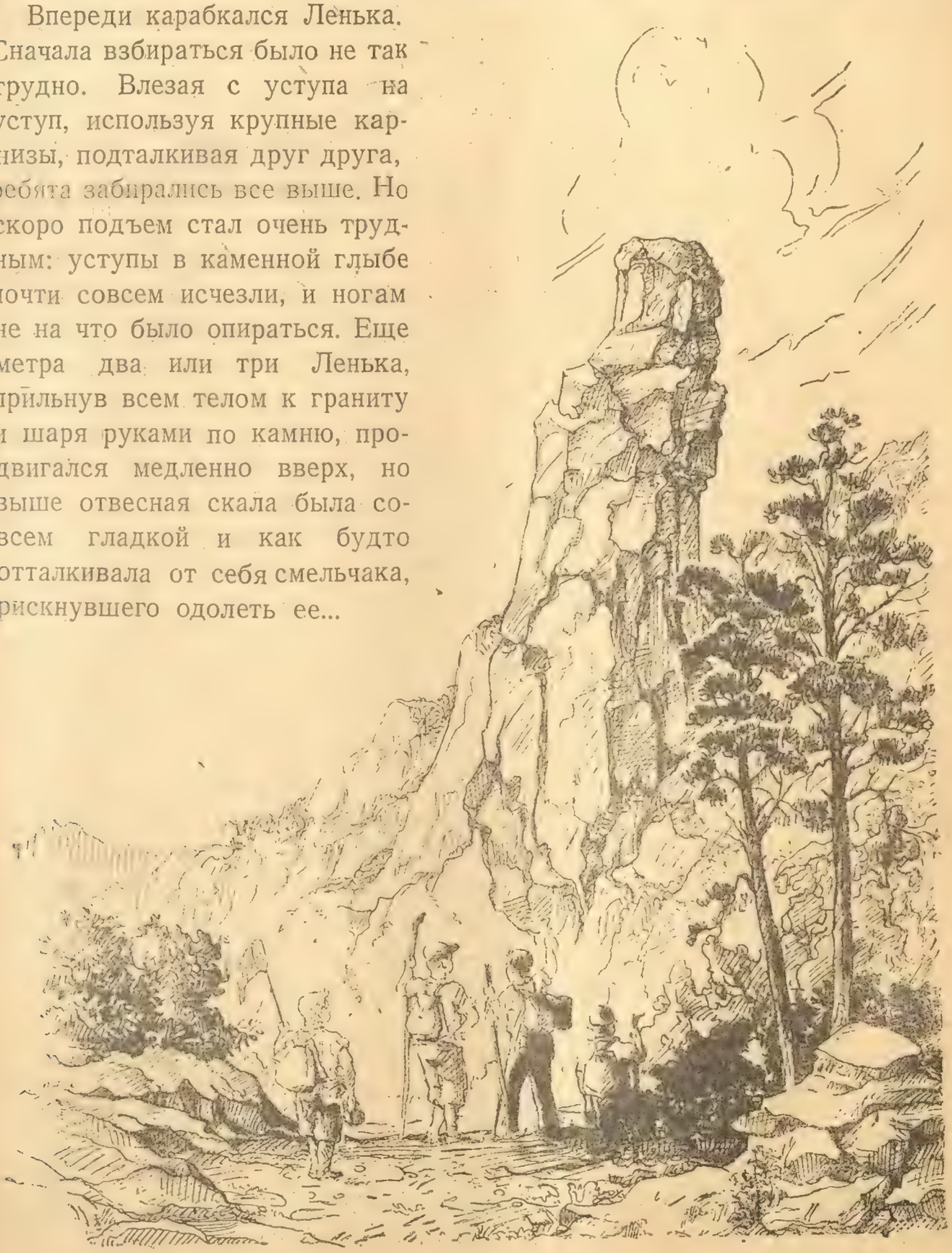
Вот, наконец, и он — громадина, врезавшаяся в голубое небо. Рыже-зеленые пятна мхов и лишайника покрыли гранитное тело. Если смотреть на верхушку шихана, затылок касается спины.

Когда-то, тысячи лет назад, не было этой скалы, — здесь замыкался массивный конус горы. Но ветер, вода и солнце — неутомимые работники природы — по кусочкам, по крошкам-пылинкам разрушили, растащили, развеяли породы, окружавшие этот гранитный столб. И вот стоит он, древний каменный старец, иссеченный трещинами-морщинами, хмурится угрюмо — суровый страж таежной красоты.

— Метров шестьдесят, — прикинул Миша, — или семьдесят. Это шесть наших домов трехэтажных друг на друга поставить надо.

Ребята долго стояли у подножья шихана, любуясь им. Запрятав рюкзаки меж камней и захватив с собой веревку, они полезли на скалу.

Впереди карабкался Ленька. Сначала взбираться было не так трудно. Влезая с уступа на уступ, используя крупные карнизы, подталкивая друг друга, ребята забирались все выше. Но скоро подъем стал очень трудным: уступы в каменной глыбе почти совсем исчезли, и ногам не на что было опираться. Еще метра два или три Ленька, прильнув всем телом к граниту и шаря руками по камню, продвигался медленно вверх, но выше отвесная скала была совсем гладкой и как будто отталкивала от себя смельчака, рискнувшего одолеть ее...



Пришлось спуститься обратно.

— Все равно залезем, — твердил командор.

Пошли вокруг шихана. С южной стороны, где скала казалась особенно неприступной, Додус заметил на высоте, примерно, четырех метров скрывавшуюся за нависшей глыбой узкую расщелину, которая почти вертикально уходила вверх.

Миша самый крепкий из четверых, прислонившись к скале, принял на свои плечи Додуса. Первым должен был лезть командор — он был легкий и считался самым вертким и ловким. Ленька с помощью Дубова-младшего взобрался на плечи Додуса и протянул руку, — до края расщелины нехватало каких-нибудь 10—15 сантиметров. Как Ленька ни пыжился — достать его не мог. Тогда, крикнув: — держись, ребята, прыгаю, — он пригнулся, стремительно, как хорошая пружина, выпрямил тело и, взлетев, ухватился за острый угол гранитной глыбы. Додус от толчка полетел с мишиных плеч, сумев каким-то чудом приземлиться на ноги. Ленька повис на руках. Подтянувшись, он долго шарил ногой, нашел какой-то, неприметный снизу, выступ, рванулся и упал грудью на край расщелины. Ноги его болтались в воздухе, а друзья уже слышали победный возглас своего командора: — есть!

Ему бросили веревку. По ней поднялись остальные. Но ведь это было лишь начало пути. Стены расщелины уходили вверх так же круто, как ствол сосны поднимается к небу. Пока расщелина была узкой, можно было лезть по одной стенке, упираясь ногами в противоположную. Но вот она расширилась, и пришлось снова, вжимаясь всем телом в камень, льнуть к скале, чтобы найти хоть маленький выступ, хоть узенький карниз и, вцепившись в него, подтянуться еще на полметра. Здесь каждое движение — хоть на сантиметр — должно быть точно рассчитано, выверено и подкреплено силой мышц. Слабые вершки не достигают. Полметра. Еще полметра. И не оглядывайся назад, не смотри вниз. Напряги каждый нерв, каждую ниточку мускулов. Дыши ровно. Умей и совсем затаить дыхание. Еще полметра. Еще. Первому всегда бывает трудно. Но ведь по его следам идут товарищи. Ты прокладываешь дорогу и для них. Так еще полметра. Еще...

Ленька выбрался из расщелины. За ним — Миша. Показался Додус. Он крикнул: тяните меня за руки! Потом вниз, Вовке: держись за мои ноги...

Вновь начались крупные пологие уступы и вдруг — пропасть. Глубокая обрывистая щель рассекала шихан. Внизу — туда не проникало солнце — чернели острые глыбы, казавшиеся сверху маленькими. Хлопцы переглянулись и, не сговариваясь, отступили на шаг назад.

— П-пришли, — мрачно заметил Додус.

Никто ему не ответил. Ленька молча смерил взглядом ширину и... прыгнул на ту сторону пропасти. За ним, также молча, — Миша. Додус стоял в нерешительности. Будь он один — он никогда бы не решился на этот опасный трюк. Но здесь были его товарищи — ловкие и смелые. Отстать от них было стыдно. Додус колебался.

— Ну! — понукнул Вовка.

Додус оглянулся на него, чему-то усмехнулся и прыгнул. Одна нога его оборвалась, но Миша быстро подхватил его за туловище, рванул на себя и вытащил.

Очередь была за Вовкой. Он медленно почесал затылок и спросил:

— Что ли прыгать?

Ленька засмеялся. Миша предложил:

— Обвяжись веревкой, — и бросил ему конец.

Вовка запутал веревку на поясе, и ступил к краю. Все равно было страшно. Он присел на корточки, потом уселся, свесив ноги.

— Ну! Что же ты?

— Я сейчас. Немножечко отдохну... Вот, знаете, у пожарников есть лестницы. Я видел. Кнопку нажал, лестница вжжик — и поднялась кверху. Если бы нам такую, а? Или походный мостик. Его надо сделать из легкого-легкого железа. Сложил, в карман засунул...

— Вовка! Ты будешь прыгать или не будешь! Сейчас я тебя сдерну...

— Да я же прыгаю. Видишь, уже приготовился...

Но прошло еще минуты три, прежде чем он осмелился последовать за старшими. И то он не прыгнул, а осторожно спустился на протянутой веревке, перелетел к другой стенке ущелья, выставив вперед руки и ноги и был втащен наверх.

Опять дыбилась отвесная круча. Снова карабкались, не зная, сейчас оборвешься или через метр. Потом пошли пологие уступы, и вот, наконец, последние усилия — вершина взята!

Это была маленькая, метра два в диаметре, площадка. Вокруг был воздух — и ничего больше. Несильный ровный ветер дул в лица. Над головами плыли редкие облака и ярко светило солнце.

Вниз было жутко смотреть.

— Упадешь — сразу насмерть, — сказал Миша, не подозревая, как сам он близок к этому.

Вершина скалы чуть кренилась на юг. Сосны внизу казались маленькими, кусты — игрушечными. Северный склон горы, сплошь покрытый лесом, круто спускался к озеру.

Окруженное лесом, озеро, словно голубой топаз, врезанный в темную глыбу малахита, лежало, спокойное, величественное. В отраженном водой небе торжественно плыли белые хлопья облаков.

— Смотрите! — воскликнул Вовка. — Чье-то гнездо.

Все повернулись к нему, и... Это произошло так быстро, что никто не успел ни закричать, ни подать Мише руку. Он оступился и, коротко вскрикнув и судорожно взмахнув рукой, полетел вниз.

Ленька бросился к краю площадки, чуть не упав сам, припал к камню над обрывом. Нехороший туман мутной волной хлынул в глаза.

— Ми!.. — закричал Ленька; второй слог застрял в горле.

Внизу, на острых обломках камней, громоздившихся у подножья шихана, мишиного тела не было видно. Вовка приник к командору и не мог ни говорить, ни плакать.

Вдруг... неужели это мишин голос?

— Э-эй, — донеслось снизу и замерло.

Где же он? Шесть глаз обшаривали землю внизу и не могли увидеть. Опять:

— Э-эй, ребята!..

... Это было нежданное счастье: внизу, примерно, на средине высоты скалы, выдалась в сторону маленькая площадка, а на ней, уцепившись корнями за камень, прикрытый тонким слоем почвы, прилепилась изогнувшаяся, скорченная сосна. На эту сосну и упал Миша. Сломав верхние ветви, исцарапавшись в кровь, он удержался на нижних сучьях.

Сначала, когда Миша слез на площадку и подошел вплотную к гранитной скале, высившейся над ним, друзья не увидели его: нависшая над бездной глыба закрывала почти всю площадку. Но вот он подошел к краю, нагнулся, чтобы глянуть вниз, и сверху загремело нестройное, но звонкое «ура».

Залезть к друзьям Миша не мог: здесь скала была совершенно неприступной. Она поднималась на высоту в три двухэтажных дома. Книзу она обрывалась от площадки такой же отвесной и гладкой стеной.

Миша долго топтался на площадке, примериваясь, где бы можно залезть. Путей не было. Он присел к сосне. Болел бок. Ныло плечо. Через разорванную рубаху была видна кровоточащая рана. Миша обвязал ее носовым платком, затянув узел зубами. На руках темнели крупные ссадины.

Ленька с Додусом прочно обмотали веревку вокруг острого выступа и, придерживая ее, сбросили один конец вниз. Миша полез. Он хорошо умел взбираться по канатам, какие висят обычно в школьных

спортивных залах. Но веревка была значительно тоньше каната, поэтому держаться на ней было много труднее. Сказывалось и падение с 20-метровой высоты. Тело ослабло, мускулы дрожали мелкой внутренней дрожью, как бывает после чрезмерного, хотя и недолгого, напряжения мышц.

Миша подтягивался на руках, отталкиваясь ногами от скалы. Метров через пять он остановился, быстро обмотал ноги веревкой в виде цифры 8 и минуты две сидел и отдыхал, навалившись грудью и шеей на натянутый трос. После второго отдыха он полез, уже цепляясь ногами за веревку: скала от него отодвинулась. Дышал он тяжело, надсадно.

Вдруг прямо перед собой Миша заметил какой-то необычный предмет. Это было гнездо. Оно держалось на такой же площадке, что и сосна, только меньшего размера. Площадка вдавалась немного в шихан и была защищена от ветра нависшим с трех сторон гранитом. Из сучьев и какой-то толстой сухой травы была свита массивная чаша больше метра шириной и почти такой же высоты. Внутри гнездо было неглубоким, почти плоским. Два крупных птенца таращили глаза на никогда не виданное ими существо, неожиданно появившееся перед их уютной квартирой. Их клювы были окружены ободками цвета серы, переходившими в буроватые круги у глаз. Казалось, птенцы были в роговых очках. На неуклюжих телах, покрытых белым пухом, начали пробиваться мелкие темные перышки. Один птенец широко открыл рот и сердито пискнул резким, грубым голосом.

Миша очень устал, его била крупная дрожь. Он опять скрутил ноги восьмеркой и, хотя веревка больно резала бедра, стал отдыхать, наблюдая странных обитателей необычного гнезда.

В этот момент ребята с вершины утеса заметили двух птиц, тревожно реявших над шиханом. Распластав длинные мощные крылья, они кружились, спускаясь все ниже. Вдруг одна из них взмахнула крыльями, сложила их, прижав к телу, и стремительно ринулась вниз.

Страшная догадка не сразу пришла к Леньке. Когда же он сообразил, в чем дело, и крикнул Мише: — берегись! — было поздно.

Лесные орлы почти никогда не нападают на людей, даже если те разрушают их гнезда, но горный беркут — птица воинственная и грозная. Цепкие когти, клюв и мощные крылья, до двух метров в размахе — страшное для врагов оружие орла.

Резкий толчок в спину заставил Мишу судорожно вцепиться в веревку. Он сбросил бы его в бездну, если бы Миша не упирался грудью в трос. Усталость и боль мгновенно забылись. Миша повернул голову

и увидел, как, описав стремительный короткий полукруг, беркут готовится к новому наскоку. Он подлетел совсем близко — так, что можно было ясно разглядеть его бурое тело, испещренное темными пятнами, желто-ржавчатую грудь и, в каком-то мгновенном повороте, большие желтые глаза, налитые холодной яростью. Вытянув лапы и быстро размахивая крыльями, беркут на секунду повис в воздухе, как бы высматривая, откуда лучше напасть.

Миша сжался и быстро перехватил веревку. Беркут бросился вперед. Миша с силой взмахнул рукой. Она рассекла воздух — орел увернулся... Второй наскок. Рука ударила по крылу. Темнобурое с белым основанием перо, медленно кружась и качаясь из стороны в сторону, лениво заскользило вниз.

Веревка качалась. «Перетрется», — кольнуло сознание тревога. Миша хотел крикнуть об этом товарищам, но поперхнулся словно в горле оказался кусок шерсти... и во рту не было слюны.

— Веревка... — прохрипел он. — Подложите что-нибудь... — и подумал: «Не услышат!»

В тот же момент он заметил, как с неба продолговатым бурым комком падает второй беркут. Пальцы, сжимавшие веревку, сделались желто-синими.

Вдруг Миша почувствовал, что он поднимается вверх. Его тянули. Мелькнуло широкое бурое крыло. Он зло, не чувствуя уже руки ударил по нему и почти тотчас ощутил, как что-то крепкое, сухое резко хлестнуло его по голове. Разноцветные полоски заискрились перед глазами, шихан пополз в сторону, рядом мелькнуло что-то синее...

Додус с Вовкой, упершись в скалу, изо всех сил тянули веревку. А Ленька, обвязав на всякий случай второй конец веревки вокруг талии, начал быстро спускаться вниз. Он очутился рядом с Мишей в тот момент, когда второй беркут ударил изнемогавшего товарища по голове. Ленькина синяя рубаха и мелькнула перед глазами Миши. Ленька бешено заорал и замахал рукой.

Увидев около себя второго человека, орлы отпрянули и с тревожным клекотом закружились у гнезда. То, что его товарищ оказался рядом, придало Мише сил. Он даже попытался улыбнуться, но запекшиеся губы только скривились, а глаза остались напряженными и темными.

Додус с Вовкой тянули, что было сил. Ленька выбрался первым и помог вытащить Мишу. Тот долго сидел, устало вытянув ноги и опустив руки. Друзья молчали, боясь его потревожить. Орлы хлопотали у гнезда.

— А они молодцы, — неожиданно сказал Миша. — Так и надо.

Ребята улеглись на камне. Ветерок обдувал горячие лица. Медленно ползли по голубому шелку облака, и ласково лучилось солнце. Перед тем, как уйти с вершины шихана, долго всматривались ребята в широкую даль, и жалко было оторвать от нее взгляд.

— Хорошо как все-таки!.. — вздохнул всей грудью Миша.

При спуске Вовка вел себя героем. Он все старался помочь брату, а когда дошли до ущелья, через которое перебирались час назад, он, хотя и с веревкой на поясе, смело перепрыгнул пропасть.

Обедали на берегу озера. Додус, как и вчера, был чем-то озабочен и задумчив. Командор, поглядывая на Мишу, спросил:

— Может, сегодня дальше не пойдем?

Миша насторожился:

— Это из-за меня? Почему не пойдем?

— Тебе лучше отдохнуть.

— Ерунда. Я совсем не устал. А рана... это же царапина. Лямки будут выше ее. Еще лучше. Не забывай, что надо торопиться...

Шли по дикой тайге. Раза два тропа терялась в чаще, в буйной зарослн трав и кустарника. Дурманящим запахом цветов был полон млевший от жары воздух. Рубахи намокли от пота.

ОБЛАСТНАЯ ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА г. Свердловск

К вечеру пришли к новому озеру. Оно было больше первого. Противоположный берег еле виднелся. Вода была серой, крупная рябь морщила ее. Берег обрывался вниз отвесной скалистой стеной. Долго искали место, где бы можно было спуститься к воде. Наконец, нашли обрывистое ущелье, выточенное в камне речкой, когда-то впадавшей в озеро. На самом берегу — пологая площадочка, а рядом с ней — неглубокая пещерка в скале.

— Вот шикарно! — обрадовался командор. — И шалаша не нужно.

Развели костер. Пламя заметалось. Над озером дул ветер. Волны бежали на берег, росли, поднимались и, всплескивая брызги, били о камни. Брызги долетали до костра, и огонь шипел.

Суп из овощей, захваченных из дома, был таким вкусным, а переплеск волн звучал так дивно и волнующе, что Дима, наконец, не выдержал и заговорил о том, что таил уже вторые сутки.

— Хоть у меня еще не совсем готово, но я все же вам скажу, — так начал он и сразу же закончил: — Вот, когда чаю попьем...

Все были очень заинтересованы сюрпризом, но Додус был неумолим: после чая.

Стало темно. Лишь светил костер, да блики огня весело играли на прибрежной скале. Дул ветер. Шумели волны.

— Вы только не смейтесь, — сказал Додус. — Я песню сочинил. Про нас.

— Честное слово? — Ленька даже привстал.

— Ну да. Только она еще не совсем... Но вы послушайте. Вот...

Смущаясь и волнуясь, он запел — сначала тихо и неуверенно, а потом громко и свободно:

Любим мы просторы и родные горы,
Синие узоры-ленты горных рек.
На лесных озерах мы встречаем зори,
У костров проводим свой походный век.

Может быть, настоящий поэт придумал бы слова получше, но и эти звучали совсем так, как та безмолвная песня, что волновала душу каждого из четверых искателей приключений.

— А сейчас припев будет:

По любой дороге
Проведут нас ноги.
До любого полюса — рукой подать.
Только очень нужно
Смелым быть и дружным,
А иначе нам удачи не видать.

— Точно! — закричал Ленька. — Ух, и правильно!

— А как это: до любого полюса рукой подать? — поинтересовался Вовка, проявив свою критическую натуру.

— Помолчи, — оборвал Миша, но пояснил: — Это значит, что для нас любой полюс, Северный и Южный, близко. Нам все нипочем. Верно, Додус?

— Угу, — сказал Дима и запел дальше:

Сильные и смелые, ловкие, умелые.
По родному краю весело идем.
Никогда не хныкаем, не сидим без дела мы.
Не страшны нам кручи, топь и бурелом!

— А потом опять припев. И все. Больше я еще не придумал...

— Качать Додуса! — крикнул Миша и вскочил.

— Стоп, — сказал командор. — Нельзя: еще утопим, вода близко... Объявляю песню нашей боевой-походной. Кто за?

Конечно, все были «за». Снова уселись и стали разучивать слова. Пели долго, и бодрый напев летел над озером, сшибаясь с ветром, кружил над волнами.

Легли спать. Всю ночь тревожно и хмуро рокотало таежное озеро. А наутро у костра нашли записку:

Кто кого?

И опять — мечи!..

ВОЙНА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Записку нашел Миша. Спали в это утро долго. Солнце уже поднялось над лесом и заглядывало в пещерку искателей приключений. Ленька, выкупавшись, был в самом отличном настроении и орал:

На лесных озерах мы встречаем зори,
У костров проводим свой походный век!..

В этот момент Миша, возившийся у костра, крикнул тревожно:

— Ребята!..

Он показал записку. Ее долго вертели в руках. Такая же бумажка, что и та, в саду, — листок, вырванный из записной книжки. Сверху двойная зеленая черта, ниже — обычная сеть клеток. Миша пытался найти следы человека. Камень не сохранил их. Правда, у выхода из ущелья была примята трава, и видно, что недавно. Припавшие к земле стебли вели к тропке, а на ней уже ничего нельзя было разобрать.

— Что ж, — хмурился начальник штаба, — значит, война продолжается?

— Значит, будем воевать! — задорно ответил Ленька.

— Факт, будем. И еще посмотрим, кто кого.

— А все же мы прохлопали, — сказал Додус. — Он был тут — и мы не видели. Надо ночью дежурить.

— А лучше петли такие придумать, чтобы он ступил и затянулся,— предложил Вовка, но его оригинальную мысль почему-то отвергли.

Было как-то не по себе от того, что кто-то неизвестный упорно следит за ними, выискивает, находит и все о них знает. Может, вот и сейчас из-за кустов, что прилепились на прибрежной скале, пара глаз наблюдает за ними...

Только очень нужно
Смелым быть и дружным!..

неожиданно громко запел командор, и все как-то сразу оживились.

На костре сварили кашу, поели и тронулись в путь.

Шли по еле заметной тропке. В кустах попискивали земляные белки — бурундуки. Эти красновато-желтого цвета зверьки с темными продольными полосками на спинках, были совсем не пугливые. Они доверчиво приближались к ребятам, поблескивали черными пуговицами-глазенками, лениво перебегали с ветки на ветку.

Незаметно дорожка исчезла. Вилась, вилась, путаясь в травах, обегая сваленные деревья, — и исчезла. Вернулись, нашли, опять пошли по ней, и снова она пропала, сойдя на-нет. Командор вытащил карту и компас. Все сгрудились около него.

— Пойдем напрямик, — предложил он. — Вот видите на карте? — дорога идет. Нам все равно ее пересекать. Километров через восемь выйдем. Азимут... вот смотрите... азимут, примерно, 320. А солнце справа. Надо следить, чтобы солнце все время было справа...

Здесь была настоящая девственная тайга. Среди древних великанов-сосен и берез курчавился молодняк. Над сгнивающим буреломом буйствовали дикие густые травы. Попадалось много болот. Они встречались в совсем неожиданных местах — среди гор, иногда на их вершинах. Какая-то высокая раскидистая трава, похожая на багульник, ковром белых цветов прикрывала подступы к мелким речушкам. От цветов в воздухе стоял душный сладковатый запах.

На высыхающих болотцах — в зарослях ивняка и черемухи — камыши, осока и еще какие-то травы подымались выше человеческого роста. Кустарник и трава, переплетаясь, делали эти места почти совсем

непроходимыми. В двух шагах уже не было видно товарища. Трава путалась в ногах, хлестала по лицам, закрывала небо. Ветки царапались, цеплялись за одежду, охватывали все тело и не давали итти. Несколько раз Миша вытаскивал из чехла топор и прорубал дорогу. Преодолели два километра, а устали, будто прошли десять.

Вышли на большую широкую поляну. Вовка попросил:

— Давайте посидим.

Комары только этого и ждали. Они роями кружились над головами, липли к горячей, распаренной коже, залезали за ворот, путались в волосах и жалили, жалили, жалили.

Вдруг Додус дернул Леньку за рукав и шепнул:

— Смотри:

Из группы кустов, метрах в ста от ребят, на поляну вышел громадный лось. Сутулясь и склонив тяжелую бородатую голову, он легко нес свое длинное рыжевато-бурое тело. Хорошо

была видна его мохнатая почти черная грива. В отростках, широких рогов, застряла ветка. Она, видимо, мешала ему, болтаясь перед глазами. Лось ниже склонил голову чуть повернув ее влево, и резко дернул вверх, стараясь сбросить зелень. И в таком положении замер, насторожившись, чутко прислушиваясь к чему-то, мощный, гордый лесной красавец-богатырь.

И нужно же было Мише как раз в этот момент прихлопнуть комаров, усевшихся на его шее. Шлепок получился крепкий, звонкий. Лось вздрогнул, взметнул голову еще выше, повел ею в сторону, постоял так мгновение, повернулся и легко побежал. Через секунду, вломившись в чащу, таежный великан исчез за густой зеленой порослью.

Миша долго не мог понять, за что обрушились на него Додус с Ленькой и почему он не имеет права бить комаров, если они так бессовестно кусают его. Когда же, наконец, понял, то сначала загрустил, а потом, в свою очередь, напал на друзей, — почему они не предупредили его, не показали лося. Оставалось лишь надеяться на новую удачу. Вовка все допытывался, какой он, этот лось. Но ничего, кроме того, что «совсем не такой, как бывает в зоопарке», не узнал из бессвязного, взволнованного рассказа счастливцев.

Опять шли по непролазным дебрям, оставляя солнце справа. Ленька не выпускал из рук компаса. Рубахи не просыхали от пота. На угорах воздух дрожал и слоился как горячая вода, в которой тает большой кусок сахара.

Итти помогала «Своя походная» — лихая и задорная. Додус запевал, а припев подхватывали все разом:

По любой дороге
Проведут нас ноги,
До любого полюса — рукой подать.
Только очень нужно
Смелым быть и дружным,
А иначе нам удачи не видать.

От песни становилось веселее, и ноги, действительно, готовы были шагать по любой дороге. Только Додус начал прихрамывать.

— Ты что? — спросил Ленька.

— Не знаю. Должно быть, ногу стер.

— Разувайся.

У большого пальца левой ноги расплылась краснота. Додус, зная, что в походе нужна просторная обувь, надел лыжные ботинки и ни стельки не подложил, ни вторые носки не натянул. Ботинок чуть болтался на ноге и набил мозоль.

— Эх, голова, — укоризненно сказал Ленька. — Ну, ладно, что еще не сильно стер. Сейчас соорудим стельку.

Он отошел в сторону и начал собирать сухую траву. Вырывая осоку, Ленька сильно порезал палец. Но он все же насобирал и принес Додусу травы. Тот, увидев кровь, встревожился. Ленька отмахнулся, но кровь не унималась, текла и текла.

— Какая-то она у меня жидкая. Бежит и бежит.

— Обожди, — сказал Додус и зачем-то побежал назад.

Отбежав шагов сто, он нагнулся и стал искать что-то в траве. Прибежал он запыхавшийся и улыбающийся.

— Нашел. Мы еще когда шли, я заметил. Не знал, что пригодится так скоро.

В его руках был ветвистый и длинный, покрытый мелкими тонкими листочками стебель травы, напоминающий что-то среднее между укропом и ботвой моркови. Сверху белели некрупные корзиночки цветов.

— Ахилле миллефолиум! — торжественно сказал Додус и начал быстро мять траву, тут же объясняя: — Тысячелистник это, или еще порезной травой зовут. Его туберкулезным дают, малокровным, при малярии пьют и кровь им останавливают. Вот сейчас попробуем.

— Ты как знахарь какой-то, — усмехнулся Ленька.

— Зачем знахарь,— обиделся Додус.— Это все врачи знают.

Действительно, очень скоро кровь перестала течь, и ранка затянулась. Додус хотел еще смазать иодом и перевязать, но Ленька отказался.

Миша подобрал и внимательно рассматривал удивительное растение.

— Хм, — глубокомысленно сказал он. — Полезная это штука —ботаника.

Додус застенчиво улыбнулся, а Вовка, отобрав у брата тысячелистник, деловито скомкал и засунул его в карман.

Немного не дойдя до шоссе, наткнулись на речку и начали устраиваться на дневной привал. Место было ягодное, и ребята размечтались о пирожках с земляникой.

— А давайте испечем!

Все посмотрели на Мишу недоверчиво.

— Думаете, не испеку?.. Мука у нас есть? Есть. Все. Собирайте ягоды.

Миша — он так и остался костровым с первого вечера — принялся разводить огонь, а остальные, натаскав сначала хвороста, разбрелись с кружками в руках. Ягод было много — и в рот попадало, и кружки заполнялись. Прошло минут пять. Вдруг Миша закричал:

— Сюда! Скорее!

Рассыпая ягоды, бросились к нему. Миша суетился у костра, снимая ведро с огня. Лицо у него было встревоженное и, казалось, побледневшее.

— Смотрите, — ткнул он пальцем в огонь.

Сначала никто ничего не понял, потом у всех разом открылись рты от удивления: костер медленно приподнимался, как будто кто-то толкал его снизу.

— Что это? — вместе спросили Додус и Ленька.

— Вулкан! Сейчас землетрясение будет.

Вовка сказал это совершенно серьезно, с испугом и поэтому вызвал улыбки. Но костер продолжал приподыматься, и теперь стало видно, что земля под ним вспучивается. Ленька пнул горящие сучья. Миша с Додусом палками помогли ему разбросать костер.

Обгорелая, обуглившаяся трава прикрывала небольшой холмик. Его не было, когда здесь раскладывали костер. Он вырос только что. Миша ковырнул землю палкой. Что-то блеснуло. Он ковырнул сильней. Тонкие бурые листочки сверкнули на солнце. Все склонились над бугром.

— Слюда!?

— А ну-ка, дай молоток...

Это была темная, почти черная слюда. Верхний слой ее, более светлый, чем нижний, походил на разбухший слоеный пирог. Ниже слюда была темнее и плотнее.

— Это от огня наверно, — догадался Ленька. — Нагрелась и разбухла.

Он отломил кусочек и положил на горящую головню. Слюда стала быстро увеличиваться в объеме. Листочки отделялись друг от друга, и кусочек все увеличивался, разбухал.

— Вот никогда не знал, что слюда так может, — сказал Додус.

— Нет, слюда так не может, — заявил Миша. — Я знаю. Ее сколько ни нагревай — останется, какая была.

— Тогда что же это?

— Не знаю. Спроси у Леньки. Он ведь у нас геолог, что ли...

— Никакой я не геолог. И не знаю я, что это.

Поудивлялись еще, натолкали в карманы этой необычной слюды, и Ленька, хоть и отрекался только что от геологии и минералогии, завернул образец в бумажку и сунул в мешочек, где у него хранились другие образцы.

Миша снова развел костер, а другие опять отправились за ягодами. Очень было интересно, как это начальник штаба будет без печки, без сковороды готовить пирожки.

Съели суп, подвесили воду для чая, и Миша объявил, что он готов к защите своей кулинарной чести. Леньке он поручил — насыпав в миску сахар, раздавить в ней ягоды и перемешать. А сам вытащил из рюкзака чистую тряпицу, разложил ее на земле и насыпал горку муки. Сделав в горке ямку, он налил воды, бросил щепотку соли и стал замешивать тесто.

— Вот жалко яиц нет. Я бы вам такое испек!..

— Ты подожди хвастаться.

Додус с Вовкой присели около кулинара на корточки и внимательно следили за его работой, будто ни разу в жизни не видали теста.

— Лга, вам, значит, нечего делать? — съязвил Миша. — Отправляйтесь листья собирать. Только покрупнее выбирайте.

Все сразу стало ясно. Миша наделав из теста тонких лепешек, наложил на них ягодной массы и завернул ее в лепешки. Потом он разгреб костер, и под огнем оказались заранее набросанные им плоские камни. Стряпню свою он обернул листьями, положил на камни и засыпал толстым слоем горячей золы, а сверху еще положил углей.

Ух, и славные получились пирожки! Мало кто ел такие. Правда, сверху они чуточку обуглились, а снизу не прожарились, и тесто осталось полусырым, но, в общем, как справедливо заметил Ленька, получилось «что-то шикарное». Во всяком случае — намного лучше изысканной домашней сдобы. Кроме того, все учли мишино замечание о том, что кто ест обугленный хлеб, тот перестает бояться медведей. Это для искателей приключений имело существенное значение.

Вот только комары вели себя по-свински. Не хотели они разделить туристских восторгов и нападали самым гнусным образом. Не столько больно, сколько надоедливо. Прямо из терпения выводили. Вовка совсем разозлился и даже загрустил.

— Вот если бы я писателем был, — сказал он, — я бы сочинил про лес такую книгу... В ней первая глава называется: «Комары!», вторая: «Комары!!», третья: «Комары!!!». Дима, ты поэт, — сочини такую книгу

Но Додус сказал, что комары — это чепуха, и если кругом такая красота, то не только комаров можно стерпеть, а даже пчел и еще что-нибудь похуже. А командор заявил, что тот, кто умеет не бояться комаров, тот и тигра не испугается.

— Ну да, скажешь! — откровенно выразил свое недоверие начальству Вовка, потом подумал и сказал: — Я и не боюсь, а раз они кусаются...

Миша ничего не говорил, а сорвал ветку и спокойно отмахивался ею от серых полчищ.

Комары, конечно, твари свирепые и нудные. Но они все же не смогли помешать отважной четверке вздремнуть добрый часик в тени раскидистых берез.

Километра через два от речки, где ели мишины пирожки, лес внезапно оборвался, расступившись вдоль широкой и гладкой шоссейной дороги. Приятно было здесь, в глуши, видеть следы мощных автомашин, отпечатавшиеся на желто-сером песке.

Уж на что дика местами уральская тайга, а труд и воля человека и ее обуздали, покорили. И там, где нет городов и сел, где шумят обомшелые леса, где вздымаются горы у таежных озер — и там проходит советский человек, упорный и трудолюбивый хозяин своей земли.

Вот была здесь непролазная чаща. А советские геологи нашли руду, и строители воздвигли завод. От него протянулась железная дорога, по реке поплыли барки с металлом. Широкое шоссе прорезало тайгу...

Хлопцы уселись в придорожной канаве.

— Теперь надо узнать, в каком месте мы вышли, — сказал командор. — Примерно, вот здесь, — ткнул он в карту, — только если та речка, где мы обедали, называется Каменкой... Сейчас проверим. Тут людей, наверно, много проезжает.

Скоро показались конные повозки, сразу с двух сторон. Молодой веселый колхозник, приветливо поздоровавшись с ребятами, подтвердил, что река, где они были недавно, действительно называется Каменкой, и рассказал о дальнейшей дороге.

Пройдя с километр по шоссе, ребята свернули на лесную тропу. Жара убавилась. Итти стало легче.

На ночевку расположились в диком крутобоком логу, у небольшого прозрачного ключика. На дне его была видна каждая песчинка, а от холода воды ломило зубы.

Здесь были ели. Темнозеленые игольчатые ветви, чуть серебрясь, гнулись к земле. По логу громоздились хаотически набросанные камни. Веснами здесь протекает, наверное какая-то горная речушка, бурлит и клокочет, перекатываясь с камня на камень. Лог и сейчас поблескивал на солнце, словно по дну его струилась вода. Это блестели мелкие камешки. Тут были и кварц, и свинцовый блеск, и роговая обманка, и слюда, и еще что-то, чему названия ребята не знали. Ленька все собирал, завертывал в бумажки и складывал в мешок.

По краям лога болтались мохнатые и длинные-предлинные корни сосен, подмытые весенней водой. Миша где-то слышал, что в корнях, меж мелких ответвлений, находят самородки золота. Все принялись искать. Долго искали. И не нашли...

Приготовили ужин. Додус разливал чай. Землю окутала мгла. Костер освещал кусок леса, ель, протянувшую широкую лапу к груде камней, дальше — черная глухая стена тайги.

Вдруг там, во тьме, громко хрустнул сучок.

— Кто? — вскрикнул Ленька.

Лес молчал. Но опять захрустели ветви. Кто-то подходил к костру...

НОЧНОЙ ГОСТЬ

Миша бросил в огонь сухую хворостину. Ленька порывисто вскочил, шагнул навстречу хрусту и, сжав кулаки, повторил:

— Кто, спрашиваю?

Миша тоже поднялся. Громадные глаза Додуса застыли в настороженном цепком взгляде.

Раздвигая рукой ветки и нагибаясь, из тьмы вышел высокий бородатый старик. Он был в сапогах и брезентовом плаще, на голове сидел низко надвинутый потрепанный картуз. Борода, широкая и пышная, была желтовато-серой, снежные нити в ней путались с волосами табачного цвета. Рыжие прокуренные усы сплетались с бородой. Под картузом белела седина, а над носом, широким и крепким как смоляной сучок, над темными провалами глаз нависали по-стариковски лохматые, густые брови. В коренастой его фигуре чувствовалась сила, от лица веяло таежной суровостью.

— Хлеб да соль, — сказал пришелец, негромким низким голосом. Повременив немного, он спросил: — Что, трошки пугнулись?

— Спасибо, — ответил Ленька сначала на приветствие, потом — задорно — на вопрос: — А что пугаться-то? Не из боязливых.

— Хо, ишь ты, — тряхнул старик бородой. — Рисковые... Посидеть с вами можно?

— Садитесь.

Миша подвинулся. Старик огляделся, подтянул под себя жердину, опустился легко, как на стул. Все молчали. Он не спеша расстегнул свой брезентовый плащ, вынул кисет, кургузую трубочку-самоделку и большим заскорузлым пальцем стал набивать табак. Вытащив из костра уголек, старик взял его двумя пальцами, будто холодный камешек, приложил к трубке и стал пыхать дымом, спокойно и размеренно. Раскурив трубку и бросив уголек, он также не спеша огляделся, посмотрел на небо, еще чуточку помолчал, пыхнул трубкой и неожиданно улыбнулся. Борода его подалась вперед, усы раздвинулись, а вокруг глаз прытко сбежалась сетка морщин.

— Хорошо, — сказал он, окая и растягивая слово.

Все вдруг увидели, что глаза у него вовсе не темные, а светлые, стариковские, и от его широкой улыбки стало как-то легче и теплее. Завозились, усаживаясь поудобнее.

Додус спросил:

— Чаю, дедушка, хотите?

— Благодарствую. Не обижу, так выпью.

— Зачем обидите? У нас чаю много, и сахар есть.

— Куда дорога-то? — спросил дед, принимая кружку.

— Что? — не понял Додус.

— Куда, мол, путь держите?

— А-а... Да вот идем...

— Туристы мы, — вмешался Ленька. — Путешествуем.

— Землетопы, значит, — понимающе кивнул старик.

— Почему землетопы? — обиделся командор. — Мы не просто ходим, мы свой край изучаем.

— Ишь ты. Скорые какие... Его, брат, край-то наш, сразу не изучишь. Это тебе не Галандия какая — плюнул да прошел. Россия! — старик сурово и гордо махнул бородой, но сразу же и просветлел: — Ничего, милые, не обидьтесь. Годы молодые — ноги легкие. Хорошо делаете, ладно. Ходить по ней, матушке, полезно. Сам лаптей истаскал — не сочтешь. Только дело-то не в лаптях. Ходить глазом надо... Непонятно? Это, значит, чтобы примечать все. Ногой сто верст протопал — кость набил, а проку нет. Глазом эти версты пройдешь — разума прибавишь. Во-от...

— А вы, дедушка, кто? — поинтересовался Миша.

— По занятию я горщик буду,— ответил старик, прихлебывая чай.

— Вот хорошо! Вы нам скажете,— командор подтащил к огню рюкзак,— мы тут камней насобирали всяких,— он стал развертывать бумажки и раскладывать свои образцы.

Старик допил чай и повернулся к Леньке. Он брал каждый камешек бережно и легко, словно сыпучий комочек снега, ловко повертывал в пожелтелых заскорузлых пальцах и объяснял:

— Кварец[1] это. Камень обыкновенный. Вот ежели бы прозрачный нашли — хрусталем называется, поди, слышали — он поинтереснее... А это свинцовый блеск. Ишь, будто свежерезаный свинец переливается. Руда это. Свинец из нее и плавят... А ну-ка, ну, покажи,— он

---

[1] Правильно: кварц.

Он брал каждый камешек бережно и легко...

протянул руку к небольшому неровному камешку, по цвету похожему на светлый синеватый малахит.— Это где взял? В ложке этом?.. Ну-ну, встречал здесь. Лазурь это медная, еще азуритом кличут. Тоже руда, медь из нее достают. Только медью она не шибко богатая. В старину у нас больше поделки всяческие из нее мастерили. Добрый камень, не бросовый... А это, значит, сланец. Порода пустая, но примету дает хорошую. В ней немало добрых камешков найти можно... Что?.. А ну, покажи...

Миша протянул деду кусок загадочного камня, что вспучился нежданной горкой под их костром.

— Хм,— усмехнулся старик в усы.— На огне пытали?

— Вот-вот. Разбухает он. Почему, дедушка, а?

— Слюда это черная. По-ученому — вермикулит называется. В ней, видишь, воды много. На огонь-то как бросишь, вода паром обертывается и пучит камень. Понял? В технике он применение имеет... А это колчедан, железный камень. Блеском, поди, понравился? Знаю ведь, у вас что у сорок, глаз-то все блестящее норовит поймать... А вы мне лучше скажите, не сыскали ль вы где ненароком нефриту? Камешок-то не шибко приметный, невеселый, сам сзеленя и будто облаком дождевым прикрыт, сероватый такой, простенький. Очень нужен он мне, этот камень. Давно ищу, и приметы есть, а найти еще фарту[1] не было. Люди сказывали, будто видели его в наших краях. Вам не встречался ли?

Ребята задумались, припоминали. Нефрит? Сероватый такой, сзелена?..

Богатств земли русской не перечесть. Она — как гигантская сказочная кладовая, в которой, куда ни глянь, сокровища одно другого лучше.

Перехвативший Русь от ледяных вод Баренцова моря до жарких степей Казахстана Каменный Пояс — Урал — таит в своих недрах столько разнообразных богатств, сколько нет ни в одном горном хребте мира. Чего только не сыщешь здесь! Подземные моря нефти и залежи каменного угля. Толщи железных и медных руд. Алюминий и марганец. Золото и платина. Свинец и вольфрам...

Бродит по миру гордая многовековая слава об уральских драгоценных камнях. Играют они, переливаются всеми цветами, какие есть под нашим солнцем, и потому народ назвал их самоцветами.

Под лесным ли буреломом, под глыбой мшистого гранита, в размывах безыменных речушек найдешь ты камни, овеянные дымкой древних,

[1] Значит: не посчастливилось.

как жизнь человечества, легенд, и вечно-молодые, вечно-радующие глаз своей красотой — то искрящейся и буйной, то теплой и отрадной, то холодной и строгой.

Есть здесь багряно-красный, с нежным фиалковым отливом аметист.

Здесь может быть найден и любимец Востока — искрящийся зеленым огнем демонтоид, прозванный еще хризолитом. Пусть не обманет твой глаз лукавый камень александрит: днем он зеленеет, как изумруд, переливаясь в лучах солнца нежно-фиолетовыми бликами, а ночью в искусственном свете, вдруг обернется малиново-красным кристаллом. Турмалины здесь встретятся тебе зеленые, синие, черные, бурые, малиновые, розовые. Рядом попадется нежный топаз — то синеватый, то бесцветный, то розовый, то золотисто-желтый. В песчаных россыпях вдруг сверкнет тусклым блеском гранат — густо-красного или зеленого цвета камень, запрятавший свой огонь в глубину, за сетку обточенных граней. Ты найдешь здесь твердые, почти как алмаз, благородные корунды: алый рубин, васильковый сапфир и бесцветный яхонт.

Если бы собрать их вместе, бросить пестрой россыпью на скалистом угоре под солнечные лучи, — засверкало бы, зарябило, ожгло бы острым сиянием глаза: столько лучезарной слепящей красоты в этих маленьких дивных «цветах земли».

Но когда ты бродил по уральской тайге, когда трогал восхищенной рукой сверкающие самоцветы, когда жадно припадал к земле, увидев прекрасный их блеск, — не встретился ли тебе неприметный тусклый камешок цветом грязного дождевого облака с листвяным зеленым отливом?

Некрасив он с виду, а имя у него ласкающее, нежное: нефрит. Так зовут его в нашем русском, народе.

В Иране у него другое имя — иешм, в Манчжурии—чу, у монголов—каш, у японцев — тама, а в Китае этот камень считается священным и называется: ию-ши.

Нефрит состоит из переплета мельчайших нитей-волокон минерала актинолита или лучистого камня. Он родной брат знаменитому асбесту — «горному льну», из которого ткут несгораемые ткани. Только асбест из — толстых волокон актинолита, а нефрит — из самых тонких, тоньше, наверное, паутины. Нефрит очень прочный. Это его свойство человек приметил давно-давно, многие тысячи лет назад, когда был еще полудиким. Человек не знал тогда ни железа, ни меди, одевался в звериные шкуры и жил в пещерах. Его оружием были каменные топоры, ножи и стрелы. Наши ученые-археологи, откапывая под землей

остатки стоянок древнего человека, находят эти предметы, и не раз они замечали, что многие изделия каменного века выточены из нефрита.

В древнем Китае жрецы из ию-ши выделывали священные предметы культа: музыкальные инструменты из тонких пластинок камня, вазы для жертвенной крови, воды и зерна. Еще двадцать пять веков назад китайские императоры носили знаки отличия, выточенные из нефрита. Он был таким прочным, что его называли «вечным» и считали священным.

Камень этот добывали в горах Центральной Азии, в области Хотана, в диких неприступных местах. Долгое время пытались путешественники проникнуть в эту местность — и не могли: непроходимые скалы, безлюдье, козни жрецов, бесчисленные опасности заставляли их поворачивать от древней святыни.

Первым туда прошел ученый Куропаткин — отважный русский человек. Он поведал миру о грандиозном месторождении этого таинственного камня.

Потом нефрит нашли и в России. Из него стали выделывать посуду для богачей, чаши и табакерки, вазы и абажуры. Отшлифованный камень радовал глаз чистотой тона, мягкостью оттенков и какой-то спокойной величавой глубиной. И попрежнему он поражал своей прочностью. Ученые заинтересовались им, стали исследовать. Делали такой опыт: на громадную наковальню положили глыбу нефрита и ударили тяжелым-тяжелым молотом. Наковальня разлетелась, а камень остался целым.

Потом установили: чтобы раздавить кусок гранита, нужно на каждый квадратный сантиметр его поверхности положить тяжесть весом в две тонны, а чтобы раздавить кусочек нефрита, нужна тяжесть в шесть тонн!

Вот какой прочный этот камень, древний знакомец человека. Теперь его научились применять в технике. Там, где нужны крупные и особенно прочные детали, используют нефрит.

Об этом вот замечательном камне и спросил у ребят старик.

Хлопцы долго молчали. Мало ли попадалось им на пути всяких камней, больших и малых, — ведь все не заберешь с собой. Вот если бы знать, наперед, они, конечно, обязательно постарались бы отыскать. А так...

— За блеском гонитесь, — укоризненно качнул головой дед, — за красотой. Красота-то и обманная бывает. Не все золото, что блестит... Ну, ладно. Спасибо за чай да привет. Мне дальше поспевать пора.

- Это вам, дедушка, спасибо. А может, переночуете с нами?

— Нет, малые. Пойду. Мне тут недалече осталось. Верст семь. Сын у меня лесником в этих местах.

— Обождите, дедушка, у меня вот есть еще камешок... Он совсем не блестящий. Правда, на нефрит не походит, но я не знаю, вы посмотрите, — Ленька протянул старику небольшой изъеденный кристалл грязно-бурого цвета.

— Поди, опять пустышка какая,— сказал старик, но камешок взял, склонился к свету.— Стой-ка. Да ведь это... Это поценней нефриту будет. Костерит[1] это. А проще, по-нашему — оловянный камень. Очень редкая руда. Олово из нее плавят. Давно в наших краях ищут, потому как олово — очень нужный для страны металл. Молодцы! Ей-богу, молодцы ребята. Добрая находка. Где сыскали-то?.. Ну? Чего молчишь? В каком месте, спрашиваю нашли? Да ты не бойся, прав ваших я не отыму...

Ленька виновато моргал: он забыл, где нашел этот камешок.

— Не помню я... где-то вот взял, попался он мне на глаза, а где — не знаю.

— Эх!.. И не записал?

— Не записал.

— Сротозейничал, значит. Я, скажем, не пишу, так я помню. Каждый куст, не то что ложок, в лесу знаю. А ваш брат, землетопы, обязательно писать должен. Я, чай, знаю, как ученые-то делают. Пишут они. Все пишут: где нашел, когда, сколько и прочее. А ты вот проморгал.

— Так откуда же я знал, дедушка! — в отчаянии воскликнул Ленька.

— Ладно уж, — смягчился дед, — головы-то не весьте низко. Еще, может, пофартит. А наперед — наука.

— Теперь я обязательно буду записывать, — горячо заверил Ленька.

— Вот-вот. Ну, ладно. Счастливо ночевать. Теплынь сегодня. Только, чую, не к добру эта жара... Ну, здоровы будьте, — он приподнял картуз и неторопливым шагом двинулся в таежную темень. Скоро замер в лесу хруст, и ребята остались одни.

Все молчали, потому что чувствовали, как стыдно стало и обидно командору, и говорить про это было неудобно. Ведь он считался экспедиционным геологом и минерологом. Ленька сказал сам.

— Шляпа я! — с горечью промолвил он. — Вот мог ведь... эх!..

---

[1] Правильно: касситерит.

— Ничего, Леня, ты не сильно огорчайся. Даже у настоящих ученых бывают неудачи, — утешил Додус.

— Зато уж мы не проворонim то, что найдем в пещере, — сказал Миша. — Там, наверно, что-нибудь почище оловянного камня.

— Вот, если бы знать — что. А?.. Я бы за это ничего не пожалел! — горячо заявил Ленька; разговор о пещере мигом заставил его забыть о неудаче.

Глаза Додуса загорелись:

— А вдруг, ребята, мы верно, найдем там клад какой-нибудь?

— Или золото. Приходим в пещеру и... Но вот как там найти? Где? В каком ходу?... Хотя мы найдем. Обязательно, не будь я Ленькой! В каком-нибудь самом дальнем гроте... Темно-темно. И тишина. А у стены привален камень. Большой такой. И на нем непонятная надпись. Или нет — надписи нет, а вырублена стрела или какой другой знак. Мы этот камень отваливаем, а под ним...

— ... дохлая крыса,— невозмутимо закончил Миша.

— Слушай, Дуб! Я всерьез, а ты... Зачем тогда пошел с нами?

— Да я шучу, Ленька. Сразу вскипел. Там, конечно, не крыса...

— ...а две, — придя в веселое настроение, решил пошутить и Дубов-младший, но результат оказался плачевным: быстрая и твердая, как бамбук, рука командора огрела Вовку по затылку. Он обозлился, вскочил и свирепо крикнул:

— Тогда не две, а десять, сто, тысяча! Вот. На зло тебе.

Леньке сразу стало смешно. И все рассмеялись.

Додус подбросил в костер веток.

— Поздно уже. Надо бы спать,— сказал он.— Ты как думаешь, командор?

— Да, — подтвердил Ленька, — завтра мы должны встать как можно раньше, чтобы не итти по жаре.

— А дежурство сегодня устроим?

— Надо. Сначала, Додус, будешь ты, потом разбудишь меня, а я — Мишу. Толстопуза мы освободим.

Вовка дипломатично промолчал.

Товарищи заснули быстро. Додус остался бодрствовать один. Его обняла тишина. Лишь изредка трещали сучья в огне да ветки деревьев поскрипывали негромко и однообразно. Облака окутали луну. Лохматые колеблющиеся тени от ближних деревьев неровно дрожали и покачивались на полуосвещенных стволах гигантских сосен, а дальше, за густым переплетом чащи, ничего не было видно в черной тьме. Вдали пронзительно закричал козодой. Резко и надсадно, как озлобив-

шаяся кошка, мяукнул филин, потом, чуть помедлив, ухнул раскатисто, гулко. Додусу стало жутко. Он оглянулся на друзей и подбросил в костер веток.

Пламя охватило теплом и нежило тело. Додус прилег. Держать глаза открытыми было неприятно, словно под веками перекатывались крошечные колющие песчинки. Голова клонилась к земле. Незаметно для себя Додус задремал, не заснул, а просто так — забылся.

Очнулся он от негромкого хруста сучка. Открыл глаза и замер, вслушиваясь. Было тихо. Костер догорал. Жаркие угли тлели под слоем серого пепла. Деревья кругом стояли громадные, растопырив мохнатые лапы.

Вдруг хруст повторился. Додус взглянул в сторону звука, и ему показалось, что у ели, совсем близко, притаилась чья-то темная фигура. У него невольно остановилось дыхание. «Вскочить? Закричать? Разбудить ребят потихоньку?.. А как бы сделал Ленька?..» Додусу втайне всегда хотелось походить на Леньку — храброго, решительного, задорного, и часто в минуты затруднений он думал: «А как бы сделал на моем месте Ленька Тикин?» Вот так подумал он и сейчас, но не успел додумать, как рука сама потянулась в сторону приятелей, дернув за чью-то штанину, и Додус хриплым полушопотом сказал:

— Ребята!..

В этот миг фигура у ели пошевелилась. «Сейчас убежит»,— мелькнуло у Додуса, и он сам удивляясь тому, что получилось так громко и властно, крикнул:

— Стой!

В тот же момент он вскочил. Фигура метнулась. Додус бросился за ней. Человек споткнулся, и Додус сразмаху полетел через него, но успел уцепиться за руку. Рука была сильной, и неизвестный, резко выдернув ее, оттолкнул Додуса ногой.

— Стой! — снова закричал Додус.

Ребята, проснувшиеся с первым криком дежурного, бросились к нему на помощь, но было уже поздно. Ломая валежник, треща сучками, незнакомец убегал в таежную тьму.

— Кто там? Что с тобой, Додус? Кто был? — набросились на Додуса друзья.

А он и сам ничего не знал и не понимал и очень сбивчиво рассказал о происшедшем.

— Что ж, ты даже разглядеть его не мог?

— Разглядишь тут! Темно же...

Встревоженные, вслушиваясь в каждый шорох, ребята всю ночь

просидели у костра, спалив громадную кучу хвороста, и поспали лишь под утро.

А когда рассвело, в том месте, где схватились, было, Додус и таинственный ночной гость, нашли записную книжку. Все листы были чистые, нескольких нехватало. На каждом листе в верху была двойная зеленая черта, ниже — обычная сетка клеток. Ленька вытащил из сумки вчерашнюю записку с перекрещенными мечами. То был листок из этой записной книжки.

ПЫЛАЮЩИЙ ЛЕС

Шли молча, невыспавшиеся и злые. Чуть позвякивало в такт шагам ведерко в руках Додуса. Тропка то вихлялась меж деревьев, кружила по краям болотцев, то прямой стрелкой вклинивалась в лесные поляны или длинной змейкой вползала на холмы Солнце, забравшись в верхушки сосен, начало поджаривать уже с утра. Ветерок дул легкий и горячий. Птицы и на заре перекликались как-то сонно, нехотя, а потом и совсем смолкли. В густом душном воздухе струился крепкий, щекочущий ноздри лесной аромат. Плавилась смола, и янтарные капельки трепетно сияли в солнечных лучах. От накаленных придорожных камней пыхало жаром.

— Вот бы вдруг — зима, минут на десять, — размечтался вслух Вовка.

— Да, а зимой лета просишь, — отозвался брат.

Вовка замолк, потом сказал очень ласково:

— Миша, давай глотнем водички.

У Миши самого давно пересохло горло, и, хотя воздух был чистым, казалось, что в рот набилась сухая пыль. Но вода, так заманчиво булькавшая в его фляжке, составляла «НЗ», неприкосновенный запас экспедиции, ее можно было тратить лишь в особо важных случаях, по разрешению командора. Ленька, услышав вовкину просьбу, остановился и грозно насупился. Однако взглянув на красное, распаренное лицо малыша, увидев, как из-под его мокрых свалявшихся волос сбегают струйки пота, командор сказал:

— Пусть глотнет. Только самую капельку, — и, отвернувшись он облизнул свои белые, запекшиеся губы.

Додус тоже отвернулся, а Миша, протягивая фляжку брату, собрал изо всех уголочков рта горьковатую тягучую слюну и проглотил.

Вовка пил, не поднимая глаз: ему было совестно. Видимо, поняв его мысли, Ленька сказал как можно приветливее:

— Ничего, Толстопуз, ведь мы-то постарше тебя.

И это не только успокоило Вовку, но и придало сил остальным. И Миша, и Додус, и сам Ленька почувствовали себя как-то взрослее. Ведь силен не тот, кто для себя, опередив, быть может, иных, сделает все, а тот, кто своей силой принесет пользу другим.

Приняв от Вовки флягу, Миша потряс ею над ухом и весело сказал:

— Ого! Полбочки долой.

— И вовсе нет, всего один, ну, два глоточка, — поспешил уверить Вовка.

— Ничего, теперь он, как верблюд, сможет сто верст без воды шагать,— усмехнулся командор, и все снова двинулись в путь.

Но не то, что сто верст, а и трех километров не прошли ребята, как набрели на воду. Маленькая, вдруг вывернувшаяся из-за кустов речушка, тоненькой полоской блеснула впереди. Ленька, как только завидел воду, рывком перешел с мерного шага в неистовый галоп. Подхватив восторженный вопль командора, вся ватажка ринулась за ним. Рюкзаки полетели наземь. Четыре жадных рта припали к воде и не отрывались от нее, наверное, минут пять.

— Ух, и вкусная, — восторженно простонал Миша, крутнул головой и вновь окунул рот в речушку.

Напившись, умылись. Затем открылся внеочередной совет четырех, обсудивший вопрос чрезвычайной важности — обедать ли здесь или продвигаться дальше. Единогласно было принято решение: быть привалу здесь, и нигде больше.

Вытащив карту, установили, что по этой тропе надо продвинуться на север еще километра два, потом она круто свернет на восток, к Исети.

— Ура, братцы-кролики! Ночевать на Исети будем.

— А завтра... Смотрите, там всего один переход, вниз по реке. Завтра к вечеру, не будь я Ленькой, подойдем к пещере. Или послезавтра днем.

— Даешь обед!

Командор и Вовка, заготовив топливо, дружно клевали носами в ожидании, пока начхоз во взаимодействии с начальником штаба, исполняющим роль кострового, сварят обед-скороспелку. Поев, все за исключением Додуса, прилегли вздремнуть. «Немножко можно», — сказал командор. Додус отправился побродить, чтобы насобирать каких-то трав.

Непрерывно и звонко стрекотали кузнечики. Томился и дрожал расплавленный солнцем воздух. Даже в тени было душно и тягостно, но

сон, уступивший тревогам прошедшей ночи, сейчас взял свое и, навалившись на ребят, крепко прижал их к сухой каленой земле...

Первым проснулся Миша. Он открыл глаза и напугался: так долго спали! Ему показалось, что уже вечереет. Небо потеряло сияющие краски дня, как-то посерело, и все предметы вокруг застлались прозрачной серебристой дымкой. Но почти сразу же он увидел за серой мутью, покрывшей небо, красноватый расплывшийся круг солнца, стоявшего почти в зените, и понял, что до конца дня совсем не так уж близко. Костер дымился, ветерок нес в лица легкий запах гари.

Вдруг что-то рыжее быстро и плавно пронеслось по земле за соседними стволами деревьев, и Миша только успел сообразить, что это была лиса, как почти по тому же месту проскакал, торопливо взметывая длинные задние лапы, заяц. «Серый за лисой охотится», — про себя улыбнулся Миша, еще ни о чем не догадываясь, но в то же время какое-то смутное, бессознательное чувство надвигающейся опасности болезненно тронуло его сердце. Он еще раз огляделся и неожиданно заметил, что слева, на западе, небо и деревья чистые и яркие, а на востоке — сизая дымка, и чем дальше, тем гуще. Справа шел еле уловимый шелестящий шум. Миша повернулся лицом туда и ничего особенного не заметил. Только увидел, что из кустов, совсем не прячась, выбежала крупная темнобурая, с широкой белой полосой на крыле птица — тетерка, заскочила обратно и снова выбежала, гоня перед собой то и дело вспархивающих, попискивающих птенцов. И тут, наконец, осмысленная догадка пришла к Мише. Он вспомнил читанные когда-то описания, невольно и очень быстро сопоставил их с только что виденным и понял: это лесной пожар.

Пораженный этой мыслью, он мгновение стоял, не шевелясь, потом бросился будить друзей. Командор чуть побледнел, его серые глаза засверкали.

— Собрать вещи,— приказал он и сам начал набивать рюкзак, бросая с перерывами: — Быстро... Спокойно... Где Додус?

Додус?.. Тут только все заметили, что его нет у костра.

— Доду-ус!! — громко крикнул Миша.

Никто не отозвался.

— Доду-ус!! — закричали они втроем.

Тишина, тот легкий шуршащий шум — и ничего больше.

Друзья тревожно переглянулись. Вовка напомнил, что Додус, когда они поели, отправился собирать травы. Рюкзак его остался у костра.

— Вещи отнести пока в кусты, к самой воде, — распорядился Ленька,— а я пойду посмотрю...

Он побежал по лесу в сторону, откуда накатывалась белесая дымка. Огня нигде не было видно. Ленька бежал долго. Время от времени он громко звал Диму Веслухина. Лес был по-особенному тих, безмолвен. Леньке стало не по себе. Вдруг, взбежав на холм, он увидел вдалеке пламя — маленькие верткие язычки огня разбегались по земле. Еще дальше впереди из-за кустов выползали серые космы дыма, рассеивались, а за ними видно было широкое и большое пламя, словно там полыхало много-много костров.

— Доду-ус! — в последний раз прокричал Ленька и побежал обратно.

Он рассказал товарищам о том, что видел.

— Надо бежать, — сказал Вовка.

— Достань карту, — попросил Миша.

По карте они увидели следующее. Пожар надвигался с востока, со стороны Исети. На севере протянулось нанесенное на карту тонкими голубыми штрихами громадное болото. На юге было то шоссе, которое они перерезали вчера, а на западе, от края болота — там, видимо, был торфяник — тянулся к шоссе лесной рабочий поселок. Между ним и тем местом, где были ребята, чернел значок, обозначавший дом лесника. Тут вспомнили, что старик, с которым они разговаривали ночью, спешил к сыну-леснику.

К отступлению было два пути: на юго-запад, откуда они пришли, к шоссе, и на запад, к домику лесника и дальше — к поселку.

— Мы... останемся здесь, — сказал командор.

Миша понял его и спросил:

— А справимся?

— Пошлем Вовку за помощью.

— Толстопуз, тебе задание. Очень важное задание, Вовка. Я и Миша... мы с Мишей остаемся. Видишь, пожар куда двигается? В ту сторону, к поселку. Мы станем валить деревья, рубить просеку. Понятно?.. — Ленька часто дышал, видно было, что он волнуется, и сам он понимал, что говорит много лишних слов, совсем ненужных сейчас, а Вовка все равно понимает плохо, но по-другому у него не получалось. — Мы начнем рубить, а к нам прибегут взрослые. Приведешь их ты. Понятно? Вот смотри... Вот азимут, двести шестьдесят пять. — Это — на дом лесника. Держи компас. Беги. Быстрее.

Вовка машинально взял компас и растерянно смотрел на командора.

— Не сумеешь, что ли? Или боишься? — спросил Ленька и вдруг вспомнил, как он проводил занятия в «школе под кустами», а Вовка не захотел заниматься, сказал, что и так все знает. Ленька вспомнил

это и страшно разозлился — на себя — за то, что не заставил тогда Вовку послушаться, и на Вовку — за то, что он оказался таким лентяем и неумехой. Он вырвал компас из рук Толстопуза и крикнул: — Говорил я!.. Эх!.. Ну, и не надо.

Вовке было очень стыдно. Он боялся поднять глаза. Он должен был как-то искупить свою вину.

— Леня, — тихо сказал Вовка и часто заморгал, — ты не сердись. Я без компаса... попробую. А может, не заблужусь, а?

— И не надо, — повторил Ленька, чуть не плача. — Оставайся. Только ведь от тебя толку... Я побежал, Миша...

Он посмотрел на компас, нацелился взглядом на какой-то предмет в направлении азимута, в два прыжка пересек речку и побежал напрямик, подминая траву, перепрыгивая через кучи хвороста и мелкие кусты.

Миша вытащил топор. Широкое веснушчатое лицо его побледнело, глаза смотрели серьезно и сосредоточенно. Он понял ленькину мысль: валить деревья, чтобы сделать широкую просеку. Пустое место — для огня преграда...

Щепки светлым веером взлетали из-под топора. Вот качнулась, затрещала, помедлила немного, наклонилась и с тяжким шумом ухнула на землю первая сосна. Миша рукавом рубахи провел по лицу, и рукав потемнел от пота. Заскрипела, качнувшись, вторая сосна.

— Ну, а я-то?.. — не выдержал Вовка. — Дай помогу.

— Обожди, — буркнул старший брат, продолжая с силой бить острием топора по стволу.

Третья сосна была толстой. Они рубили ее попеременно, рубили долго. Дымка в воздухе густела. Пахло гарью. Покрытое сизым налетом, покрасневшее солнце уже не жгло, но жара не убавилась. Было душно. Горло пересыхало. Братья по очереди бегали к речке пить. Рубахи стали такими мокрыми, что воду из них можно было отжимать. Топор стал очень тяжелым, кисти рук ломило, и пальцы деревянели.

Вовка дернул Мишу за рукав и не сказал, а прошептал каким-то осипшим голосом:

— Смотри...

На дальнем холме, из-за которого накатывалась дымная пелена, стали видны маленькие пляшущие язычки пламени. Миша долго не мог оторвать от них взгляда, все стоял и смотрел, как, то взметываясь, то припадая к земле, перепрыгивая с одного пучка травы к другому, перебегая по хвое, сжимаясь и вытягиваясь, танцуют играючи оранже-

во-желтые полоски, а рядом с ними пыхают и кружатся белесые облачки дыма. Тот неясный, еле слышный шум, который Миша услыхал, когда проснулся, все нарастал. Теперь уже можно было различить отдельные удары, какое-то потрескивание и завывание. Казалось, будто сквозь дремоту слышишь, как рядом с тобой бушует на ветру большой костер.

Вовка присмирел, его лицо стало очень серьезным, а в рыжих глазах забегали тревожные искринки.

Вдруг раздался цокот копыт и к речке на горячей, вспаренной лошади подскакал всадник. Он был в полинялой солдатской гимнастерке без пояса. Неровный темный чуб прилип ко лбу. За мужчиной, крепко обхватив его, сидел Ленька. Оба они соскочили с лошади и, разбрызгивая воду в речке, побежали к ребятам. В руках мужчины были две лопаты.

Лесник, — это был лесник, — встревоженно и хмуро вгляделся в лес, быстрым торопливым шагом прошел в сторону, вернулся, еще раз осмотрелся и сказал не то себе, не то ребятам:

— С Медвежьей пади паль идет... Пластать будет, удержу нет.

Быстро глянув неспокойным глазом на Мишу, стоявшего с топором в руках, он досадливо махнул рукой.

— Не будет толку. Близко валить начал. Не поспеть. Айда за мной, — и, размашисто шагая, лесник поспешил на другую сторону речки.

Здесь каждая тропка была исхожена им, каждое дерево запримечено. Он и с закрытыми глазами мог бы, наверное, ходить по лесу и не заблудиться. И сейчас, моментально сообразив, как и что делать, лесник тут же принял решение: валить деревья, снимать дерн и копать канаву в ложке́, метрах в двухстах от речки. Здесь когда-то проходила просека. Сейчас она поросла негустым кустарником и мелкими деревцами и уже сама по себе представляла преграду для верхового, идущего по верхушкам деревьев, огня.

— Держи, — протянул лесник лопату Мише, сразу оценив по достоинству крепкую, мускулистую фигуру паренька. — А ты, — обратился он к Леньке, — руби кусты. Малец оттаскивать будет, — это относилось уже к Вовке.

Он говорил и делал все быстро, на ходу, не мешкая. Ребята оттащили свои рюкзаки подальше, и начали работать. Скоро в лесу что-то затарахтело, и к речке, подминая кусты и подпрыгивая на толстых корнях деревьев, подъехала телега. На ней сидели какая-то женщина, лет двадцати пяти парень и старик, в котором ребята разом признали свое-

го ночного знакомца. У всех были лопаты и топоры. Женщина поспешно отвела лошадей в глубь леса. Старик перебросился с сыном несколькими фразами.

— С Медвежьей идет?

— Оттуда.

— А там, — старик указал рукой на север, — не проскочит?

— Там Лисья поляна задержит, по ней в обход пойдет, а дальше с торфяника люди должны быть. Ты позвонил?

— А как же. И сюда обещали артель подбросить... Нам бы расшириться...

Лесник скомандовал, чтобы все раздвинулись, увеличив интервалы друг между другом.

Огонь наступал. На вершине холма уже бушевало неистовое пламя. Деревья загорались так. Сначала с легким шумом вспыхивали иглы на кончиках веток. Потом в какое-то неуловимое мгновение огненные полосы врезались в глубину кроны, и трепетные вихрастые языки огня смешивались вместе. В то же время пламя вползало вверх по стволу от земли. По коре, как слезы, струилась смола. Огонь охватывал ствол вначале робко, неуверенно, прыгал беспомощно и скатывался вниз, словно кто-то смахивал его с дерева, но, припав к земле, он вдруг выпрямлялся и становился выше, чем прежде. Так он все лез и лез, перебегая и кружась по дереву, пока не сливался с пламенем, идущим сверху. После этого вся сосна, дрожа и корчась, полыхала огнем. Что-то трещало в ней, и ярко-золотые искры широкими снопами взметывались из пламени. Иногда вылетали целые головни — обугленные раскаленные куски дерева, обвитые дымной пеленой. Поднявшись высоко и чуточку помедлив в воздухе, они снова падали в огненное месиво.

Страшная стихия надвигалась на горсточку людей. Все пожирающей громадой, медленно, но неотступно полз лесной пожар. А люди, казавшиеся перед ним такими маленькими, беспомощными, обреченными, не только не бежали, а встали на рубеже, готовясь дать огню бой. Лопаты, топоры — вот и все, что было у них. Нет — еще было мужество.

Лопаты стали горячими, не от огня — от трения. Они уже притупились, но все вгрызались и вгрызались в почву. Серобурая полоса быстро высыхающей земли ширилась. На подмогу семье лесника прискакали рабочие с торфяника. Те из них, что были с лопатами, встали на рытье канавы, а часть принялась валить лес. Деревья рубили вразвал: по одну сторону канавы сосны сваливали вершинами к наступавшему огню,

по другую — в обратную сторону. От этого просека сразу становилась широкой.

Люди работали быстро и дружно, с какой-то яростью, словно шли в атаку. Миша, оказавшись между лесником и одним из рабочих, старался не отстать от них, но это было очень трудно. Спина давно болела, а ноги слабели и дрожали. «Хоть бы на минуточку присесть», —

с тоской думал он, но только ожесточенней ворочал лопатой. В какой-то момент, — Миша не уловил его, — тяжесть, давившая тело, вдруг исчезла, и уже не нужно стало усилием воли заставлять мышцы работать. Они сами почти машинально делали свое дело. Но это только казалось так. Мышцам стало легче оттого, что воля напряглась предельно, все внимание сосредоточилось только на труде, на этих вот простых движениях: вонзить лопату в землю, отбросить ком, снова вонзить — и так бесконечно. Миша перестал замечать шум вокруг, людей, огонь, наступавший фронтом, — он видел только лопату и полоску земли, которую надо было оголить и углубить.

Глядя на брата и на взрослых, Вовка оживился. Страх отошел от него, и оказалось, что это очень интересно — воевать с лесным пожаром. Там, впереди, шумливой стеной надвигалось широкое, бесноватое пламя. Если смотреть на него долго, становилось страшно. Но долго смотреть было некогда. Вовка взглядывал туда лишь изредка, между делом. А дела было немало. Во-первых, он оттаскивал те кусты, которые срубал Ленька. Во-вторых, он помогал взрослым сдирать дерн с земли. В-третьих, нужно было — так, во всяком случае, ему казалось, — проверять, как вообще идет работа, и Вовка совал свой нос под каждую лопату и самоотверженно предлагал свою помощь всем по очереди. Сначала на него сердились, потом стали просто отмахиваться и, наконец, смирились с ним и даже улыбались, глядя, как этот толстенький веснушчатый мальчик переваливаясь на бегу, суетится, размахивает руками и непрестанно и деловито бормочет что-то. Вовка был захвачен общим энтузиазмом, леность его улетучилась, и если бы — случилось такое — кто-нибудь поинтересовался сейчас его будущей специальностью, он, не задумываясь, назвал бы профессию пожаротушителя.

Ленька тоже вошел в азарт. Но это был азарт другого рода. Ленька не только чувствовал, как Вовка, но и понимал, какую жестокую опасность несет лесной пожар.

— А ну, рубанем! А ну, трещи! Лети, лети! — то и дело покрикивал Ленька, перебегая от куста к кусту и ловко орудуя топором. Иногда вспоминал о Додусе. «Где же он?» Ленька не думал, чтобы Додус мог погибнуть в огне, но... но где же все-таки он, что с ним случилось, куда он исчез?..

...В своей тяжкой горячей работе люди не заметили, как кончился день. Небо, черно-серое от дыма, потемнело совсем, а на востоке, над пылающим лесом, налилось мутнокровавым цветом.

Огонь придвинулся совсем близко. Лица жгло, одежда накалялась, пот быстро испарялся, кожа стала сухой, к ней было больно притрагиваться. Стало трудно дышать. Глаза у всех покраснели и слезились. Но люди не выпускали лопат из рук и не отступали перед огнем.

А он все наступал и наступал. Слева, справа, отовсюду пламя, свистящее, шумное, грозное. Где-то там, в глубине гигантской топки, падали деревья, вытянув свои обугленные изуродованные лапы, а здесь, ближе, уже корчились, съедаемые огнем новые, и пламя, охватывая кроны, надвигалось на людей.

В багровом зареве день смешался с ночью.

Вовка еле передвигал ноги. Миша, этот крепыш и силач, так устал, что уже два раза падал, и всем кто видел это, было очень жалко па-

ренька и хотелось сказать, чтобы он бросил работу и отдохнул, но сделать этого было нельзя, потому что нужно было победить огонь.

Настали самые страшные и самые ответственные минуты. Или прорвется огонь через преграду, и тогда его уже не остановить больше, или он будет побежден здесь. Пламя, перемахнув через речку, подступило вплотную к людям. Жар стал невыносимым. Хвоя на земле и трава уже обгорели, огнем занимались ближние деревья. Одежда стала дымиться.

В глазах у Леньки все плыло и кружилось. Голоса людей стали какими-то далекими и глухими. И шум огня — он был очень сильным — звучал лишь в полтона. Ленька уже бросил топор и работал лопатой. Он стоял у края канавы и помогал старику отбрасывать землю. Лопата была тяжелой-тяжелой. Леньку качало. Он думал о Додусе, но мысли его путались и никак не могли задержаться на чем-нибудь определенном.

ОДИН-НА-ОДИН

Додусу вначале повезло. Перейдя речку, он побрел по лесу и скоро вышел на старую заброшенную просеку — ту самую, на которой через несколько часов возник противоогневой рубеж. Здесь он нашел то, что ему давно хотелось найти, — траву зверобой. Это знаменитая трава. В старые времена она считалась волшебной. У нее есть еще названия: хворобой, здоровая трава, молодецкая кровь. Так народ называет это растение за его целебные свойства. Зверобоем можно лечить туберкулез легких, он употребляется от кашля и удушья, от болей в животе, а главное, как мазь, от болей в суставах при ревматизме. У тети Додуса был ревматизм. Поэтому он очень обрадовался, когда на опушке поляны, примыкавшей к просеке, заметил два кустика зверобоя.

Высокие, в полметра, стебли подпирали яркие золотисто-желтые цветы, на лепестках которых чернели мелкие точки. Для мази от ревматизма нужны только листья, но Додус не стал их обрывать, а, забрав оба кустика целиком, двинулся дальше. Скоро он нашел еще кустик, потом еще...

Он брел по лесу, смотря под ноги, и думал о своем.

Была у Додуса одна большая мечта. Он хотел научиться сам, а потом научить других с толком использовать все растения. Додус много читал книг по ботанике и знал, что почти каждое растение содержит в себе те или иные вещества, которые могут приносить человеку пользу и которые нужны или в медицине, или в промышленности, или

в сельском хозяйстве. Даже те растения, которые хорошо известны людям и на которые обычно не обращают внимания, имеют замечательные свойства. Но чаще всего их полезные качества никак не используются, потому что мало кто знает о них.

Вот взять этот же зверобой. Его знают как лекарственную траву. А многим ли известно, что из его цветов можно вырабатывать красную и желтую краски? Или, например, знакомый всем синий василек. Из него можно приготовлять замечательную голубую краску для шерстяных материй. А сорная ромашка, покрывающая желтыми коврами пустыри, пашни и придорожные поляны, — из ее цветов тоже получается хорошая краска. Или крушина — этот высокий кустарник с пестроватой корой, ровными овальными листьями и твердыми блестящими ягодками приторно-сладкого вкуса. Из крушины можно делать краски трех цветов: из незрелых, красного цвета ягод — желтую, из черных, зрелых — зеленую, а из ягодного сока — темнозеленую. Из крапивы и лопуха можно ткать добротные тонкие материи...

Додус наступил на крупное торчащее над травой растение с продолговатыми мелко иссеченными по краям листьями и длинной твердой головкой. «Чистец» — почти машинально определил он и вспомнил, как руководительница ботанического кружка рассказывала об этом растении. «Вот, — говорила она, — добывается масло из льна. В семенах льна — тридцать семь процентов жира. А невзрачная сорная трава чистец содержит его в своих семенах тридцать восемь процентов». И Додус вспомнил еще одну траву, похожую на чистец, жабрей, в семенах которого ученые обнаружили более сорока процентов жира. «Вот бы найти этот самый жабрей, посадить на участках кружка, и все вместе стали бы ухаживать за ним. Раз он сорняк, значит, неприхотливый, быстро бы приспособился, а мы бы, как Мичурин, стали улучшать его и вывели бы такой сорт, в котором жира еще больше бы стало. Ведь в семенах липы бывает 50 процентов жира, а в лесном орехе даже до 60 доходит...» Додус подумал об этом, и ему пришла мысль вырастить совсем новое растение, чтобы его плоды были такими же вкусными и сытными, как орехи, а по размерам во много раз больше.

Он стал размышлять, какие бы из знакомых растений можно для этого использовать, и, может быть, потому, что шел в этот момент мимо небольшого лесного болотца вспомнил о болотном растении, которое называется сусак, или сотовец, а то еще и хлебник. Вот что надо использовать для опытов! В толстом мясистом корневище сусака, напоминающем корень молодого лука, так много крахмала, сахара, белка и жира, что сусак по своей питательности почти не уступает муке. До

дус читал где-то, что в прошлом веке крестьяне, когда им нехватало хлеба, пекли его из корней этого растения. А стебли сусака — волокнистые, из них можно ткать материи... Додус от радости даже прихлопнул себя по ляжкам. Вот это получится здорово! Он сразу представил себе, как они в ботаническом кружке развели дикий хлебник, ухаживают за ним, скрещивают с другими растениями. Кружком у них это получится. Ведь их двенадцать человек. Если бы каждый смог провести только по 50 опытов, то все вместе они проведут 600!.. Да, у них обязательно получится. Они выведут такое растение: корни его можно будет есть, из стеблей — ткать одежду, а из семян — добывать масло. Такого растения нет, но они выведут!

Додус уже стал в уме сочинять письмо президенту Академии наук, — ведь о таком открытии, конечно, можно написать самому президенту, — он стал сочинять это письмо, потом представил себе другое. Тетя Фиса приходит из магазина и зовет Додуса к столу. «Дима, индика отведай, что я принесла. Совсем новый продукт и очень вкусный. Рассказывают, будто его получили какие-то молодые ученые». Додус улыбается, но ничего тете не говорит, подходит к столу и как бы нехотя берет кусочек. «Ну, что, правда, ведь вкусно?» «Не очень», — говорит Додус. Тетя кривит свои губы — вот так: верхнюю чуть приподнимет, а уголки опустит вниз — и отвечает: «Что ты понимаешь!» И тут можно будет рассказать ей, откуда и как этот продукт получен. То-то она удивится, заохает...

Додус от этих мечтаний пришел в отличное настроение и, не долго думая, свернул к тому болотцу, что белело березами в сторонке. Это было небольшое торфяное болото — остатки древнего, плескавшегося здесь когда-то озера. Додус бродил по его берегу, надеясь найти где-нибудь сусак. Но нигде его не видел. И вдруг...

Нет, сегодня ему определенно везло. Как жалко, что нет здесь приятелей — вот бы он удивил их своей находкой.

Додус присел на корточки над маленьким, сантиметров восемь или десять в высоту, растеньицем и стал пристально его разглядывать. Не только карие большие глаза его напряглись и стали огромными, а даже уши, казалось приподнялись и вслушивались во что-то внимательно-внимательно.

Перед ним была росянка, растение-хищник.

На двух недлинных тонких стебельках мирно покачивались маленькие полузакрытые бутончики цветов. Листья росянки, их было штук девять, лепились к самым корням, у мха. Они были красноватого цвета и походили на плоские игрушечные блюдечки. На этих блюдечках

торчали, покрывая всю их поверхность, волоски-ворсинки, длинные по краям листка и короткие посредине. Они утолщались к концу, и на них блестели малюсенькие прозрачные, как роса, капельки.

Додус долго разглядывал росянку, потом уселся рядом и стал ждать. Он ждал, наверное, минут десять. Тоненько звеня, над его ухом пролетел комар. Он, видимо, хотел напиться и, заметив блестящие капельки на листьях росянки, беззаботно опустился на ворсинки. И тут случилось то, чего комар никак не ожидал. Он хотел приподнять опущенный в капельку хоботок — и не смог, хотел оторвать лапку, завязшую в другой капельке,— тоже не смог. Он начал биться, зажужжал — ничто не помогало. Вязкие, клейкие росинки крепко держали свою жертву. Так, бывает, муха, прилепившись к клейкой подслащенной бумажке, брошенной на подоконник, бьется беспомощно и увязает лапками и телом. Но это — дело рук всемогущего человека. А тут — маленькое неприметное растение...

Вдруг листочек росянки пришел в движение. Волоски на нем начали медленно вытягиваться, а капельки — увеличиваться. Волоски тянулись к комару. Он неистово забился, но ближние ворсинки, склонившись, уже коснулись его крылышек, слепили их. Волоски прижимались к его головке, к шее, к туловищу. Прошло несколько минут, и комар уже весь был охвачен тонкими липкими щупальцами росянки, залит их клейким соком и задушен. Медленно-медленно волоски начали передвигать свою жертву к середине листка. Казалось, что тельце комара ползет, передаваемое с рук на руки. Потом щупальцы-ворсинки стали загибаться, как пальцы руки загибаются к ладони, и через некоторое время комар исчез из глаз Додуса, зажатый, словно в кулак, листком росянки.

Додус долго не мог оторваться от этого диковинного растения, хотя знал, что оно переварит свою пищу не скоро. Пройдет два дня пока особая жидкость, выделенная росянкой, растворит тело комара. Тогда листок раскроется вновь.

— Здорово! — вслух сказах Додус, встал и... спохватился: ребята, наверное, уже проснулись и теперь ищут его.

Но в какой они стороне, где и куда сам ты, Додус, забрел?

Взглянул на солнце. Оно было затянуто полупрозрачной грязноватой дымкой. Впрочем, это было неважно: Додус знал несколько примет, по которым даже и без солнца мог бы определить страны света — по расположению ветвей, по мху на деревьях и камнях, по срезам пней, по некоторым травам. Важно было то, что он даже примерно, не мог установить, какого же направления ему надо придерживаться. Он старался припомнить, с какой стороны светило солнце, когда он шел сю-

да, — и сбивался с толку. То ему казалось, что оно было слева, то справа, то сзади. Видимо, действительно он кружил по лесу.

Додус вспомнил рассказы о том, как люди неделями плутают в лесу и погибают, не найдя дороги. Но нет, с ним этого не случится. Он найдет дорогу.

Стряхнув задумчивость, Додус двинулся в путь. Куда итти? Он пошел мимо болотца в сторону, обратную той, откуда к нему подошел. Не надо только итти вдоль края болота, а то обойдешь его кругом — и все. Надо двигаться по прямой.

Он шел, стараясь нигде не сворачивать с намеченной линии, перепрыгивал колоды, перелезал через бурелом, напрямик пересекал бугры и ямы. Он задержался только однажды. На небольшом скалистом угоре, под чахлой, расщепленной молнией сосной, склонив к камню свои толстые морщинистые листья, снизу будто подернутые светлым войлоком, торчало несколько маленьких кустиков. На их пушистых стеблях белели крупные чуть желтеющие цветы.

Додус слышал об этом растении, но видел его до этого только один раз, в ботаническом саду. Это была дриада, или куропаточья трава, — живой памятник далекого прошлого земли. Дриады росли в ледниковую эпоху, лепясь вместе с карликовыми березками, полярными ивами и тундровым мхом по краям гигантских ледяных полей, покрывавших тогда Урал.

Додус представил себе бескрайную, отливающую голубым светом равнину, пустое холодное небо над ней, мелькнувшего где-то в сверкающей снегом шири фигуру громадного оленя, человека в звериных шкурах, припавшего на поросли дриад за серым валуном, — и чуть не захлебнулся от ощущения громадности времени, которое прошло с тех пор и которое, как и человек, пережила вот эта трава с грубыми шершавыми листьями и нежным беленьким цветком.

Но размышлять, мечтая, было некогда. Надо было спешить. И Додус снова двинулся дальше.

Он шел, но приближался ли к цели — не знал. Лес кругом был какой-то сумрачный и по-особенному настороженный. В сухом горячем воздухе стоял плотный сладковатый аромат — запах прелых трав и смолы смешивался с легким запахом гари. Было тихо, птицы куда-то попрятались. Или это все казалось Додусу? Он очень устал. Хотелось есть. Но нужно было спешить. Он шел и шел.

И вдруг... Что за наваждение!.. Нет, он не ошибся: снова перед ним тот скалистый известняковый угор, та чахлая, пришибленная грозой сосна и этот кустик толстолистой кожистой дриады.

Видно, ты, всерьез плутаешь, Додус! Закружила тебя тайга, запутала, водит за нос. Плохие шутки.

Додус сел. Вот он остался один-на-один с тайгой. Кто окажется сильнее?

Ноги ныли. Хотелось есть. И было тоскливо. Ну, он снова пойдет, будет итти, итти, а дальше?.. Долго ли так бродить вслепую? У него даже корочки хлеба нет с собой. Ни спичек, ни кружки — ничего. А если пойдет дождь, буря начнется? И — ведь все в лесу может случиться — здесь бродят, наверное, звери. А ребята беспокоятся. А тетя Фиса...

Как только Додус вспомнил о тете, он совсем загрустил, и ему стало очень жалко себя. Он представил, как ребята вернутся домой, а его с ними не будет. Конечно, его обязательно будут искать и, может быть, даже пошлют такую специальную группу и найдут в лесу... что? мертвого?.. Нет, он вовсе не хотел, чтобы его нашли мертвым. И вообще — что за чепуха лезет ему в голову! Нехватало еще представить собственные похороны. А еще пионер!.. Нет хуже того, когда человек хнычет. Кто в беде раскисает, тот никогда не победит.

Додус решил действовать и встал. Он даже попробовал запеть. Но песня получалась плохо. Петь он перестал, но его решительность от этого не уменьшилась.

Придумал! Нужно сделать так. Нужно найти какую-нибудь горку, забраться на сосну и оглядеться получше. Хоть что-нибудь да заметит же он — дорогу ли, реку, озеро, деревню вдали. Правильно придумано, товарищ Додус! В путь!

Если итти высоко подняв голову и размахивая руками, шагается легче. А заблудиться в лесу — это даже интересно. То-то будет смеху, когда они снова соберутся вместе, и будут потешаться над этим случаем из «научной» деятельности экспедиционного ботаника. Пожалуй, надо было прихватить с собой кустик дриады — как-нибудь донес бы, сохранил...

На глаза ему попалась саранка. Перочинным ножом он выкопал луковицу, съел, и от этого аппетит разыгрался еще больше. Пересекая заболоченную низинку, Додус заметил несколько водяных лилий, тех, что зовутся кувшинками, и решил закусить поосновательнее. Недаром же он готовится стать ботаником и знает кое-что, чего другим, быть может, неизвестно.

Додус разулся, полез в воду и, ухватив крупный белый цветок, мирно покоившийся на широком круглом листке, потянул его к себе. Из воды показался длинный и гладкий, как тонкая резиновая трубочка,

стебель, взбулькнули пузырьки, и вслед за стеблем вытянулся тоже длинный, но толстый, почти в руку, корень лилии. Мягкий и скользкий, он был пресным на вкус, но все же утолил немного голод. Тут же, чуть в сторонке, Додус заметил распластавшиеся по воде зеленые ленты стрелолиста. Он вытянул из воды несколько клубней этого растения. Их надо было высушить, а лучше всего — испечь. Можно было бы приготовить и хлеб, но на это потребуется много времени. Сейчас бы просто бросить клубни в костер. В них есть и жир, и сахар, и белки, а больше всего крахмала, — кушанье получится что надо. Но если бы в кармане была хоть одна спичка!

Однако, раз решив быть энергичным и не опускать рук, Додус и сейчас не остановился перед затруднением. Разве нельзя добыть огонь без спичек? Он стал копаться в земле и скоро нашел кусок кварца. Подрезав и растеребив краешек носового платка, Додус получил какое-то подобие клочка ваты. Зажав его в камешек в одной руке, он стал бить тупой стороной лезвия ножа по кварцу, стараясь, чтобы искры падали на клочок. Он бил минут пять. Руки очень устали, пальцы ломило, а искры — они были редкими и маленькими — или летели в стороны, или сразу же угасали. Наконец, он отбросил камень. Попытка добыть огонь этим первобытным способом провалилась.

— Все равно получится, — зло пробормотал Додус, и в этот момент он походил на своего командора.

Он несколько минут бродил между деревьями, постукивал по стволам и толстым веткам, нагибался и ощупывал валявшиеся на земле сучья и, наконец, нашел то, что искал. Это был сухой, но начавший гнить кусок сосны. Додус вырезал нетолстую березовую палочку, заострил один ее конец, зажал ногами сосновый чурбашек, наставил палочку на него и принялся ее крутить, раскатывая между ладонями.

Палочку он крутил долго. Вначале ладони соскальзывали вниз, но вскоре он приноровился и стал удерживать их, положив большие пальцы на тупой конец палочки. Он все крутил и крутил, но никакого огня не было и в помине. Додус стал сильнее нажимать на палочку. Кусок сосны начал крошиться. Додус передохнул и переместил острие на другой край чурбашка, показавшийся ему более крепким, и снова стал вертеть. Опять руки устали, а суставы пальцев начало ломить. Додус совсем уже отчаялся и хотел бросить свою затею, как вдруг заметил тонкую струйку дыма над куском дерева. Это подбодрило его. Он стал крутить быстрее. Струйка не исчезла. Она увеличилась. Не переставая вертеть палочку, Додус начал дуть на дым. Он вертел и дул. И вдруг — это была победа! — вспыхнуло маленькое оранжевое пятнышко. Паль-

цам было очень больно, но Додус не переставал крутить и все дул и дул на робко тлевший огонек. Теперь его нужно было превратить в пламя. Эта задача оказалась полегче. Прижав к огоньку несколько засохших сосновых иголок и кусочек березовой кожицы, Додус продолжал дуть. Дым заклубился, и из него выскочил, пыхнув, язычок пламени.

Через три минуты уже горел костер. Додус смотрел на него и был очень горд. Ведь это был не обычный костер, который всякий сумеет разжечь спичками. Из маленького пламени сделать большое не трудно. А он добыл его пламя, из двух простых кусков дерева. Как же тут было не гордиться. Вот бы ребятам посмотреть!

Мясистые клубни стрелолиста в огне сморщились и потемнели. По вкусу они напоминали печеную картошку, смешаную с залежавшейся мукой, и чуть горчили, но если бы добавить к ним соли, получилось бы отличное кушанье. Впрочем, и без соли Додус наелся как надо.

Стемнело. «Придется, пожалуй, заночевать здесь», — подумал Додус. Нет, нельзя, ребята всю ночь будут думать о нем, беспокоиться.

Он встал и, когда повернулся от костра, сразу же обратил внимание на странный цвет неба. Оно было бордовым. И не просто бордовым, как это бывает иногда на заре, а в какой-то неровной туманной пелене, едва заметно колышущейся, дрожащей.

Додус сразу догадался, что это пожар. Вначале ему сделалось страшно, а потом пришло любопытство. Он захотел посмотреть, как горит лес.

Выбрав сосну, которая показалась ему выше остальных, Додус полез наверх. Сучков внизу почти не было, пришлось лезть в обхват, и штаны от этого весьма пострадали. Но картина, которую Додус увидел с верхушки, стоила дюжины штанов. Это была одновременно очень красивая и страшная картина.

За переплетом горных ветвей, за зубцами торчащих сосновых макушек разлилась яркожелтая, с белыми переливами, огненная кипень. Что-то металось там, ходило ходуном, и отзвуки глухого, протяжного стона ползли над лесом. Над разливом пламени, повыше, клубился дым, и его грязные исполосованные черным космы смешивались с тяжко плывущими белыми наслоениями. Дым всползал все выше, желто-багровые отблески колыхались по нему...

Додус долго смотрел на это зрелище, вытянув шею, и вцепившись пальцами в мягко качающиеся ветви. В нем смешались и страх, и во-

сторг. Сначала он ни о чем не размышлял. Лишь смотрел и смотрел на картину далекого пламени. А когда оглянулся в противоположную сторону, и оттуда на него нахлынул сумрак ночи. Что-то толкало Додуса к пожару. Это было все то же чувство, которое не покидало его уже несколько часов, — тревожная забота, беспокойство о товарищах. «Вдруг они там? И меня нет. Потеряли и всякое думают. И, конечно, им приходится туго». Так думал Додус и, уже спускаясь, решил: «Я во что бы то ни стало должен найти их в эту ночь».

Он шел в сторону пожара, на зарево, но в лесу было темно и жутко. Он часто спотыкался и оступался в ямы, исцарапал руки. Уже спустилась ночь, а жара не уменьшалась, даже, наоборот, постепенно она становилась сильнее. Воздух наполнился сухим зноем, словно кто-то толкал по лесу волны раскаленного ветра. И пахло дымом. В горле першило.

Когда Додус увидел пламя впереди, он уже задыхался от дыма и зноя и, пройдя еще немного, остановился. Решиться итти дальше было трудно, но все же он решился и пошел. Там, впереди, хрустело и завывало, и не смолкал какой-то шипящий свист, похожий на паровозный. Додус еще раз остановился, потому что итти вперед было просто очень страшно. И, может быть, он повернул бы назад, если бы не увидел людей — суетливые, озаренные красным фигурки, делавшие что-то, казалось, в самом огне. Додус очень обрадовался людям. Прикрывая ладонями лицо, он двинулся вперед. Выносить жар стало почти невозможно, однако Додус выносил его. Он продвигался все ближе к огню.

Он вышел на просеку. Беснующееся пламя, гулкий шум, неясные в нем крики — все это ослепило и оглушило его. Он понял только, что люди воюют с пожаром, и вновь ему стало боязно до жути, и в то же время он почувствовал гордость за этих смельчаков. «Броситься к ним, помочь», — и сразу же эту мысль оттолкнула знойная волна. Головня рассыпая искры, мелькнула перед глазами и плюхнулась рядом. Додус вздрогнул и сказал почти вслух: «Трус». Потом сразу же подумал или, вернее, почувствовал: «Здесь страшная опасность!». А через секунду шагнул вперед и, подбежав к бородатому, в изодранной одежде, мужчине, спросил хрипло, с трудом проталкивая сквозь сухое горло слова:

— Где взять лопату?

Мужчина, не глянув на него, махнул рукой вправо и что-то сказал, что — Додус не расслышал.

Он пошел вправо, прижимаясь к тому краю просеки, что был подальше от огня. И тут он увидел Леньку, Мишу и Вовку...

* * *

Огненная работа закончилась под утро. Пламя не погасло, не отхлынуло, а как-то сникло, припало к земле, измучившись в борьбе с людьми, истощилось и побледнело. Желтые языки его неуверенно подымались то тут, то там и, шатаясь, клонились вниз и падали. Шипели и потрескивали обуглившиеся деревья. Лес стал голым и черным. Всюду вился дымок.

Старик повел ребят в дом сына. Сам лесник с группой рабочих остался на пожарище: надо было следить, чтобы огонь не разгорелся, не перекинулся дальше.

Утро было серое, дымное. На берегу малюсенького прудка, у невысокой, поросшей черемухой и травами, плотины стоял огороженный чистенький трехоконный дом под свежеокрашенной крышей.

— Вот вам гостиница наша, — сказал дед, и было видно, что ему эта «гостиница», дом сына, очень нравился. — Поплещемся-ко.

Они направились к прудку. Гуси, щипавшие травку у заводи, шарахнулись в сторону, заковыляли к воде, бултыхнулись в нее и, подняв рябь, поплыли к другому берегу. Вода была прохладная, свежая. Залез бы в нее — и не вылезал. «Пожарники» старательно смыли всю грязь.

Старушка, оказавшаяся в доме, наставила на стол столько всякой стряпни, что тарелкам едва хватало места. Но странно: аппетита не было. Ели вяло, нехотя. Во рту не исчезал сладковато-горький дымный вкус: глаза резало; веки слипались. Руки дрожали от усталости.

Игнатьич — так звали старика, — рассказывал хозяйке о пожаре. Старушка скорбно покачивала головой, прижимала руки к животу, как будто он болел, и вздыхала:

— Охти, охти...

— Изрядно горел, — почесывая бороду, говорил Игнатьич. — Однако, помню, годков сорок назад лес у нас занялся — куда страшней было. Аж земля кругом вся корчилась. Сразу-то упустили, а потом ухватить не смогли. Нынче-то вот эти соколята упредили всех. Лихие ребятки. Пионеры, вишь. Ну, конешно, и люди дружно навалились. Нельзя: не должно добро народное пропасть...

Узнав, что не кто-нибудь, а вот эти самые ребята, что пришли с дедом, первые заметили пожар, предупредили о нем и потом трудились рядом со взрослыми, старушка завсплескивала руками, засуетилась.

— То-то я смотрю... то-то вижу... — и, не объяснив, что такое она видит, старушка начала подставлять им разную снедь — и мед, и варенье, и шанежки, и сливки.

Это было очень приятно: на них смотрели как на героев, и ребята, даже порозовев, благодарили хозяйку, но все же вскоре встали и раскланялись. Дед отвел их на сарай. Там, под деревянной крышей, лежало свежее душистое сено и было прохладно. Ребята как бухнулись на травяную перину, так и уснули, и проспали, ни разу не повернувшись, больше десяти часов.

Когда ребята проснулись, старушка напоила их молоком, заставила взять с собой ее стряпни, а Игнатьич рассказал дорогу.

Попрощались они по-хорошему, тепло как с родными.

Дорогой разразилась гроза. Они шли под проливным дождем.

— Все правильно! — шутил Ленька. — Так и должно быть. Знаете, говорится: «Прошли через огонь и воду». Вот и мы — сначала через огонь, а теперь сквозь воду.

Поздно вечером остановились на привал. Долго не удавалось разжечь костер. Когда же огонь разгорелся, ребята обогрелись, поели и стали сушить промокшие до нитки рубахи, штаны и прочие принадлежности своего дорожного туалета.

Вспоминали о борьбе с лесным пожаром. Додус рассказывал друзьям подробности своего приключения. Все жалели, что им не пришлось увидеть росянку, и ругали Додуса за то, что он не сорвал дриаду.

— А еще называется: ботаник экспедиции!

— Т-так я как-то даже не подумал. Я больше думал; как найти дорогу.

Дождь совсем перестал. Сохли не только одежда и обувь, подсыхали и ветки, собранные для постели. Прижавшись друг к другу, ребята заснули, и сон их был куда приятнее кроватного — долгожданный, отдых после трудных дел, перед другими, тоже трудными и опасными.

Утром ласковое солнце, дотронувшись лучами, пробудило их, они вскочили снова свежие, снова сильные и возбужденные и смеялись и шутили совсем не думая о том, что наступивший день грозит им страшной опасностью...

«ГНИЛАЯ СМЕРТЬ»

Неприятности начались с компаса.

После завтрака Ленька, решив ориентироваться, вытащил карту, компас и уселся в сторону. К нему подсел Вовка. Он еще не забыл обиду, которую ему пришлось пережить из-за неумения обращаться с компасом. Командор приветствовал желание Вовки постичь премудрости «науки об азимутах», но сурово предупредил:

— Только теперь уж ты сам смотри и учись. Больше мы не будем лекцию для тебя читать. Понятно?

Грустно поморгав, Вовка, смиренно согласился с этим условием. Его уступчивость подействовала на командора благотворно, и, раскладывая на коленях карту, Ленька примирительно буркнул:

— Вот, смотри...

Он повернул лист так, чтобы меридиан, идущий на север, совпал с направлением, которое указывал синий конец стрелки компаса.

— Там, значит, север, — ткнул он рукой, — там юг, там запад...

— А почему солнце всходит на западе? — поинтересовался Вовка.

— Что ты мелешь? — рассердился, было, Ленька, но взглянув на солнце, осекся. Он еще раз посмотрел на компас, на солнце, снова на компас, потряс его и удивленно пробормотал:

— Это что же получается?

Действительно, если верить компасу, солнце взошло на западе, и север, выходит, — не север, а юг. Все наоборот.

— Додус, дай-ка твой компас.

Теперь уже все собрались около командора.

— Помнишь, ты упал ночью наверно, сильно его встряхнул, и он испортился, — высказал предположение Миша.

Но компас Додуса показывал страны света точно так же.

— Их гроза испортила, — сказал Додус. — Помните, как ночью стрелка металась?

— Так не бывает, чтобы совсем одинаково испортились.

— А что же тогда?

— Значит, земля перевернулась, — с философским спокойствием заметил Дубов-младший и, считая, видимо, вопрос окончательно решенным, двинулся к костру.

— Ребята! Ух, братцы-кролики...— Миша от восторга даже закусил губу. — Знаете это отчего? Это, наверно, магнитная аномалия. Да! Где-то здесь, под болотом, залежь железной руды, магнитного железняка.

— Ну да, — не то обрадовавшись, не то удивившись, протянул Додус.

— Ну, конечно же. Факт!

— А что, если в самом деле, а?

Это предположение так взволновало ребят, что были забыты и компасы, и необходимость ориентироваться. Только и говорили, что об открытии месторождения. Ленька обвел болото на карте жирной красной чертой и подписал: «Ж е л е з о». Подумав, он почесал карандашом нос и над словом «железо» поставил маленький вопросительный знак.

— В городе расскажем — пошлют экспедицию, — сказал он.

— А нас в проводники возьмут. Да?

Ленька подумал, что раз есть карта, обойдутся, наверное, и без проводников, но, чтобы не портить настроение себе и товарищам, промолчал.

Надо было двигаться в путь. Решили итти по солнцу. Путь на север — солнце справа.

Вокруг расстилалось болото. Ребят окружали пышные мхи, кустарники, яркая зелень трав. Неприметные издали, из-под ног вырастали бесчисленные кочки. Топорщились пучки осоки. То тут, то там виднелись «окна» коричневой воды, покрытые зеленовато-желтым налетом. От них шел тяжелый душный запах гнили. Почва пружинила под ногами, но часто, не выдержав тяжести, вдруг подавалась вниз, ребята прыгали на кочки, хватались за кусты. И не видно было конца-края, одряхлевшему, мертвому озеру.

Да, когда-то озеро плескало здесь своими прозрачными волнами. Тысячи лет на дне откладывались остатки умерших водяных животных, рыб, жучков, букашек. Речушки и весенние снега несли на дно камешки, щепки, песок и хвою. Медленно-медленно дно подымалось, рос слой ила, на нем распускались подводные луга. Подымалось дно, опускались берега, становясь вязкими и мокрыми. Зашумели над прибрежной водой тростники. Умирая, и они ложились на дно, а над ними зацветали новые растения. Все мельчало озеро. «Водяная чума» — элодея постепенно полонила его, стебли ее каждый год все выше поднимали дно. А с берега, сжимая свое кольцо, наступали другие растения, стлались по озеру, сплетались и ползли, все ползли, побеждая воду. Белокрыльник и трифоль, густые сфагновые мхи разрастались пышно, а рядом — хвощ, стрелолист, осока. И вот уже всюду зелень покрыла озеро, лишь на самых глубоких местах остались коричневые «окна» воды, — тихой, плесневеющей, сдавшейся. «Окон» становится все меньше, и уже самые крупные из растений — деревья — шагают по толстому зеленому ковру, падают сгнивая, и подымаются новые, и нет уже озера, оно умерло, сгнило, — есть болото.

Здесь царствуют мхи да дикие травы. Зыбкий зеленый покров стелется над невидимыми провалами. Душный запах гнили медленно ползет меж чахлыми деревьями. «Гнилая смерть», болото...

Но копни его, врежься острием лопаты в податливую мякоть почвы. Возьми горсть пропитанного коричневой водой, перегнившего, слежавшегося мха, сожми в кулаке. Взгляни — не торф ли это? Торф. А торф — это значит: быстрый бег турбин электростанций, свет и тепло в твоей

комнате, трамвай, заводские моторы, станки — это работа, движение, жизнь.

Путь по болоту близился к концу. Выйдя к широкой прогалине, ребята увидели впереди, за полоской тонкоствольных берез, темнозеленый бугор густого соснового леса. Болото кончалось. Но самый горький сюрприз оно еще не поднесло.

Чем ближе к краю, тем путь становился труднее. Ноги увязали. Того и гляди — окунешься по пояс. Кочки, словно живые, вертелись под ногами, поворачивались, стараясь сбросить в топь пришельцев, осмелившихся подмять их под себя.

— Держись, друзья, победа близко! — весело покрикивал командор, прыгая с кочки на кочку и хватаясь за стволы деревьев.

Вовка еле поспевал за ним. Если бы прочертить на карте их путь по болоту получилась бы довольно извилистая линия. Выискивая места, по которым можно было пройти, приходилось уклоняться то влево, то вправо, то возвращаться назад и снова искать и искать...

Наконец, Ленька остановился.

— Стоп, — сказал он. — Привал. Прошу занять кочки, кому какая нравится.

Итти было некуда. Уже видны были сосны, росшие за краем болота, а подойти к ним было нельзя: топь. Командор решил сделать остановку и разведать путь. Разведку он взял на себя.

— Покормите здесь комаров, — подмигнул он и пошел.

Он вернулся немного назад и двинулся к береговым соснам, беря чуть влево. Сначала все шло хорошо, и Ленька уже подумывал о том, чтобы крикнуть ребятам: «Все в порядке, топайте ко мне!», но не крикнул, и хорошо сделал, потому что снова уперся в трясину. Он кружил довольно долго и, в конце концов, придвинулся к краю болота очень близко. До сухого места оставалось каких-нибудь пять метров. Всего пять метров — и никак их не преодолеешь. Грязная жидкая тина, подернутая желто-зеленой пленкой, покрывала это пространство. Из тины торчала лишь одна кочка, довольно большая, но она была далеко. Вот если бы попасть на эту кочку... От нее до берега не больше метра. Там уже можно прыгнуть, ухватиться за черемуху, что прилепилась у края топи, и выбраться на сухое место. Когда-то берег озера круто обрывался здесь к воде. Время сгладило уступ, но все же земля осталась выше поверхности болота. Если бы попасть на эту кочку!..

Надо было что-то придумать.

И Ленька придумал.

Крайняя из окружавших топь березок была тонкой и сравни-

тельно высокой. Ленька внимательно осмотрел ее, примерялся и, не раздумывая долго, полез вверх по стволу, стараясь, чтобы дерево склонилось в сторону кочки. Его затея удалась. Чем выше он влезал, тем сильнее сгибался ствол. Вот Ленька уже повис над гнилым омутом, чуть покачиваясь в воздухе. Еще подтянуться, еще. Крепко ухватившись за ствол и зацепив его ногами, Ленька вытянул руки и, перегнувшись, взглянул через плечо вниз. Кочка была почти под ним, чуть сзади. Он еще раз перехватился руками и опустил одну ногу, вторую. Береза сильно качнулась, заскрипела, треснула. «Сломится!?» — подумал Ленька и быстро посмотрел под ноги. Они почти касались кочки. Деревцо треснуло еще раз, Ленька весь сжался, судорожно вздохнул и выпустил ствол из рук. Сейчас же он почувствовал, как под ногами затрепетала, словно живая, кочка, хлюпнула и, накренившись, поползла в сторону и вниз. Ленька успел только взмахнуть руками и падая, ухватился за жесткий пучок травы на уходящей в трясину кочке.

Мягкая теплая жижа охватила тело. Ленька с ужасом ощутил, что под ногами нет никакой опоры. Он рванулся вверх, упал на тину животом и она сразу же облепила его. Желто-зеленая пленка на поверхности разорвалась, отступила, и в нос ударил тяжелый запах. Ленька, держась за пучок травы, хотел подтянуться к кочке, но и кочка ползла вниз, и Ленька почувствовал, как вязкая липкая тина всасывает, тянет его в бездонную пучину. Он понял, что это — смерть, и закричал, как мог громче:

— Ребя-ята!.. — и сразу осел еще ниже.

— Помоги-ите! — опять закричал он, и спазма сжала его горло.

Над ним, склонившись, тихо покачивалась надломленная береза...

При первом же крике друзья насторожились. Миша вскочил. Крик был необычный — тревожный, страшный. Почти сразу же раздался второй — о помощи.

Миша бросился назад, чтобы бежать к Леньке по его следам. Додус кинулся напрямик, сам рискуя утонуть, но тревога за товарища придала ему ловкость и силу, каких он и не знал в себе. Вовка метнулся, было, за ним, но, оступившись провалился и кое-как выбрался. Подумав секунду, он бросился догонять брата.

Через некоторое время раздался еще один протяжный, потом короткий захлебывающийся вскрик — и больше ничего. Миша метался по болоту, пробиваясь в ту сторону, откуда кричал Ленька. Вовка, спеша за братом, увяз в трясине. Она затягивала его, но он молчал и, цепляясь за куст, выкарабкивался сам. По лицу его бежали слезы, но все

равно он молчал, лишь сопел, барахтаясь, вытягивая ноги из липкой жижи.

Додус тоже продвигался медленно. Он проваливался в болото несколько раз. Но все же он первый подоспел к месту, откуда раздался ленькин крик. Додус не знал — действительно ли это то место, но что-то подсказало ему: да, то.

Он увидел склоненную над омутом березу, перевернутую кочку, желто-зеленую разорванную пленку, уже стягивавшуюся вокруг длинного узкого пятна коричневой воды, и какой-то серый предмет. Он вгляделся... то была ленькина кепка.

— Леня!! — страшно закричал Додус.

Подбежал Миша. Весь в тине, в грязи, подошел тяжело сопевший Вовка. Чуть покачивала ветвями склонившаяся над омутом березка...

. . . . . .

В тот день, когда Ленька вызвал Мишу, чтобы показать загадочные записи деда и план пещеры, Витя Черноскутов получил письмо от отца с Новой Земли. Письмо было длинное, на пятнадцати страницах. Отец подробно рассказывал о своей работе, о товарищах по зимовке и просил сына написать о том, как он кончил учебный год, о его друзьях по школе и по играм. «Последние годы ты много ездил и бродил со мной, — писал отец, — заскучал наверное, по товарищам-сверстникам и теперь, думаю, дружишь дружбу с целой ватагой каких-нибудь веселых и лихих мальчишек...»

Витя был очень рад письму, но оно заставило его задуматься. Отец затронул больную струнку. Ему, действительно, хотелось дружить с ребятами, но дружба не клеилась. Он думал: почему так? Вот, например, Ленька с его приятелями. Хорошие ребята, умные, смелые, ловкие, умеют интересно играть, а оказались ему чуть ли не врагами. Витя начинал вспоминать, как он познакомился с ними, как сошелся, как поссорился потом... Это Ленька виноват. Задира. Подумаешь тоже какой!.

Но как Витя ни ругал Леньку Тикина на душе у него все же было неладно. Обидно было за себя. И скучно. Он думал: а что они сейчас делают? Наверное, опять придумали какую-нибудь игру или мастерят что-нибудь вместе. Его тянуло к ним.

На следующий день с утра Витя начал читать «Путешествие к центру Земли», но скоро бросил книгу и долго слонялся по комнате без дела. Сел, было, за письмо отцу, однако и письмо не получалось. Он вышел на улицу, побродил за воротами потом побрел в городской сад. Там было пусто. Лишь несколько взрослых гуляли по тенистым аллеям. Сам того не замечая, Витя оказался около забора ленькиного сада и через щелку глянул в сад. У развалин старой беседки собрались ребята. Додус загорал на солнце, Ленька ковырял палкой кирпичи, а Вовка, как всегда, возился с какими-то букашками.

Витя еще не решил, что сделать: свистнуть озорно, запустить в беседку камнем или — ему хотелось и это — перелезть через забор, подойти к ребятам и сказать: «Хотите — мир?», — он еще не решил, что сделать, как Ленька вскочил и закричал:

— Бежит!

Подбежал раскрасневшийся Миша. Он, видимо, очень торопился. Миша кивнул Леньке: «Отойдем». Они отошли к жимолости и стали о чем-то шептаться. Это было очень интересно — что такое они затевают?

Витя насторожился, но разобрать толком ничего не смог, только по обрывкам фраз догадался, что речь идет о каком-то секретном плане. Этим стоило заняться.

Ступив на поперечную доску, Витя ухватился за край забора, подтянулся и осторожно закинул ногу. Высунув голову, он осмотрелся. Его не заметили. Он тихонько подтянул вторую ногу, перевалился через забор и, напрягая мускулы, медленно опустился вниз.

Он схоронился в густом высоком бурьяне около зарослей жимолости. Из всех разговоров, что велись на тайном совете четырех, Витя понял: они отправляются в какую-то Шкадарскую пещеру. Здорово придумали. Ему стало завидно. Вот бы отправиться вместе. Так ведь не возьмут. Витя представил себе, как он подходит к Леньке и говорит: «Давайте, я с вами пойду», а Ленька глянет этак косо, скривит губы и скажет: «Как-нибудь обойдемся» и все они засмеются. Ух, подумаешь, задаваки! Вот бы добраться до этой пещеры раньше их, они придут, а он у входа сидит, костер разжег и чай кипятит. Они подходят, а он им: «Можете искать другую пещеру, эта занята». Нет лучше не так. Лучше так: «Присаживайтесь. Как ваше самочувствие? Не хотите ли осмотреть мою пещеру?» У них печенки от злости лопнут. Красота!

— Тс-с! — прошипел вдруг кто-то из ребят, и Витя понял, что выдал себя неосторожно пошевелившись. Он замер, перестал дышать и, плотнее прижался к земле. И тут — надо же было случиться этому! — под рукой тоненько и сухо хрустнул сучок. Витя увидел, как Ленька настороженно склонился в его сторону, потом встал и пошел к забору. Витя приготовился к прыжку. Вдруг Ленька крикнул:

— Стой!

Витя разом вскочил, метнулся из бурьяна и, ловко прыгнув перемахнул через забор в городской сад. Там он сразу же юркнул в кусты,— попробуйте-ка поймать.

Он еще долго бродил по саду, обдумывая, как лучше досадить неприятелю. Часа через два он снова пробрался через забор и меж камней развалившейся беседки воткнул палку с запиской: «Пещера не будет вашей!». И на краю листка нарисовал два меча: один красный, такой, как был у Леньки и его друзей, второй — зеленый, как у него самого. Красный меч он нарисовал надломленным. Это означало, что зеленый должен победить.

Так начался новый этап войны между Черноскутом и ленькиной ватагой.

Витю чуть не постигла неудача. Он никак не мог узнать, где находится та пещера, в которую собираются ребята. Ему помог случай. Че-

рез несколько дней, после тайного совета четырех, Витя вышел рано утром во двор. Он шел к реке мимо огорода додусовой тетки и заметил за редким досчатым забором разбросанную одежду. Ребята купались. Чьи-то рубахи и штаны лежали у самого забора. Из кармана штанов торчала бумажка. Недолго думая, Витя протянул руку в щель и вытянул бумажку. Это была копия с карты и какой-то план, похожий на рисунок лабиринта. Витя догадался, что это план пещеры. На карте был нанесен маршрут. Вите здорово повезло. Он торопливо набросал на выдранном из записной книжки листке свой знак — два перекрещенных меча — и засунул листок на место только что вытащенного сокровища. Теперь все было в его руках! Неосторожные путешественники нанесли на карту даже места своих привалов и ночевок. Теперь-то им от него не уйти.

План Вити был таков. Итти по ленькиным пятам, подбросить еще пару грозных записок, потом обогнать Леньку с его друзьями и захватить пещеру. Своей маме он решил сказать, что идет вместе с ребятами. Она отпустит. Ведь недаром он бывал в тайге с отцом, и один, ходил, и уж кто-кто, а он-то в лесу не пропадет.

Когда мимо его дома с рюкзаками на спинах прошли Ленька, Миша, Додус и Вовка, следом за ними отправился и Витя.

— Зачем ты берешь этот маленький котелок? — спросила провожая его, мать. — Лучше бы взял алюминиевое ведерко, на всех.

— Ведерко?... а мне его... то есть у нас уже есть такое, а это я так, на всякий случай.

— В пути, конечно, пригодится... Вы получше заботьтесь друг о друге, помогайте... Особенно — ты. Ведь ты самый старший.

— Ну, ясно, — пробормотал Витя. — До свиданья, мама...

Первую ночь он провел невдалеке от ленькиного привала, не разжигая огня, и весь промерз. И второй день он шел за ребятами следом, но подниматься на шихан не стал, чтобы не выдать себя, а переждал внизу, у подножья горы. Вечером, когда ребята расположились на ночлег у озера, Витя схоронился в кустарнике, покрывавшем прибрежные скалы.

Внизу, набегая на камни, рокотало озеро. Однообразно шумели деревья. В шуме их было что-то тоскливое и тревожное. На душе у Вити было пасмурно.

Костер ребят горел у самой воды, в обрывистом ущелье, выточенном протекавшей здесь когда-то речкой. Витя подобрался к краю ущелья и очутился почти над головой у ребят. Они ужинали, переговариваясь о чем-то. Свет костра переливался на прибрежных волнах. До-

дус стал петь. Песня была незнакомая. Шум ветра и волн заглушал слова. Додус замолчал, все вскочили и заговорили о чем-то возбужденно, со страстью. Потом песню пели все четверо, и бодрый напев летел над озером, сшибаясь с ветром.

Вите стало завидно. Ему захотелось тоже быть у общего костра, разговаривать, шутить и петь. «А что, если я спущусь к ним? — подумал он. — Вот удивятся: откуда, как попал? А я присяду к костру и... Нет, они скажут: «Раз пошел один — один и иди. И разговаривать не станут. А Ленька еще драться полезет...»

Так размышлял Витя и сердился на ребят и на себя. Настроение совсем испортилось. Но он не уходил и сидел в чаще кустарника, лепившегося на скале. Он сидел долго и, в конце концов, уснул. Проснулся от холода. Рассветало. Разжечь костер было нельзя: вдруг заметят. Витя решил подбросить ребятам записку и уйти. Спускаться по круче было опасно. Он прошел к тому месту, откуда начиналось ущелье, и по его дну добрался до берега. Ребята спали в углублении под скалой. Костер, покрытый серыми хлопьями пепла, чуть дымился. Витя осторожно, неслышно ступая, подошел к нему и сунул под камень записку. В ней стояло только два слова: «К т о к о г о?» и грозный знак: два перекрещенных меча.

Потом Витя также осторожно выбрался из ущелья и пошел по тропке. Пройдя с полкилометра он свернул в сторону и развел костер. Обогревшись и поев, он задремал. Его разбудили голоса ребят. Витя так и застыл: не заметили бы... Не заметили, прошли мимо. Выждав немного он двинулся вслед за ними.

Весь день он прошел за ними, а они не замечали. Но Витя не был этому рад. Когда он замышлял все это, ему казалось очень интересным, увлекательным то, что будет преследовать ребят тайно. А на деле это оказалось занятием скучным и даже обидным. Ребятам весело, они о чем-то разговаривают, находят что-то и обсуждают, а он тащись за ними, подглядывай и молчи...

Вечером, когда четверка расположилась на ночлег, Витя совсем загрустил. Так уютно и заманчиво горел костер у ребят, так деловито хлопотали они у огня, а он сидел, притаившись под темной лохматой елью, и все смотрел, смотрел на них... «Хватит. Пойду к ним, и только. Ну подеремся, ну и что? А зато потом — вместе...» Он уже совсем решился, но в это время к костру подошел какой-то старик... Ребята поили его чаем и показывали свои камни. Интересные, наверное, у них камни. Вот бы посмотреть... А старик что-то рассказывал... Когда он ушел, ребята о чем-то спорили, и Вовке от Леньки Тикина достался крепкий

подзатыльник. Вскоре они улеглись спать. У костра остался дежурить Додус. «Это, наверное, после моей записки, напугались», — усмехнувшись, подумал Витя. Он сделал в темноте бутерброд с маслом и стал есть.

В лесу наступила тишина. Лишь негромко, однообразно шуршали и поскрипывали деревья. Закричал козодой — ночная птица. Заверещал и гукнул филин. Додус подбросил в костер веток и прилег у огня. Он, видимо, задремал. «Пойду, — решил Витя. — Как раз хорошо. Додус драться не полезет, мы с ним договоримся, а потом разбудим других, и я скажу... Нет, я потихоньку лягу сбоку, а утром проснутся и увидят». Это решение сразу подняло настроение Вити. Он поднялся и стал медленно подходить к костру. У него уже были придуманы слова, с которыми он обратится к Додусу. Он скажет: «Додус, не бойся, это я. Не буди ребят. Давай поговорим». Но чем ближе подходил Витя к костру, тем тревожнее он чувствовал себя. Сердце у него билось так, будто он приближался к берлоге медведя.

Он подошел уже совсем близко. Вдруг Додус проснулся. Витя шагнул еще раз и почти сразу Додус сказал предостерегающе, негромко и хрипло:

— Ребята!..

Витя вздрогнул и невольно сделал движение, словно хотел задержать возглас Додуса, но тот, вскочив, закричал громко и властно:

— Стой!

От этого крика Витя машинально метнулся в сторону. Додус бросился за ним. Витя упал, Додус полетел через него и, свалившись, уцепился за руку. Витя резко выдернул руку и оттолкнул Додуса ногой.

— Стой! — снова закричал Додус.

— К ним бежали ребята. «Эх», — только и подумал Витя и бросился в лес.

Он убежал далеко. Ему было стыдно. И дернуло же его побежать после первого крика Додуса! Надо было спокойно стоять или пойти навстречу. И тогда бы все кончилось хорошо. А теперь как показаться им на глаза?.. Вите хотелось плакать. Теперь оставалось одно: поскорее итти к пещере. Он проспал эту ночь, забившись в мох под густым раскидистым деревом, а наутро двинулся в путь, уже не заботясь о том, чтобы разыскать ребят.

День был очень жаркий. Лес изомлел от жары и был какой-то сонный, неподвижный... Ночью, убежав от ребят, Витя сбился с дороги и первую половину дня шел напрямик, по компасу. В полдень он наткнулся на ручей, напился и умылся, а вскоре вышел на дорогу, веду-

щую к Исети и пошел по ней. Но шел он недолго. Запахло гарью. Белесая дымка застлала лес впереди. Витя остановился, прислушался, огляделся. Он понял, что наткнулся на лесной пожар, и его охватил страх. Однажды с отцом они попали в такую же беду. Это было на Алтае. Они бежали километров шесть, а сзади ревело пламя и клубился дым, и уже нечем было дышать, и голова разрывалась от жгучего зноя, огонь догонял их, когда, наконец, они выбежали к реке и, бросив все вещи на берегу, поплыли. Если бы не река, они бы погибли.

Витя с ужасом вспомнил все это и, быстро глянув на карту, побежал на север. Там было болото. Лучше вязнуть в тине, чем сгореть заживо. Он бежал что было сил. Оборвалась одна лямка у рюкзака. Рюкзак сполз набок и бился о тело. Он очень мешал. Не раздумывая долго, Витя скинул вторую лямку. Рюкзак упал. Бежать без рюкзака стало легче. Он успел добежать до болота. Но ведь пламя может по верхушкам перекинуться и сюда. И, не останавливаясь, Витя пробирался все дальше и дальше на север.

Он проплутал в болоте весь остаток дня и там же заночевал. Хорошо, что в кармане сохранились спички. На болото пожар не перекинулся. Он бушевал в стороне. Сюда доносился лишь глухой рев огня, да всю ночь пламенело в небе зарево.

Поднявшись утром, Витя снова бродил по болоту и никак не мог найти его край. Всюду — топь, кочки, мокрый мох, трясина. Очень хотелось есть. Витя вытаскивал корни болотных растений и жевал их. День был серый, туманный, хмурый. Вечером подавленный, голодный, ослабевший, Витя собирался уже устраиваться на ночлег, но решил сделать еще одну попытку выбраться из болота. И на этот раз ему повезло. Прыгая с кочки на кочку, хватаясь за кусты, перебираясь в некоторых местах по стволам чахлых болотных берез, он выбрался на берег. И только он ступил на сухое, как прогрохотал гром. Приближалась гроза.

Витя стал устраивать шалаш. Но он успел сделать совсем немного. Пошел дождь. Начался ливень. Витя насквозь промок и продрог. Когда среди ночи дождь прекратился, Витя с трудом развел костер и начал сушиться. Огонь пригрел его, и он заснул. Проснулся, когда солнце было уже высоко. Витя страшно обрадовался солнцу, теплу, обрадовался, что выбрался из болота, что остался жив.

Теперь надо закусить — и в путь. Добраться до какой-нибудь деревни, а потом... потом придется, видимо, домой. В пещере ему не бывать. Эх, не надо было бросать рюкзак. Может, дотащил бы...

Витя раздул костер и побрел вдоль края болота, высматривая, что бы раздобыть на завтрак. Вдруг он услышал громкий тревожный крик:

— Ребя-ята!..

Голос был знакомый. Кричавший находился где-то близко. Витя остановился, вслушиваясь.

— Помоги-ите! — страшно закричал все тот же голос.

Витя кинулся в сторону крика. Он пробежал метров тридцать, до кустов, тянувшихся вдоль трясины, и втиснулся в заросли черемухи и ольхи.

В этот момент раздался еще один протяжный вопль, затем—короткий вскрик, как будто человек захлебнулся, и над желто-зеленой пленкой, которая покрывала болотную жижу, у самого берега Витя увидел светловолосую вихрастую голову. Одна рука над ней, скорчившись, судорожно хватала воздух, другая цеплялась за кочку. Лицо было искажено ужасом.

— Сейчас! — крикнул Витя. — Держись, Тикин..:

Он бросился к лесу: хотел найти жердь но сразу же подумал, что, может, и не найдет так скоро, как нужно, кинулся обратно и что было силы рванул к себе подгнивший ствол высокой ольхи. Дерево крякнув, качнулось, Витя рванул еще и вытащил его, обломив корень. Он протянул ствол Леньке и крикнул:

— Держи! Хватай руками, руками хватай!

Ленька уцепился за сухую ветку. Она обломилась. Витя сунул ствол, как мог дальше, чуть не слетев в трясину сам. Ленька снова схватился за ствол, и теперь он уже выдержал.

— Держись за него. Я буду тянуть.

Он тянул изо всех сил, но Ленька подвигался медленно. Лицо его, забрызганное грязью, все сморщилось, белесые брови сдвинулись в одну линию, губа была закушена. Витя тянул и тянул...

...Березка над омутом чуть покачивала ветвями. Медленно стягивалась пленка над узким длинным пятном коричневой жижи.

— Леня... — повторил Додус уже тихо и широко открытыми испуганными глазами взглянул на Мишу.

А тот смотрел на Додуса и ничего не мог вымолвить.

Вдруг совсем близко, из-за кустов, раздался возглас:

— Эй!

Голос был знакомый. Возглас повторился, и среди кустов показался... Черноскут...

Они перетащили рюкзаки и перебросили Черноскуту топор, он срубил два дерева, и они пролезли по ним на берег.

Ленька уже сидел у костра и сушился. Весь он был в липкой болотной грязи. Лицо его побледнело, губы запеклись. Он долго молчал.

Витя рассказал всю правду о себе. Когда он дошел до того, как бежал от пожара, а потом голодный плутал в болоте, ребята почти разом раскрыли свои рюкзаки и стали вытаскивать продукты.

— Вот, ешь.

У него на глазах показались слезы. Он прошептал: «Спасибо» и стал жадно уплетать хлеб.

— Додус, быстро вари обед, — скомандовал Ленька.

— Есть, командор! — ответил начхоз.

— Командор? — переспросил Витя.

— Ну да, он у нас командор, — сказал Миша.

— Это значит главный, — важно пояснил Вовка.

После обеда состоялось чрезвычайное заседание совета четырех. Черноскуту, после небольших прений, было разрешено присутствовать на нем, но без права голоса. Он сидел в сторонке. Совет обсуждал вопрос о том, принять или не принимать Витю в состав экспедиции.

Голосовали угольками. В мишиной кепке оказались все четыре уголька: Черноскут был принят. Но ему было поставлено условие: несмотря на сегодняшний подвиг, он должен извиниться перед четверкой за все прошлые безобразия и в дальнейшем быть хорошим и честным товарищем, а если окажется свиньей, то ему устроят суд, и тогда пусть пеняет на себя.

— Конечно, извиняюсь, — сказал Черноскут. — Нет, честное слово, извиняюсь. И свиньей я больше не буду. Хотите, дам пионерское?

— Не надо, — сказал командор. — Мы тебе верим. Но смотри...

Додус вдруг запел:

По любым дорогам
Проведут нас ноги,
До любого полюса — рукой подать, —

И ребята подхватили:

Только очень нужно
Смелым быть и дружным,
А иначе нам удачи не видать.

Черноскут учился петь боевую походную.

А вечером, блеснув в закатном солнце, перед ребятами легла широкая лента заветной реки — Исети.

Путешественники находились почти у цели своего похода.

Е. Хоринская

Снова пахнет смолистой сосной.
С крыш сосульки слетают во двор.
И короткой уральской весной
Мчатся речки стремительно с гор.

Хорошо на Урале весной,
Лучше нашей весны не найдешь!

Летом травы шумят на лугу,
Летом птицы щебечут в кустах.
Мы уходим далеко в тайгу,
Ищем редкие камни в горах.

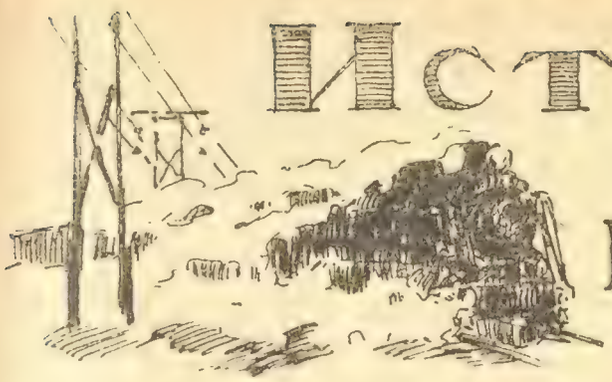
Летом в нашем краю хорошо,
Лучше лета нигде не найдешь!

Старый лес золотист и багров,
Убран в золото он и в атлас.
Сколько осенью разных грибов,
И кедровых орехов у нас!

Осень тоже у нас хороша,
Лучше осени ты не найдешь!

Крепко скованы реки зимой,
Глубоки и пушисты снега,
Но ребят не загонит домой
Ни мороз и ни злая пурга.

Хорошо на Урале зимой,
Лучше нашей зимы не найдешь!



История одной поездки

Рассказ

А. Крутиков

I

— Дядя Паша, куда ты поедешь? — спросил Ильюша своего приемного отца, Павла Иваныча, с большой озабоченностью складывавшего бумаги и инструменты в портфель.

— Не спрашивай зря, сам знаешь, — отвечал Павел Иваныч.

Ильюша знал, что Павел Иваныч служит в Сельэлектро и ездит строить плотины и электростанции. Но ведь плотины и станции бывают разные: обыкновенные и трудные. Судя по тому, как усердно потягивал себя Павел Иваныч за редкий ус, он ехал строить именно трудную плотину. А это-то для Ильюши и было важно: уж где-где, а при постройке трудной плотины интересного будет немало. После постройки трудной плотины Павел Иваныч приезжал с сияющим лицом и рассказывал, рассказывал о том, что и как там было — без конца. И не только жене, Марье Фоминичне, и знакомым, которые приходили, но даже и ему, Ильюше.

Но что значат рассказы? Разве по ним представишь себе ясно плотину? Разве поймешь до тонкости, в чем состояли трудности, и как их устранили? Вот посмотреть бы плотину и станцию своими глазами, смекнуть бы все самому!

Ильюша замолчал после неприветливого ответа Павла Иваныча, но решил использовать все средства и добиться, чтобы поехать с ним вместе.

Свои средства Ильюша приобрел в течение нескольких лет скитаний. Он остался после смерти родителей пяти лет, а к Павлу Иванычу и Марье Фоминичне попал одиннадцати, побывав до них в детских домах, у нескольких дальних родственников и просто у знакомых. Совсем маленькому ему приходилось приспосабливаться, приглядываться ко все-

му. Приходилось вырабатывать в себе подход к людям, с которыми жил, и к работе, которую ему поручали выполнять. И он сделал два вывода. Первый: надо уметь говорить с людьми с толком — тогда к тебе относятся хорошо. Второй: надо проявлять в делах догадку — тогда большое трудное дело гораздо легче осилить.

Эти-то два вывода и составляли все средства Ильюши.

Теперь, когда Ильюше исполнилось двенадцать лет, когда он перешел уже в пятый класс и второй год живет у Павла Иваныча и Марьи Фоминичны, которые и так относятся хорошо и не загружают делами, свои средства он может употреблять на особые свои надобности.

Когда Павел Иваныч вышел, а Марья Фоминична приготовила обед, прибрала квартиру и стала мыть накопившиеся за год бутылки, чтобы сдать в магазин, Ильюша завел такой разговор:

— Тетя Маня (Павел Иваныч и Марья Фоминична считали, что Ильюша не должен называть их отцом и матерью, раз помнит своих, кровных, отца и мать), — а ты не забыла починить кожаные рукавицы дяди Паши?

— А что ты думаешь, ведь забыла.

— А на какую, ты думаешь, он едет плотину? На трудную?

— Не иначе, что так: весь в себя ушел.

— Вот такой же он поехал, когда потерял портфель с бумагами и инструментами. Помнишь?

— Верно, Ильюша, верно. Как бы опять эта беда с ним не стряслась. А еще как бы здоровье не подвихнул: когда он уйдет в себя — и об еде забывает. Да что я с тобой разговариваю, надо бросать мытье, да браться за рукавицы, ведь он сегодня вечером и едет.

Марья Фоминична вымыла всего одну бутылку из двадцати, полоща ее в кипятке, набивая бумагой с солью, чтобы оттереть грязь внутри, и начала-было остальные, немытые, водворять обратно на полку. Но Ильюша ее остановил.

— Тетя Маня, можно ведь устроить так, что и то и другое сделается.

— Как это?

— Ты зашивай рукавицы, а я вымою бутылки.

— Да ты три дня промоешь не умеючи-то, не стоит и браться.

— А я попробую.

Ильюша сбегал в лудильную мастерскую на углу и попросил немного едкой кислоты. Развел ее в кипятке в корыте и сложил туда все бутылки сразу. Потом по очереди прополоскал под краном, вытер пол-

ку, составил туда бутылки, и стал ждать когда Марья Фоминична закончит починку рукавиц.

Она диву далась, когда просмотрела все бутылки, чистые и светлые, без пятнышка. А Ильюша сейчас же завел другой разговор.

— Тетя Маня, а ведь можно устроить так, что дядя Паша и портфель не потеряет и здоров останется.

— Как это?

— А если я с ним поеду. Буду держать портфель, подавать инструменты, бегать за обедом в колхозную столовую.

— Ну, это ты уж хватил далеко.

— Ничего не далеко. Если попросишь, он согласится.

— Не упросишь, поди, его такого. Когда он уйдет в себя, то плохо и ест, плохо и разговаривает, плохо и слышит. Ну, да, ладно, скажу.

Неправда, что Павел Иванович перед поездкой на трудную плотину уходил в себя так, будто плохо и слышал. Что касалось плотины, он слышал хорошо.

Как только Марья Фоминична намекнула, что неплохо бы ему на плотине помощника иметь, инструменты подать, портфель похранить, за обедом сбегать и что Ильюша может быть таким помощником, а главное желает этого — Павел Иваныч так и уставился на Ильюшу. Ильюша не выглядел простофилей. У него еще не были рассучены рукава после мытья бутылок. Грудь с расстегнутым воротом высоко поднималась. Глаза смотрели прямо, с небольшой прищуркой. А покатые плечи коренастую фигуру делали еще коренастей.

— Угу, — только и сказал Павел Иваныч, но таким тоном, что Ильюша понял: экзамен на поездку выдержан.

И сейчас же им овладела забота, чтобы не подкачать с поездкой. Но забота эта выражалась совсем иначе, чем у Павла Иваныча: он не ушел в себя, а, наоборот, сделался общительней и старался сказать на прощанье что-нибудь толковое.

— Тетя Маня, ты не скучай здесь одна. И не заботься о нас. А письма пиши, и от нас получать будешь: если дяде Паше некогда будет писать, я

напишу. Напишу и о плотине, и о портфеле, и об обедах и о нас обоих. Ладно?

— Ладно будет, если сам о себе заботу поимеешь.

— Это уж в первую голову, — сказал Ильюша, хотя решил наоборот: что в первую голову будет заботиться о Павле Иваныче.

При сборах Павел Иваныч сделал оплошку: забыл захватить с собой непромокаемый плащ, но Ильюша напомнил. Затем, как бы про себя, Ильюша заговорил о том, что неплохо бы обоим смазать сапоги жиром, на что Павел Иваныч таким же тоном, как и раньше, сказал: угу.

Потом Ильюша позвонил в справочное — не опаздывает ли поезд. Потом ущипнул сам себя за то, что не успел выточить свой вконец затупленный перочинный ножик: чем же в дороге хлеба отрезать, огурец очистить, палку вырезать.

Но улучил минутку проститься с Нюрой, жившей в том же подъезде, этажом ниже, и тоже перешедшей в пятый класс, только женской школы.

Нюра Ильюше нравилась. У ней такая занятная привычка прятать свой остренький подбородок за воротник, горжетку или муфту и потом взглядывать снизу вверх, как мышка из норки. Была и еще привычка: разговаривая, держать его за пуговицу.

Но о чем можно говорить с Нюрой? Не о вышивании же ее, не о стихах в альбоме, не о котенке.

Правда, один раз она спросила, знает ли Ильюша, как получается электрический ток на станции; спросила именно то, о чем давно любопытствовал сам Ильюша. Но он решил, что Нюра спрашивает из моды: все ребята и девчонки последнее время говорят об электричестве да электрификации.

Узнав, куда едет Ильюша, Нюра удивилась, даже не поверила сначала. Потом очень обрадовалась.

— Напишешь мне? — спросила она спрятав подбородок в газовый шарфик.

— О чем?

— Насчет тока.

— Как вот время. А то... разве жалко!

Через час с пассажирского вокзала в Свердловске отошел поезд, и в нем, в плацкартном вагоне, поехали Ильюша и Павел Иваныч. Ильюша, лежа на верхней полке, смотрел в окно на мелькавшие в темноте огоньки, а Павел Иваныч, улегшись на нижней, сразу повернулся к стене, чтобы «поговорить с храпаком».

II

Когда огни мелькать перестали и за окном осталась лишь темнота, хоть глаз выколи, Ильюша стал думать, что все же удалось ему поехать на плотину, да еще трудную, а благодаря чему? Благодаря своим средствам: поговорить с толком, проявить догадку. И он решил всегда, всегда пользоваться этими средствами.

Потом ему вспомнилось одно правило, не свое, а одной няни из детсадика, которая часто рассказывала что-нибудь им, малышам, наставляя уму-разуму.

Она говорила, что никогда не следует задирать нос. Что-нибудь не продумаешь, к кому-нибудь отнесешься свысока — как раз и получится неудача. Ильюша, когда слушал няню, решил не забывать ее правило. Теперь же, вспомнив о нем, сразу решил, что у него неудачи не будет.

И стал мечтать, как он скоро, скоро увидит то, что уж второй год хотелось посмотреть: как будет получаться на станции электрический ток.

Этот вопрос для Ильюши имел и практическое значение. Дело в том, что при роспуске на каникулы преподаватель литературы, Петр Петрович, задал будущим пятиклассникам пробное сочинение — каждому на самую занимательную для него тему. Ильюша считал, что получение электрического тока на станции — самое занимательное что может быть на свете и, конечно, сочинение собирался писать на эту тему.

Уверившись в успехе, Ильюша сладко заснул.

Когда поезд остановился на предпоследней станции, Ильюша проснулся и пожалел, что опоздал во-время разбудить Павла Иваныча. Но тот уже не спал и сказал, что перегон тут большой, собираться можно, не торопясь.

Со станции они прошли прямо в райсельэлектро. Управляющий Павлу Иванычу очень обрадовался и, расхвалив его за исполнение прежних трудных проектов, дал еще более трудный, ключевой проект.

А что такое ключевой проект, Ильюша знал по рассказам Павла Иваныча. Значит, в берегах реки вблизи места плотины есть ключи, и тут уж будь на чеку: ключи могут потом открыться и около самой плотины и под ней — и размыть плотину.

Председатель колхоза, где строилась плотина, тоже обрадовался Павлу Иванычу, но не обрадовал его. Он так и сказал:

— Хорошее место выбрали инженеры для нашей плотины, в самом узком месте реки. Жаль только, что ключей тут гибель. Ну, да уж вы с ними как-нибудь обойдитесь. А мы как-нибудь вам поможем.

Как можно было обойтись с ключами? Их выпало на берегу, на котором расположилось колхозное село и на котором должна была строиться станция, — десятки. Ближайшие из них находились от места станции всего в каких-нибудь двадцати метрах, отделяемые небольшой лощинкой. Они выпадали и возле избушки, стоявшей на пригорке, за лощинкой, и на огороде возле избушки, и на задворье.

Павел Иваныч сразу начал бегать осматривать все эти ключи, забыв свой портфель на берегу у места, намеченного для станции, где Ильюша его и подобрал.

Ильюша всматривался в берег, таивший загадку: будет вред от ключей для плотины, или не будет? Эту загадку Ильюша должен был отгадать. Во всяком случае, нужно было помочь отгадать Павлу Иванычу. Но что предпринять, как к этому приступить, — он не знал.

Осмотр ключей, видимо, не дал ответа Павлу Иванычу на трудный вопрос. Теперь он ходил возле воды, взяв опять портфель подмышку. Ходил, раздумывая, щипал себя под ус и беспрестанно повторял: гм. Ильюша заметил, что Павел Иваныч долго стоял возле лощинки и долго смотрел на нее, но потом пожал плечами и снова начал шагать.

Председатель обсуждал той порой с несколькими колхозниками, как поскорее подвезти материалы к плотине, и спросил Павла Иваныча — понадобится ли сегодня рабочая сила. Павел Иваныч ответил — нет, и это Ильюше было вполне понятно: зачем и начинать плотину, если она может быть подмыта ключами еще до окончания постройки.

Но и уходить с реки Павел Иваныч не собирался. Теперь он зорко стал всматриваться в реку, в противоположный берег и что за ним.

«Хорошо бы накормить его сейчас», — подумал Ильюша и уже подошел было к председателю попросить записку насчет обеда, как увидел, что Павел Иваныч стал вынимать из портфеля буссоль — инструмент вроде большого компаса с градусными делениями вокруг стрелки, рулетку и таблицы. Рулеткой он отмерил на берегу линию в десять метров, отметив концы линии камешками, и у каждого камешка буссолью

измерил угол между отмеренной линией и направлением на колышек на том берегу реки.

Дальше Ильюша увидел, как Павел Иваныч вычислил при помощи таблиц длину линии через реку. Потом он определил таким же образом ширину реки немного выше того места и немного ниже, и получилось, что в обоих этих местах река шире на целых шесть метров.

Павел Иваныч сказал не «угу», а «гм», а это значило, что с легкой душой плотину в других местах не наметишь. Там она будет гораздо длинней; строить ее придется дольше, стоить она будет дороже.

А Ильюша был в восхищении: он видел, как измеряют неприступное расстояние. Он даже привскочил от удовольствия. Но сейчас же ущипнул себя через карман: так-то он заботится о Павле Иваныче. Пустился было догонять председателя, направившегося к правлению, но Павел Иваныч крикнул:

— Стой!

Подал Ильюше портфель и сказал:

— Отнеси домой.

— А ты? — спросил Ильюша.

— Пойду по реке дальше в оба конца. Что-то скажет она мне там.

Никакого дома пока у Павла Иваныча и Ильюши не было. Но Ильюша знал в чем дело: надо обратиться к председателю, он отведет квартиру, туда и пойти. И не только приготовить все к ночлегу, а постараться сделать что-нибудь хорошее еще и за непринесенный обед.

Хозяйка-старушка думала, что приез-

жий мальчик будет скромничать, стесняться, да просчиталась. Ильюша, осмотрев вторую половину избы, предназначенную для них, сразу потребовал кровать или хоть доски и табуретки, чтобы Павел Иваныч лег спать не на полу. Заказал самовар. Пол подмел сам. Принес из столовой ужин на двоих, но есть до Павла Иваныча не стал, а сел за письмо.

«Тетя Маня, — писал он. — Ты не подумай, что мы живем плохо. Нам плотина попалась хорошая, трудная, и квартиру отвели что надо: дядя Паша будет спать на кровати. Портфель у нас цел. Насчет обеда сегодня я хоть и не оплошал, а все-таки дядя Паша не обедал из-за меня. Последний раз это, тетя Маня, так и знай. А о себе я заботу имею: вот уж поужинал, ложусь спать на диване».

На самом же деле Ильюша присоединился к вязавшей чулок старушке, чтобы поговорить с толком.

Он боялся, что старушка пойдет на это неохотно и хотел предложить свои услуги по очистке овощей при помощи ножа своего изобретения — особого скребка из консервной банки. А старушка, наоборот, была рада беседе, только предупредила, что так как она старая, то говорить будет о старом да о бывалом, о новом же молодых спросить советовала: те больше знают.

— Про берег, про ключи, про избушку на бугре спрашиваешь? Да я в этой самой избушке родилась. Завсегда тот берег от ключей мокр да рыхл бывал. Еще девчушкой я досадовала, ни лошадь против своей избы напоить, ни воды зачерпнуть, все иди за лощинку. Ключищем наше место и звали. Когда батько избушку строил, не от одного соседа слышал: стройся по ту сторону лощинки, а тут на Ключище, как бы не унесло избу со всем бугром в реку.

— Да ведь она тут — с тревогой заметил Ильюша.

— Тут, да послушай, что было в один год. Полилась вдруг через край в нашем колодце вода, затопила двор и огород, забралась в подполье. Батько туда-сюда, нет справы на воду. Только и это не все: кверху струей из колодца забило. Крыльцо подняло и понесло, а батько на нем караул кричит, а я из окна гляжу — реветь начинаю.

— Вот-то беда, — искренно посочувствовал Ильюша.

— Стихомирился наш колодец, опал, даже обезводел. Только веры ему уж нет: батько доверху камнями закидал да землей засыпал.

— А река-то как у вас? — наводил Ильюша старушку на дело.

— Река, батюшко, со всячинкой. Выше-то ключей мельницу, чертопруд по-нашему, построили, так неладно получилось. Ни с того, ни с сего дыра в насыпи образовалась, и в нее со свистом струя выбрасывалась.

Мельник, чтобы закрыть дыру, кидал, кидал мешки с землей да глиной, обступился и — в дыру головой. Да угадал ладно, ничем не задел и по ту сторону со струей вылетел, даже нахлебаться воды не успел. Другую мельницу построили еще выше, мой зять был на той мельнице засыпкой. Както ставень застрял, он полез ночью выправлять и соскользнул. Ночь-непогодь была, все по домам. Один человек только и слышал, рыбак завзятый, как взревел зять на мельнице два раза. Весь омут утром обшарили, а тело не нашли. Вскоре само обнаружилось: чертопруд промыло оно откуда-то и выплыло.

— Вона как, — сказал Ильюша нетвердым голосом. За окном было уже темно. На спине легонько подирал мороз по коже. Но желание узнать от старушки что-нибудь толковое было сильнее страха. Он еще внимательней стал слушать старушку. Она была довольна: давно не находилось такого внимательного слушателя на ее рассказы.

— Теперь расскажу, — продолжала старушка, — какова река ниже, в этих вот местах. Взять мост. Не на моей памяти построен, а смотри, машины ездят, тракторы проходят, любая кладь. Недалечко от моста девчонка с берега с ведром опрокинулась. Глубина — мужику с головой, а жива осталась. Побарахталась, побарахталась, глядь, рядом коряга большая. Залезла и сидит, и смеется от радости, что жива осталась. Пятьдесят годов прошло, а как сейчас вижу. А наискосок, с другого берега, мужика бык в воду загнал. Больно он большебородых не любил, бык-то. Обидно мужику, а думает так: потону ли, нет ли, а на рогах непременно карачун будет — еще дальше в воду полез. Верно: постоял по горло в воде с полчаса, переждал, пока быку надоело караулить, вылез целехонек. Река, батюшко, в этих местах широка больно.

— Вот и построй на вашей реке плотину, — заметил Ильюша. — Выходит, нигде нет подходящего места.

— А ты не хай огульно нашу реку, — обиделась старушка. — Я ведь не знала, что ты для дела спрашиваешь, а не так себе. Поискать, так, место для плотины найдется. Я к этому и пример приведу, опять-таки из старого да из бывалого. Был у нас мельник один. Когда те оба чертопруда пронесло, задумал он новый построить. Выбрал место ниже Ключища, за лощинкой. Навозил лесу и камней, рабочих нанял, да вдруг уехал куда-то. Чертопруд так и не построил, лес растащили, а камни некоторые и доселе там. Не зря, наверно, выбрал он это место: такой-то дока был, во всем ему фартило. А когда про колодец я сказывала, добавить забыла, что батько новый колодец вырыл около того же места, что облюбовал мельник, сразу за лощинкой. Хоть глубже гораздо, зато покой: вода круглый год на одном уровне. Из него и по сю пору ее достают, речной-то куда вкусней.

Ничего хорошего река Павлу Иванычу, видно, не сказала. Он пришел попрежнему сосредоточенный. С обходительной хозяйкой разговаривал больше при помощи своего «угу». Сразу после ужина лег и повернулся к стенке. Но уснуть никак не мог.

Ильюша той порой смекнул, что не зря старушка упирала на лощинку, пожалуй, в лощинке-то все и дело, что пригодятся для отгадки и камни с колодцем. И решил сообщить Павлу Иванычу.

— А что, дядя Паша, — начал он. — Река и там, куда ты ходил, неудобна для плотины?

— Угу. Выше грунт слабый, а ниже ширина большая и берега пологи. Придется все-таки кружить около узкого места.

— Вот и я так думаю. Там, ниже лощинки, камни лежат, уж не собирался ли кто раньше строить плотину.

— Камни? Не может быть!

— Лежат, дядя Паша, большие. А рядом тут колодец глубокий вырыт, воду из него достают.

— Что ты говоришь зря: колодец глубокий, когда берег — копни раз, и вода пойдет.

— Право, есть такой колодец.

— Неужто есть? Ну-ко, ложись скорей, утром нежиться не придется.

Павел Иваныч стал повторять: «камни»... «колодец»... «лощинка»..., но в то же время и прихрапывать.

Ильюша примостился на хозяйкином сундуке, прикрылся своим пиджачком. Но у него вдруг оказался такой срочный вопрос, что он не пожалел потревожить засыпавшего Павла Иваныча.

— Дядя Паша, а дядя Паша! Зачем ты ширину реки измерял? Ведь на плане она везде известна.

— Не говори зря, — отозвался Павел Иваныч. — На плане она показана в водополь, а теперь межень. Большая разница.

Ильюша не очень надеялся, что встанет утром раньше Павла Иваныча. Пошел к старушке, попросил разбудить себя с восходом солнца. Да наказал, чтобы и сама она не проспала.

— Совсем ты неладный, — рассердилась опять старушка. — Да я уж поди двадцать годов и свет-то по утрам опережаю, не то что солнышко. А сплю-то одним глазом, как курица на насести: правый глаз спит — левый смотрит, левый заснет, правый откроется.

Утром Павел Иваныч вооружился лопатой и направился к месту плотины. Потрогал камни ниже лощинки, сказал: угу. Увидел себя глубоко-глубоко в колодце, опять сказал: угу. И начал рыть землю ниже лощинки у берега реки — без передышки. Оголил грунт на метр глубины — глина. Поплевал на руки, крякнул, углубился еще на метр — тоже глина.

Бросил на землю лопату, за ней фуражку, улыбнулся во все лицо, сказал:

— Все.

Это значило, что Павел Иваныч «вышел», наконец, из себя. А еще значило то, что плотину можно строить по проекту, в узком месте реки — ключи этому не помешают. А почему не помешают — спрашивать Ильюше не пришлось: когда Павел Иваныч «выходил» из себя, вопросов не дожидался. Слова у него лились, как вода из ключа.

— Видишь, Илья, — начал он, — чистая глина. Значит, здесь, ниже лощинки, не может быть никаких ключей. А выше лощинки их пропасть, потому что там совсем другой грунт.

Для наглядности Павел Иваныч оголил метр грунта выше лощинки. Действительно, под слоем глины оказался слой песку. Глубже — еще слой глины и еще слой песку.

— Дядя Паша...

— Не перебивай, Илья, слушай. Глина служит прессом, а песок губкой. Пресс давит на губку, вот из нее где-нибудь, в какую-нибудь дыру в глине и вытекает вода и получается ключ. Если пресс давит сильно, ключ начинает «бить», подниматься выше земли, журчать. Если дыра в одном слое глины придется против дыры в другом, получится фонтан.

— Дядя Паша...

— Я давно дядя Паша. Беги к председателю, пусть наряжает для плотины рабочую силу. Да скажи, чтобы не два часа собирались. Да сам там не завязни, дел теперь хватит.

Впопыхах Ильюша чуть не попал под комбайн, следовавший на прицепе за трактором под управлением парнишки. На трактор Ильюша не обратил внимания, а на комбайн уставился во все глаза. Немножко похож на самолет или на большой станок с конвейером, какие Ильюша видел во время экскурсии на Уралмаш. Непонятно, как это он и жнет, и косит, и молотит, и сортирует. И кого слушается — парнишки! Ильюша решил, что парнишка только прикидывается, будто ему неважно, что он едет на такой славной машине. Будто ему даже скучно стоять на высоком мостике и вертеть разные винты и ручки.

Председатель очень обрадовался, услышав сообщение Ильюши.

— Павел Иваныч рабочую силу требует? Все. Стоит теперь поднажать всем нам, и плотина к сенокосу будет закончена. Выйдет на первый сорт.

Три недели Ильюша наблюдал, как работали колхозники, являясь на плотину задолго до восхода солнца и уходя с наступлением темноты. Павел Иваныч еле успевал рассказать и показать что надо на всех участках плотинной работы.

За три дня надо было осушить участок реки, где должна строиться плотина. Выше этого места сделали временную насыпь из земли, а на другой стороне для реки прорыли обходное русло, протяжением в семьдесят метров — поперек километровой петли, которую делала река ниже места плотины. Обходное русло рыли всего два метра шириной, в десять раз уже реки, зато на два метра глубже — на величину уклона петли. Но и тут по подсчетам Ильюши не могла поместиться река. Часть воды должна была куда-то деться. Однако стоило всмотреться, какую высокую временную насыпь повели колхозники по указанию Павла Иваныча от одного и другого берега, чтобы понять, что остальная вода просто задержится у нее, дойдя до верха берегов.

Повышения уровня можно было не опасаться: было жарко, безветренно и безоблачно. Все ходили налегке, а Ильюша и другие ребята — в трусиках и часто купались где-нибудь повыше, за кустами.

Председатель колхоза, говоривший очень быстро, так что вместо «Павел Иваныч» у него выходило «Палваныч», умел быстро же наладить всякую работу и умел внушить колхозникам, чтобы не только работали хорошо, но и проверяли свою работу: надежно ли все выходит.

Когда вода пошла по обходному руслу, уровень воды понизился, так, что через насыпь перекатывалось ее очень немного. Ильюша ходил по месту постройки плотины, не зачерпнув сапогом, и дивился, дивился, что нет тут ни бездонных омутов, ни больших змей — ничего страшного, что рисовалось в темной глубине реки еще два дня назад.

Когда подсыпали на временную насыпь с четверть метра гравия, вода перестала перекатываться совсем. В дно уперлись солнечные лучи, быть может, за миллион лет в первый раз. Ил быстро просох, и Павел Иваныч и Ильюша убедились, что на месте постройки плотины нет ни одного ключа. Еще внимательней проверял отсутствие ключей председатель: он ковырял ил сапогом.

— Хорошо вы обошлись с ключами, — заявил он, — очень хорошо: ни одного к самой плотине не допустили.

Удовлетворенные первым успехом, Павел Иваныч и председатель устроили перерыв вместо обычных полчаса на целый час, так, что времени после обеда осталось.

Колхозники и колхозницы разгуливали по обсушенной петле против деревни и смеялись. Они находили то, что и в памяти еле держалось, а потрогать это снова руками никому и не снилось: нечаянно утопленные когда-то ведра, тазы, коромысла, сапоги, половики, а также похищенные рекой во время половодья телеги, мостики и целые прясла изгороди.

Ильюша с кучкой ребят шарили во впадинах дна, под колодами, и под теми же тазами и ведрами и находили, дивя колхозников, живую рыбу, иногда очень крупную, которую и брали прямо руками.

Но Ильюше хотелось бы найти что-нибудь поважнее: скелет мамонта, труп лося, золотоносную жилу или выход пласта каменного угля. Он был уверен, что и на самом деле нашел бы все это, если бы мог обсушить петлю реки побольше и подальше от деревни, в лесу или в горах. И он дал себе слово сделать это, когда вырастет.

Затем, по распоряжению Павла Иваныча, колхозники сработали главную часть плотины: заколотили сплошной ряд свай поперек реки. А немного выше забили в форме треугольника сваи для двух быков, устоев для помоста, являющихся в то же время и защитой для плотины во время ледохода — ледорезами. Сваями же укрепили берега против плотины, чтобы не обваливались.

Председатель, в котором по виду не было весу и трех пудов, стал проверять забивку свай, рьяно наваливаясь на каждую.

— Э, нет, — смеялся, глядя на него, Павел Иваныч. — Зря надсажаетесь. Если на сваю слон навалится, и то ничего не будет. От тысячи пудов сдаст свая, сломается, а сдвинуться — никогда не сдвинется.

— Верно, Палваныч, пока ни одна не поддалась. Только и я сразу не поддамся, после обеда еще попробую. И вы не тяните с обедом, а то опоздаете.

— Не опоздаю, — отвечал Павел Иваныч, увидев, как полетел Ильюша с кастрюлями к столовой. — Я раньше вас пообедаю.

Много приходилось вести Павлу Иванычу разных разговоров за день, но и этого ему было мало. Он еще прихватывал часик — другой вечером дома, беседуя с хозяйкой-старушкой, с которой крепко подружился, когда узнал от Ильюши, что о камнях и глубоком колодце сообщила она.

Ни за ужином, ни за чаем не угукал больше Павел Иваныч в ответ на расспросы старушки, рассказывал обо всем подробно. Много старушка не понимала, например, что такое шлюз, турбина, генератор, щит, напряжение.

— Ну, да недаром, наверно, все это выдумали, на пользу, — соглашалась она. — Прежние-то чертопруды уж больно просты были: насыпь, жернов да мельник. Насыпь, чуть только паводок побольше, своротит. Жернов почнет зерно мять, а не молоть. А мельник, что ни скажи — не слышит.

— Теперь плотина, бабушка не столько для мельницы, сколько для электричества. Ток — великая сила. Ты понимаешь, что такое ток?

— Ну, значит, огонь особенный по проводам течет. Это-то понятно, да непонятно, как он получается.

— Вот пустим плотину, покажем. Хочешь?

— Знамо, хочу. Что людям в пользу, то и на десятом десятке знать хочется. Все равно ночью лежишь, закрывши один глаз, да думаешь: откуда этот огонь особенный берется — говорят, не из дров, не из керосина. Встанешь, посмотришь в окно, далеко ли до рассвета, ляжешь на другой бок, откроешь другой глаз, опять думаешь: молнии, говорят, этот огонь родня. А из чего молния получается: из тучи, из воды. Так и встанешь, не спавши: что за огонь такой мудреный в городах появился, да и к нам в деревню идет.

Ильюше немножко обидно, что старушка старше его почти на сто лет, а думает о том же, о чем и он: тоже гадает, как получается электрический ток. Но надеется, что он-то узнает это от Павла Иваныча пораньше.

Утешало его и то, что он во всяком случае насчет электричества идет впереди своих товарищей по школе. А Нюра, думал он, и вообще едва ли что поймет в этом.

Тут он вспомнил о данном ей слове и хоть решил, что писать Нюре об электричестве — только бумагу портить, сообщил ей, как проявил догадку при помощи хозяйки-старушки насчет места для трудной ключевой плотины и как эта плотина и станция начали строиться. Черновик он сохранил, из-за него-то и писал: пригодится потом для сочинения.

Запечатывая письмо, подумал, нет ли тут какой заковыки, и опять решил, что нет ничего и похожего.

Стал уговаривать Павла Иваныча написать хоть коротенькое письмо Марье Фоминичне. Но Павел Иваныч как сел, так и написал десять страниц. Поэтому Ильюша приписал всего одну строчку: «Жив, здоров, заботу о себе имею, дела на трудной ключевой плотине идут хорошо».

Быстро подвигались вперед работы на плотине.

Колхозники и подростки укладывали фашинник между берегом и ближним быком с той и другой стороны и засыпали фашинник землей. Русло реки от этого сужалось вдвое, так что река потом могла течь только в средине, между быками. Здесь Ильюше никто не препятствовал работать. Сначала он укладывал фашинник, молодой березник и ольшанник, вершина на вершину, а комли врозь. Потом подвозил по доскам на тачке крупный песок, опрокидывая его на фашинник. Потом бегал по нему с другими ребятами, уминая ногами. Наконец, прохватывал до дна щупом, металлическим прутом, чтобы не допустить пустот, по которым бы пробралась потом вода и размыла насыпь.

Но самым интересным Ильюше казалось то, что происходило на станции, сруб который у конца плотины со стороны села уже подводился под крышу. Тут орудовал добродушный Анисим, колхозный шофер, слесарь, электрик и механик, с двумя нанятыми со стороны старичками, которых Анисим называл: мастаки. Они хорошо знали плотничную и тонкую столярную работы, а рамы и двери которыми они были заняты, такой работы не требовали. Да на станции и кое-что другое потом потребуется, поважнее: сделать щит управления, гнезда для турбины и генератора, затворы для шлюзов.

Впереди ряда свай и между быками женщины загрунтовывали дно, то-есть засыпали его балластом, крупным песком и галькой, и утрамбовывали балласт ручной «бабой», легкой деревянной болванкой с ручками.

Мужчины делали помост, то-есть настил на быках для переезда по нему с берега на берег и для опускания и поднимания с него затворов в шлюзах.

Подростки под наблюдением председателя копали рукавок для подвода воды из реки под станцию — вертеть там турбину.

Мастаки, закончив на станции крышу, пол, окна и двери, переключились на обработку заколоченного женщинами ряда свай поперек реки, а Анисим остался на станции для устройства гнезд для турбины и генератора и щита управления.

Павел Иваныч бывал везде, но больше всего времени проводил около мастаков, из чего Ильюша заключил, что их работа — самая важная.

Не все ему было понятно — что и для чего они делали. Павел Иваныч, конечно, не отказался бы разъяснить, но Ильюша предпочитал либо догадаться, либо узнать от мастаков, поговорив с толком, когда оставался с ними один.

Так, цель устройства на сваях против средины реки чего-то вроде больших окон, косяки, которых надежно прикреплялись внизу к сваям, а вверху к помосту, для Ильюши стала понятна вскоре: это и есть шлюзы. Это они будут закрываться затворами, когда воду выше плотины надо поднять, чтобы она шла под станцию к турбине, они будут открываться, когда лишнюю воду потребуется опустить, чтобы она не затопила станцию.

Действительно, мастаки устроили в косяках особые пазы, а в них вставили широкие толстые доски-затворы, двигающиеся в пазах благодаря стальному тросу через блок на помосте.

Но зачем они забрали сваи с той и другой стороны против средины реки бревнами? Кажется, сваи и так забиты прочно: каждая тысячу пудов выдержит.

Не додумавшись, Ильюша спросил мастаков об этом.

— А вишь ты, — отвечал один мастак. — Коряга или льдина снаряду может ударить покрепче, чем тысяча пудов, вот свая и сломается.

— А в бревна ударят — ничего, бревна ко всем сваям прилегают, они сдержат. Да и это не все. Мелочь разная: щепки, сучья, бой из льдин сваям вред принести могут — тереть, тереть да и перетереть. Бревна и от этого сваи предохраняют.

— Да не бревна, — поправил второй мастак. — Венец называется. А венец на плотине главное. Он один поперек-то реки в самой средине находится, ну и душе ее, значит поперек. При крепком венце река хоть и шумит и бурлит и ревет день и ночь, а терпит неволю. Со слабым венцом она тем ли, другим ли способом справится, тогда и всей плотины как не бывало, все искорежит да унесет.

Верх венца на шлюзах мастаки обшили гладко обструганными досками, так что и руку не занозишь. Тут Ильюша опять сам догадался — зачем такая штука: чтобы вода через венец легче перекатывалась.

Мастаки все-таки пояснили:

— Это водослив. Когда шлюз откроют — скатертью воде дорожка, катись она без задержки: меньше на венец давит, меньше его расшатывает.

Наступил, наконец, момент, когда плотина была готова, а на станции оставалось установить турбину и генератор.

Ильюша дрожал, помогая спускать через люк в полу станции турбину в рукавок, дрожал не только от напряжения, но и от нетерпения: как ее там закрепят, почему она должна крутиться от воды в одну сторону.

Что кажется особенно мудреным — на деле получается на редкость простым. Турбину поставили посреди рукавка, как колесо на ось. Нижний конец поместили в крепко заделанное в грунт стальное гнездо — чашу, а верхний продели в кольцевое стальное же гнездо в полу станции, так что выше пола можно было на него надеть ремень от генератора. Турбина и была колесом, только стальным, да на ободе, вместо шины, — особые углубления, вроде широких и глубоких карманов, наклоненных в одну сторону, так что поток воды, вливаясь в них заставляет вертеться турбину всегда в сторону наклона карманов.

У окна на полу установили генератор, по виду похожий на большой мотор, но в корне отличающийся от него по назначению: мотор, пользуясь готовым током, крутит при помощи ремня какую-нибудь машину, а генератор от водяной машины-турбины крутится через ремень сам и вырабатывает в себе ток.

Анисим подключил к генератору провода, соединил его с турбиной ремнем, поставил на щите предохранители — тонкие проволочки.

— Кажись, все, — заявил он. — Теперь дело за рекой, пусть-ка она робит.

— Можно пускать плотину и станцию, скомандовал Павел Иваныч.

Колхозники, колхозницы и подростки, устраивавшие плавный подъезд к тому и другому концу плотины, собрались на помосте. Остальные жители села высыпали на берег против станции.

Председатель выступил вперед, выпрямился, одернулся, подкрутил усы и направился с лопатой на средину временной насыпи.

Вот он быстро разрыл небольшой проход и едва успел убежать от хлынувшей воды, начавшей разворачивать насыпь вширь и вглубь. Вот взобрался на помост, на пути мчавшейся лавины спустил в первом

шлюзе затвор, и вода стала скапливаться. Опустил затвор во втором шлюзе — вода поднялась, пошла в рукавок под станцией, и зашумела турбина. Опустил затвор в третьем шлюзе — вода переполнила рукавок, затвор пришлось поднять обратно. В этот и остальные незакрытые два шлюза река устремлялась с неистовством, перекатываясь белым валом через водослив — и клокотала, поднимая каскады брызг и пены, по другую сторону плотины.

Но и такая чудная картина не удержала Ильюшу на помосте. Вслед за Павлом Иванычем он метнулся на станцию. На щите уже горела лампочка. Ротор, средина генератора, крутился внутри статора, наружной оболочки, — крутился мягко, упруго, так, что Анисим от удовольствия прищелкивал языком. Павел Иваныч имел не менее довольный вид от того, что генератор не греется. Оба решили, что он отрегулирован отлично, смазан хорошо и установлен правильно.

— Поди сюда, Илья, — сказал Павел Иваныч, вынув из кармана лампочку с двумя концами шнура. — Приложи концы шнура к клеммам, к месту прикрепления проводов генератора... вот, лампочка, как и на щите, горит, ток получается.

Павел Иваныч объяснил Ильюше, что ток получается именно от того, что вертится ротор, средина генератора, с тонкими проводами на нем, — внутри статора, неподвижной оболочки генератора, с ее тонкими проводами; что вертящиеся тонкие провода, имея в себе ничтожно малое количество электричества, возбуждают в неподвижных проводах электричество огромной силы: хватит осветить целое село, произвести обмолот урожая, помол зерна, пропустить через сепаратор молоко, обслужить мастерские.

Ильюше казалось, что он все понял до тонкости. Он был счастлив. Мечта его сбылась. Ему захотелось даже повернуться на одной ноге и он не удержался, повернулся раз, повернулся два и... увидел у дверей хозяйку-старушку.

— Вот и хорошо, — сказала она ему. — К долгой службе плотины это — веселье-то на новоселье. И тебе долго жить, до десятого десятка, как я, добраться, а то и во вторую сотню заехать.

Дальше случилось так, как и предполагал Ильюша: объяснять старушке-хозяйке как получается электрический ток пришлось ему, так как Павла Иваныча позвали в правление оформить благополучное открытие плотины документами и распивом бутылочки портвейна.

Ильюша начал с того, что сообщил старушке, какую большую пользу принесли ее разговоры о ихней реке, о глубоком колодце, о докекупце. Он прямо сказал, что неизвестно как бы обернулось дело без

этого, построена ли была бы плотина и станция так быстро, а главное надежно ключей-то ниже лощинки в дне реки не оказалось ни одного.

— Так, так, — довольно отвечала старушка. — Говорила я тебе: не хай нашу реку.

Посмотрев на бугор, где стояла старенькая избушка, сказала со вздохом:

— Не то она вперед рассыпится, не то я, а может, обе вместе. Да не обидно. И ей не обидно: вон какие строения рядом получились — станция да плотина. И мне не обидно, раз такие, как ты, на свет появились.

Потом Ильюша показал старушке все части плотины, объяснил, как они действуют. Потом они вернулись на станцию. Ильюша приложил к клеммам генератора концы шнура от лампочки, и лампочка загорелась. Объяснил старушке, где именно и отчего получается ток, и спросил: понимает ли она.

— Все, родной, понимаю кроме одного: внутре-то малое-то электричество как завелось?

Тут Ильюша покраснел: он не знал этого. Не спросил Павла Ивановича, когда слушал объяснения сам и не обратился к догадке. Самое важное, самое начало в получении тока упустил он. По привычке ущипнул себя за промашку и, ущипнув, вспомнил про свой фонарик-динамик: в нем, чтобы зажечь, приходится вертеть нажатием скобы магнитик, внутри оплетенный тоненькими проводами, окруженный тонкими же проводами наружной коробки. Очевидно, и в роторе генератора есть магнит, только большой! От магнита-то, видно, и получается малое электричество в крутящихся проводах!

Так Ильюша и объяснил старушке и увидел, что ей понятно.

Она пошла домой, а он вздумал купаться. Хотелось испытать, будет ли жутко, когда плаваешь над глубокими темными местами реки, где ходил по-суху и знаешь дно, как свои пять пальцев.

Ребята отговаривали Ильюшу, но он прыгнул вниз головой с помоста за венец, туда, где клокотала вода, каскадами летели брызги и пена. Вынырнул благополучно.

— Стра-ашно-о-о? — во все горло кричали ребята с помоста — такой стоял шум.

— Не-е-ет! — ликовал Ильюша, кувыркаясь в воде.

— Береги-и-ись, тут закру-у-чивает!

— Ни-че-гоо!

Но Ильюшу стало тянуть к сваям под самый водопад. Он поспешил нырнуть и очутился от плотины далеко. Одевшись, рассказал ребятам,

что вода успела вырыть за плотиной порядочную яму, скоро получится настоящий омут.

Ребята проводили его до квартиры, распрощались, пригласили наведать их и ихнюю плотину на будущий год. А Ильюша дал им свой адрес, советовал приехать в Свердловск, чтобы вместе сходить в экскурсию на турбинный завод — посмотреть большие турбины и генераторы, вроде тех, какие установлены на ДнепроГЭС'е — вот о чем уже думал Ильюша.

III

Вернулись Павел Иваныч с Ильюшей в Свердловск.

— Ох, как вы долго-то, как долго, — встретила их Марья Фоминична. — Еще немного, и я бы соскучилась. Плотина, видно, очень трудная попалась?

— Если бы трудная, да простая, — отвечал Ильюша, — ключевая, тетя Маня, редкая.

Ильюша представил Марье Фоминичне портфель в целости. Повинился, что насчет обеда для Павла Ивановича заботился плохо.

— Только, тетя Маня, слышишь: здоровья дядя Паша не подвихнул. Дорогой до самого Свердловска со всеми разговаривал и смеялся.

— Ну, а ты-то как? О себе-то заботу имел?

— Загорел, тетя Маня. Во: кругом.

Засучив рукава, расстегнув воротник и подвернув брюки, Ильюша показал свой загар.

— Верно, Ильюша, верно: хорошо загорел. А похудел-то зачем? Да, может, и ослаб?

В ответ Ильюша сильно ударил себя в грудь, и Мария Фоминична успокоилась.

Павел Иваныч улыбался, считая такой разговор ненужным, длинным. А как начал говорить сам, так и проговорил два часа. Потом со знакомыми, приходившими навестить, столько же. Потом, оставшись в комнате один, стал разговаривать сам с собой — такую он привез из командировки привычку.

Ильюша же спустился этажом ниже, прыгая через три ступеньки. Нюра оказалась дома, и как Ильюша и предполагал, сидела, уткнувшись в вышивку, и дразнила котенка нарочно спущенной ниткой. На столе лежал альбом со стихами. Разговаривала об открытии киоска с тетрадями, да о смерти Жучки, как будто ничего более важного в Свердловске и не случилось. Словом, все у Нюры оказалось попрежнему, и все не нравилось Ильюше, кроме ее привычки взглядывать на

него снизу вверх, спрятав подбородок в воротник — как мышка из норки.

— Письмо мое получила?

— Да.

— Поняла что-нибудь?

— Немножко.

Ильюше захотелось даже уйти. Но тут Нюра вспомнила о другой своей привычке — крутить пуговицу. И стала намекать, что плотину и станцию так, видно, и не закончили, ток не получили, раз Ильюша ничего не изволит рассказать ей об этом.

Ильюша с удовольствием вспомнил и рассказал, больше сам для себя, как были закончены и пущены плотина и станция, как и почему получился электрический ток.

Но со стороны Нюры — ни одного возгласа, в самых трудных местах. Только записывала иногда что-то в тетрадочку. Из моды, как думал Ильюша, чтобы показаться понимающей в электричестве.

«Вот и пиши такой и рассказывай», — твердил себе Ильюша, поднимаясь по лестнице обратно.

Правило няни на этот раз ему совсем не пришло на ум.

О сочинении Ильюша не особенно беспокоился. Считал, что сумеет написать, когда явится в школу: материалу у него хоть отбавляй, и по изложению всегда были одни пятерки. Поэтому оставшиеся дни он гулял по Свердловску, о котором за время поездки очень соскучился.

Но вот Ильюша и за партой.

В первый день учитель Петр Петрович принял сочинения от пяти человек, и ни у кого не было особенной удачи. На второй день — тоже. Тогда Петр Петрович вынул из папки тетрадочку и сказал:

— Сейчас я постыжу вас немножко. Вот послушайте, как написала сочинение на пять с плюсом ученица женской школы, где я тоже преподаю литературу. Тише. Внимание.

И Ильюша услыхал о всем том, что он видел и слышал во время своей поездки: о ключевой плотине и о славной бабушке-хозяйке, и о маленьком, но напористом председателе колхоза, и о добродушном Анисиме, и о мастаках, о бойких колхозницах и о скромных колхозниках и ребятах; конечно, о нем, Ильюше, и о Павле Иваныче, и о том, как получается на станции электрический ток. А изложено — сам сиди не сиди, а лучше не напишешь.

Подпись в тетрадочке: Анна Камаева, ученица 6 класса.

«Вот так заковычка»... — шептал Ильюша, идя из школы. «Ну, да ладно...».

К утру его сочинение было готово. В нем было рассказано, как он, Ильюша, свысока относился к девочке-соседке, Нюре Камаевой; как он сообщил ей просто потому, что самому хотелось поговорить обо всем, что видел и слышал во время поездки с отцом на постройку плотины и станции; как Нюра показала, что понимает не меньше его: написала обо всем, что он ей сообщил, сочинение на пять с плюсом, а он остался в дураках; как ему обидно за няню из детсадика, которая учила не задаваться, да он не хотел как следует принять это во внимание.

Сочинение было озаглавлено: «История одной поездки». Петр Петрович сказал, что написано кратко, но искренне и сильно. Полистал, посмотрел на сконфуженного Ильюшу и поставил пять.

СТИХИ ДЕТЯМ

Константин Мурзиди

О горных дорогах со мной говорил
Мой дедушка только вчера,
А нынче и компас мне свой подарил:
— Готовиться к лету пора.

Я компас вот этот повсюду носил,
И был он мне верен, как друг...
Задумался дедушка, тихо спросил:

— А что же ты скажешь мне, внук?
— Скажу я, что, смело шагнув за порог,
С прямого пути не сверну,
Что в жизни из тысячи разных дорог
Найду без ошибки одну.

ДУБ И СОСНА

Дуб однажды говорил сосне:
— Крепкой мачтой стать бы надо мне,
И поплыть дорогой беспокойной!
Молчаливо слушала сосна
И мечтала: если бы она
Стала мачтой легкою и стройной!
Развевался вымпел бы на ней...
Жаль, что дуб упрямей и сильней.
Не уступит, спорить трудновато.
Но пришла счастливая пора,
В этот лес явились мастера,
И сказал один из них: — Ребята!
Вот вам корабельная сосна.
Будет ладной мачтою она,
Мы давно такую с вами ищем.
А подальше дуб — да ведь какой!
Он теперь же под моей рукой
Станет крепким корабельным днищем,
Чтоб корабль и прочен был, и прям,
Не сбиваясь, плыл бы по морям!

Светлане

Мы зимней ночью у окна сидим
И молчаливо на луну глядим.
Все выше поднимается луна,
Все меньше, меньше кажется она.

— А ну-ка, дочь, дай на тебя взгляну:
Ты хочешь быть похожей на луну?
Будь только больше с новой высоты,
Чем будешь выше подниматься ты.

И если будешь подниматься ты,
Будь ближе к людям с новой высоты.

Б. Рябинин

Ночью на реке раздался сильный грохот. Казалось, выстрелили из большой пушки. Грохот прокатился по реке и замер в отдалении. Затем послышался какой-то шорох, с реки потянуло холодом, и вся масса льда, стоявшая выше плотины, покрылась бесчисленными трещинами и медленно двинулась по течению. Начался ледоход.

На электростанции в эту ночь не спал ни один человек. Как только появились первые признаки ледохода, начала прибывать вода и лед стал отходить от берегов, на электростанцию приехал начальник — женщина-инженер. Вскоре из ближайшей деревни стали подходить колхозники. Услышав, что электростанции грозит опасность, они явились без всякого зова. Надо было отстоять плотину.

Одним из первых прибежал к реке Паша Чернобровцев, бойкий смышленый паренек лет шестнадцати, все прошлое лето работавший на строительстве плотины и электростанции. Стоя на берегу, он с тревогой смотрел, как большие тяжелые льдины надвигались на плотину.

Электростанция была построена недавно. Ее строили общими силами несколько колхозов. Вместе со всеми работал на стройке и Паша Чернобровцев. Сначала он копал землю, потом сделался плотником. Под конец он считался одним из лучших работников, имя его красовалось на красной доске, а в день открытия электростанции его наградили грамотой.

Когда он прибежал на берег реки, там уже толпился народ. Люди виднелись и на верхнем мостике плотины. Другие подходили, неся багры и веревки.

— Экая страсть! — слышались разговоры вокруг него. — Рано нынче лед пошел, рано! Еще никогда не бывало такого раннего ледохода. Если такой лед да ударит с полной силой...

— Река — с ней не шути!.. Вишь, как расходилась...

Зрелище, действительно, было величественное и грозное. Тихая в летнее время, река вдруг преобразилась, сделалась большой и полноводной. Она стала мутная, неприветливая, и от края до края по ней двигался лед, сплошное поле льда... Глядя на это белое шевелящееся поле, Павлу невольно вспомнились картинки, изображающие Северный полюс; нехватало только палатки папанинцев.

— Тут, в коем годе — не помню, — сказал пожилой колхозник, — так же ранний ледоход был. Сколько тогда мостов посрывало!.. А нынче, смотри-ка, еще больше идет...

Никто не договаривал, что может произойти, если река набросится на сооружения электростанции, но каждому было ясно это и без слов: вода и лед могли снести плотину.

— Что стоишь? — крикнул кто-то Павлу. — Бери багор!

Паша схватил багор с острым крюком на конце и, стоя у самой воды, принялся проталкивать багром льдины в узком пространстве между быками. То же делали и другие.

Льдины, шурша, медленно проходили под мостом плотины. Сталкиваясь друг с другом, они крошились, налезали одна на другую, но не ломались, как обычно, когда ледоход случался в конце апреля и лед шел слабый, источенный водой и весенним солнцем. Если бы льдины застряли между быками, образовался бы затор, и тогда плотине трудно было бы устоять.

Паша работал с усердием, крупные капли пота катились по его круглому загорелому лицу, покрытому большими веснушками. Рубашка под теплым ватником прилипла к телу.

Багор был большой и тяжелый. Он так и тянул за собой. Взмахнув однажды им неосторожно, Паша едва не потерял равновесия; еще бы немного, и он упал бы в самую стремнину, где вода, с бешеной силой устремляясь в пространство под мостом, с ревом падала с вышины по другую сторону быков.

В ушах стоял непрерывный шум трущихся льдин и плеск воды. На самом видном месте плотины стояла женщина-инженер, которую знали все колхозники. Она руководила постройкой электростанции. Паша

помнит, сколько было разговоров, когда собирались строить электростанцию. Мужики ездили в город, хлопотали о постройке; потом из города приехали инженеры, и вместе с ними — женщина-инженер. Инженеры скоро уехали, а она осталась.

Сейчас она руководила спасением плотины и электростанции.

Сначала льдины шли так густо, что Паша с тоской подумал: нет, не устоять плотине, не устоять... где уж тут!.. Когда лед начал редеть, Паша и вместе с ним все те, кто был в эту минуту у реки, повеселели. Но потом лед пошел с такой силой, что казалось, уж теперь-то плотина ни за что не устоит.

Однако плотина устояла и на этот раз. Крупные льдины ломались на ледорезах, стоявших впереди плотины, а мелкие уже не представляли опасности.

Часам к двенадцати дня ход льда почти прекратился, река очистилась. В течение одной ночи она поднялась почти вровень с берегами.

Все поздравляли женщину-инженера, которая тоже улыбалась и сразу будто сделалась моложе. Обычно она была всегда серьезной и улыбалась редко.

— Выстояла наша матушка! — говорили колхозники. Матушкой они называли плотину.

И вдруг все умолкли. Из-за поворота реки появилось что-то большое, непонятное! оно быстро плыло по течению, приближалось, надвигаясь на плотину.

— Мост! Да это же мост! — вырвалось у кого-то.

И в самом деле, это был мост. Его сорвало где-то в верховьях и теперь несло прямо на колхозную плотину. Вздувшаяся река пригнала его с такой быстротой, что об этом даже не успели сообщить на электростанцию. А следом за ним шел новый лед. Такого удара плотина не выдержит. Не спасут и ледорезы. Их срежет, как ножом.

Что делать?

Каждый думал об этом. И каждый помнил, сколько труда было вложено в гидростанцию. Это была одна из самых крупных колхозных электростанций, построенных на Урале. Ее строили два года и затратили на постройку несколько миллионов рублей. Начали строить еще во время войны, а пустили уже после Дня Победы. Деньги дали сами колхозники. Все хотели получить в свою избу электрический свет — «лампочку Ильича».

Паша помнит, сколько было радости, когда в их избе зажглась первая электрическая лампочка. Отец ходил довольный и все посмеи-

вался, а мать принялась мыть и скрести, выметая из углов голиком застарелые тенета.

— Ну, теперь и жить станет веселее! — повторял отец. — Теперь — учись, Павел. Наука свет любит!

Гидростанцию пустили в конце лета, а уже в уборочную электричество молотило на току хлеб, мололо на мельнице зерно, качало воду из скважины, поднимая ее в бак, откуда она расходилась на скотные дворы и фермы. Доярки и скотницы говорили, что им с электричеством и работать стало легче.

Неужели же погибнет электростанция?!

Вот когда пришла она — настоящая опасность. В эту минуту уже и вся предыдущая борьба со льдом казалась легкой и незначительной.

Что-то нужно сделать, но — что? Женщина-инженер внезапно решительно сказала:

— Нужно остановить мост. Кто вызовется доплыть до него и привязать веревки?

Она внимательно обвела взглядом лица окружавших ее людей.

— Я! — раздался звонкий мальчишеский голос.

Это был Паша. Он уже несколько минут напряженно всматривался в лицо начальника электростанции, ожидая, какие будут распоряжения. И как только та произнесла свой вопрос, словно какая-то пружина толкнула его. Он не помнил, как крикнул это свое «я». Он поспешил крикнуть при последних словах женщины-инженера, чтобы его не опередили другие. Сердце у него сильно билось. Под направленными на него взглядами он покраснел, но не смутился.

— Ты?! Чернобровцев? — сказала женщина-инженер.

— А что? Я! — сказал Паша таким тоном, словно кто-то уже отстранял его от этого опасного дела, на которое он вызвался. — Плавать я умею. И грести тоже умею!

— Ну, что ж... — медленно произнесла женщина-инженер. — Пожалуй, плыви, ты парень крепкий... А доплывешь?

— Конечно, доплыву! — горячо воскликнул Паша.

И он поспешил к лодке. Мужики помогли ему снести ее к воде; на дно положили большой круг веревки и, оттолкнувшись от берега, он быстро поплыл к мосту, энергично работая веслами.

Все смотрели на него с берега. Только бы успел до того, как мост приблизится к плотине настолько, что его уже поздно будет останавливать! Об этом же думал и Павел, усердно гребя веслами. Вот и мост... Волнение сразу прошло, и Паша почувствовал себя совершенно уверен-

но. Он ловко перекинул один конец толстой веревки на мост, прикрутил его к бревнам, затем привязал и другой конец.

Течение все время отбивало лодку от моста, и она крутилась на месте. Приходилось одной рукой держаться за скользкие холодные бревна, а другой делать все остальное. Руки сразу окоченели. Паша торопился. Затянув покрепче узлы, он оттолкнулся и поплыл обратно. Веревки волочились по воде за лодкой, то погружаясь, то выскакивая на поверхность.

Но, когда он уже был на половине пути, его внезапно начали мучить сомнения. Хорошо ли он прикрутил веревки, не развяжутся ли они, когда начнут тянуть мост? Ему стоило больших усилий не вернуться, чтобы осмотреть узлы — крепки ли они. Он не сделал это только потому, что было бы потеряно несколько минут, а время не ждало. С каждой минутой мост все ближе и ближе подплывал к плотине.

— Молодец! — сказала женщина-инженер, когда Павел, наконец, добрался до берега, и в голосе ее послышалась ласка.

За мокрые веревки немедленно схватились десятки дюжих рук. Человек полтораста подтягивали мост к берегу. Они тянули его к себе, крепко упираясь в землю. Вместе со всеми тянул и Паша. Веснушчатое лицо его покраснело от натуги. «Только бы веревки выдержали», думал он. Веревки натянулись, как струны; они совсем вышли из воды, и по реке тянулась дорожка из капель.

Медленно-медленно мост приблизился к берегу, ткнулся в мерзлую землю и остановился. Его привязали.

Но тут возникла новая опасность. Скопившийся за мостом лед пошел такой густой массой, что не мог пройти ледорезы, и остановился. Образовался затор. Льда нагромоздило у ледорезов такие горы, что было страшно смотреть. И вода все продолжала прибывать. Нужно немедленно разрушить затор, а то вода и лед нажмут с такой силой, что ледорезы не выдержат; а если будут сорваны ледорезы, то не выдержит и плотина...

— Надо взрывать, — наконец, сказала женщина-инженер и вопросительно обвела взглядом вокруг себя. На этот раз она даже не решилась вызывать охотников. Слишком опасное было дело, о котором она говорила.

И опять вызвался Павел. Он решительно выступил вперед и деловито сказал:

— Я поеду, взорву! — И помедлив секунду, добавил: — Мне уж теперь не впервой... ехать-то...

На этот раз начальник электростанции не сразу решилась отпустить его. Наверное, она совсем бы не отпустила парнишку, если бы его не поддержали колхозники. В самом деле: он уже доказал, что хорошо умеет управлять лодкой, не боится опасности, а кто смел да отважен, тому всегда сопутствует удача.

В конце концов, Павел получил в руки патрон взрывчатки и снова поплыл на лодке. Он должен был, подплыв к кромке льда, бросить на лед патрон и быстро грести обратно... Все, затая дыхание, следили за ним. Вот он уже у края льда, вот поднялся в лодке во весь рост и размахнулся, чтобы бросить патрон... И в эту минуту большая льдина надвинулась на лодку, прижала ее к ледорезу и опрокинула. Паша взмахнул руками и упал в воду.

— Пропал парень! — вырвалось у кого-то. С берега казалось, что льдина накрыла его с головой.

Но Павел не пропал. Он не зря говорил, что умеет хорошо плавать. Еще совсем маленьким (он тогда еще в школе не учился), летом он целые дни проводил на реке. Купался до того, что приходил домой весь посиневший, от озноба ломило во всем теле, зуб на зуб не попадал. Мать на него сердилась, но наутро мальчонка снова шел на реку и пропадал там с сверстниками до вечера. Вот когда это ему пригодилось! Он вынырнул и быстро поплыл, но не к берегу, а снова к кромке льда.

— Сюда плыви! Сюда! — кричали ему с берега; но он упрямо плыл против течения, постепенно приближаясь к затору. Патрон он держал в руке крепко зажатым между двумя пальцами.

— Отчаянный какой!.. — говорили на берегу. — Другой бы бросил все и поплыл обратно, а этот — знай свое делает...

— Что он задумал? Голова его мелькнула у кромки льда, сотни глаз напряженно следили за этой крохотной черной точкой, то показывавшейся, то почти исчезавшей среди волн. Из воды показались плечи, рука. Крепко вцепившись в холодный скользкий край (руку обожгло, как огнем), он взобрался на льдину, подтягивая на руках все тело, поднялся, быстро пробежал вдоль края, затем, размахнувшись, швырнул патрон далеко от себя, как раз в самую средину затора, и, перескакивая с льдины на льдину, бросился к берегу.

«Только бы патрон не взорвался раньше времени!» — пронеслось в голове юноши. В эти короткие мгновенья, от которых, быть может, зависела его жизнь, ему вспомнились рассказы про саперов, которые ошибаются один раз в жизни. Но страха он не почувствовал.

Оглушительно грохнул взрыв. Полетели в воздух глыбы льда, шумно всплеснулась вода. Но Паша был уже на берегу. Десятки рук про-

тянулись ему навстречу. Потоки воды стекали с него. Он посинел от холода, однако был счастлив, что выполнил опасное поручение и спас плотину — труд стольких людей.

— Вот храбрец-то! — с восхищением сказала женщина-инженер, все это время с тревогой следившая за действиями смелого юного колхозника, и на усталом лице ее снова появилась улыбка — вторая за этот тревожный день. — А теперь иди отогревайся и сушись! А то простудишься!

— Не простужусь! — уверенно заявил Павел и зашагал к теплому станционному зданию, где ритмично и слаженно работали машины, дававшие ток его колхозу.

Ледоход на реке продолжался. Но он уже не представлял опасности для электростанции. Взорванный затор распался на отдельные льдины, и они, шурша, проходили под мостом, обрушиваясь вместе с водой в провал по другую сторону плотины.

К вечеру ледоход прекратился. А через несколько дней начала сбывать и вода. Электростанция снова стала работать на полную мощность.

Но Паша Чернобровцев уже не видел этого. На другой день после взрыва затора он уехал в город учиться на электромеханика.

МАЛЬЧИК С ВЕЛОСИПЕДОМ

Рассказ

И. Тропп

Через село проходит прекрасная дорога — покрытое гудроном шоссе. С утра до ночи мчатся по шоссе автомобили. В час, когда заходит летнее солнце, на прогулку выезжают мотоциклисты, появляются группы юношей и девушек на велосипедах. Завязываются соревнования, гонки.

— А ну, нажимай! — кричат многочисленные зрители. Все заинтересованы: кто одержит верх.

Вова Малых, коренастый веснушчатый паренек, с упрямыми серыми глазами и волосами, добела выгоревшими на солнце, уныло смотрит на широкую дорогу. Ему хочется покататься на велосипеде, а велосипеда нет. Дело в том, что Вова слишком мал, чтобы кататься на велосипеде взрослого человека, а подходящей машины на селе не было. Ему, правда, удавалось прокатиться на велосипеде Коли Горшкова, сидя на раме, но какое в этом удовольствие?!. И Вова, стараясь казаться равнодушным, пожимал плечами, как будто для него велосипед не представлял никакого интереса.

«Заведу машину — всех обгоню — думал, он между тем. — Федьку Белоусова, и Кольку Горшкова. Хоть они и на два года старше, а обгоню».

Но что эти мечты, если нет велосипеда?..

Лето подходило к концу, а Вове так и не удавалось ни разу проявить себя на велосипедных гонках. Зато в колхозных делах он занимал далеко не последнее место. Вместе с другими школьниками помогал он родному колхозу выращивать богатый урожай овощей, работал

на прополке, участвовал в заготовке сена и другого корма для скотины. Особенно удачно шло у Вовы дело, когда он вязал веники. Эти веники должны были зимой пригодиться для овец и коз. Мелкий рогатый скот с удовольствием поедает веточный корм.

Вязкой веников ребята занимались с утра и часов до двенадцати. По пути в рощу Федя Белоусов и Коля Горшков заглядывали на конный двор, хотя нечего им было там делать. Конюх гнал их со двора. Федя и Коля смеялись, баловались, спорили. А время-то шло да шло. Пока Федя и Коля добирались до рощи, Вова успевал по пять веников связать. К полдню Вова связывал шестнадцать веников, а Федя и Коля по десять — одиннадцать.

— Молодец — говорил Вове председатель колхоза.

Вова горделиво поглядывал на своих приятелей. Но тут Коля небрежно, как будто речь шла о пустяках говорил Феде:

— Пойдем, покатаемся на велосипедах.

Ребята уходили, а Вова уныло смотрел им вслед и старался уверить себя, что он нисколько не завидует...

Свое горе Вова забывал, когда ездил вместе с колхозным конюхом к реке купать лошадей, или бывал в ночном. Весело было и в лесу, куда он ходил с друзьями за ягодами, и в поле, где он помогал взрослым сгребать сено, и на огороде, где ребята обирали гусениц с капусты.

Бригадир овощеводов с похвалой отзывался о школьниках.

— Всю гусеницу ребятишки уничтожили, — говорил он. А больше всех хвалил Вову Малых; никто из его сверстников не выработал так много трудодней.

Между тем, в селе задумали провести велосипедные соревнования молодежи. Должны были приехать гости — пионеры из лагеря. Чего бы только ни дал Вова, чтобы иметь велосипед! Теперь он уже не пытался уверять себя в том, что он не завидует Феде и Коле, которые катались на больших велосипедах и должны были участвовать в соревнованиях.

Приближался день соревнований. Юные велосипедисты усиленно тренировались и уже спорили о том, кто выйдет победителем.

Однажды на поле, где проходила тренировка, пришел председатель колхоза, Александр Федорович. Он шутил, подзадоривал ребят и говорил, что лучшим гонщикам правление решило подарить ценные призы. Ребята радовались, а Вова, грустный, стоял в стороне.

— Что грустишь, товарищ Малых? — спросил председатель и ласково потрепал мальчика по выгоревшим на солнце волосам. Вова не отвечал. Слезы навернулись ему на глаза. Чтобы никто не заметил, что он плачет, Вова отвернулся и быстро ушел.

Он шел по обочине шоссе. Вдали, над озером, опускалось солнце. Еще не остывшая пыль мягко щекотала ступни ног. В ближней роще бойко щебетали птицы. Но Вова ничего не слышал и не видел. Слезы катились у него по щекам; он ругал себя нюней и размазней, но слез никак не мог остановить.

«Конечно, если бы отец был жив, он давно купил бы мне велосипед, — думал Вова. — В последнем письме с фронта он уже обещал мне подарок за то, что я помогал матери...»

— А все-таки на вопрос полагается отвечать, Малых, — раздалось вдруг за спиной Вовы. Он вздрогнул и отвернулся. Перед ним стоял председатель, Александр Федорович. Занятый своими мыслями, мальчик не заметил, как его догнал председатель. — Особенно, ежели тебя спрашивает взрослый...

Александр Федорович своей большой сильной рукой обнял Вову за плечи и участливо заглянул в глаза. Мальчик утер кулаком слезы.

— Пыль...

— В глаза попала?

— Ага, прямо в глаза...

Александр Федорович улыбнулся, но сейчас же сделал серьезное лицо и сказал:

— Надо осторожней.

В этот момент мимо них с гиком, свистом и смехом пронеслась целая ватага юных велосипедистов. На глазах Вовы снова показались слезы.

— Опять эта пыль? — стараясь сохранить серьезный вид, сказал председатель.

Вова опустил голову.

— Ах, какая противная пыль, житья нет... — Александр Федорович вздохнул, легонько хлопнул Вову ладонью по плечу и свернул к скотному двору.

А дня через три председатель, по делам побывавший в городе, вызвал Вову в правление и передал ему новенький велосипед:

— Получай, Владимир Тимофеевич, от колхоза.

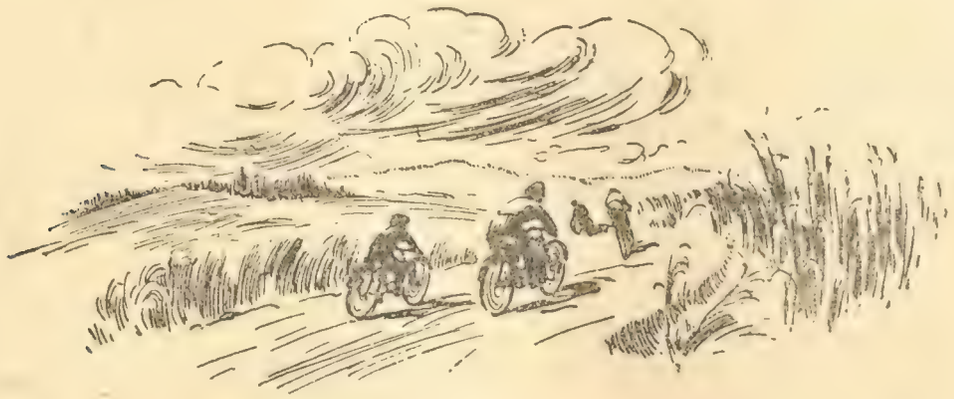
Вова, растерянно улыбаясь, смотрел на блестящую никелем машину.

— Как раз по росту, — сказал он, наконец, и взялся было за руль, но сейчас же робко отдернул руку.

— Ну, чего же ты боишься? Бери. Для тебя куплена машина. Подарок от правления, за помощь колхозу.

Вова поблагодарил председателя и вывел свой велосипед на улицу. Был тихий, теплый вечер. Только что прогнали колхозное стадо. Девушки в нарядных платьях спешили в клуб. Старики сидели на завалинках, важно беседуя и покуривая трубки. Переждав, пока уляжется пыль, поднятая стадом, Вова сел на велосипед и выехал на средину села. Ему казалось, что все село смотрит на его новенькую, чудесную машину.

Позванивая прохожим, мальчик покатил на шоссе, где ребята тренировались перед гонками. Поровнявшись с группой юных велосипедистов, он помахал им рукой и так нажал на педали, что вскоре оставил всех позади. Выбеленные солнцем волосы Вовы трепал ветер, щеки раскраснелись, а он все ускорял и ускорял бег своего велосипеда.



НАСТОЯЩИЕ ДРУЗЬЯ

Н. Куштум, И. Семенов

I

У меня есть друг Володя.
Мы с ним вместе в школу ходим,
Потому что по соседству
Мы живем в одном краю.
Никому его в обиду
Я дорогой не даю.
Я люблю резвиться вволю,
Успеваю там и тут.
Оттого меня и в школе
Непоседою зовут.
А Володя не такой —
Где ему залезть на крышу!
Но зато он быстро пишет
Даже левою рукой.
Мы сидим на парте рядом,
Состоим в одном отряде.
Нам обоим двадцать лет.
Крепче нашей дружбы нет.

II

В воскресенье целый день
Заниматься было лень.
В классе всех нас двадцать восемь,
Думал я, — меня не спросят.
А учитель, будто знает,
Утром первым вызывает.
Не могу решить задачу,
У доски едва не плачу.
Чуть Володю я увидел,
Говорю ему с обидой:
— Ты ведь знал задачу?

— Знал.
— Что ж ты мне не подсказал?
Он сказал мне:
— Нет, уж, Миша,
Ты и слова не услышишь,
Ни полслова,
Ни гу-гу —
Хочешь, дома помогу.
Он со мной домой пошел,
Мы закрыли крепко двери.
Получилось хорошо —
Я решу, а он проверит.
Посидели вечерок,
Приготовил я урок.
Без указки, без подсказки
Утром все ответить смог.
И тогда подумал вдруг:
Это настоящий друг.

III

Мы собрались в выходной
Посмотреть спектакль дневной.
Погляжел я на Володю, —
Он одет совсем по моде:
Кителек, морские брюки,
Только все в чернилах руки
И в грязи одна щека...
Говорю:
— Имей в виду, —
Я с грязнулей не пойду.
Рассердился он сначала:
— И не надо, не ходи!
Мама с бабкой заворчали:
— На себя ты погляди.
Тут Володе стало стыдно,
Смотрит в зеркало — беда!
Грязь и в самом деле видно —
Не годится никуда.
И тогда беру я ковшик,

И из кадки у крыльца
Воду лью, а он полощет,
Отмывает грязь с лица.
Пусть и руки посинели,
Все отмыл наверняка.
А в театр мы еле-еле
С ним попасть тогда успели, —
Но до третьего звонка.
С той поры мой друг Володя
Добела умытый ходит.

IV

Возвращались мы из сада.
На трамвае ехать надо,
А у нас один пятак.
Говорю:
— Проедем так.
Прицепиться на подножке —
Это просто пустяки.
Нам и ехать-то немножко —
Пять кварталов до реки.
А кондуктор нас заметит,
Мы соскочим на ходу.
Но Володя мне ответил:

— Не хочу попасть в беду.
Не хочу, чтоб по дороге
Мне трамвай обрезал ноги.
Не хочу я по земле
Ковылять на костыле.
Или, скажем, например,
Свистнет милиционер
Вмиг вагон он остановит,
Нас с тобой двоих изловит —
И в милицию сведет,
А потом отец придет.
Вот я и попал в беду.
Лучше я пешком пойду.
Я сказал Володе: «Верно!»
И пошли мы возле сквера,
По дороге прямиком,
Взявшись за руки, пешком.

V

Говорит вчера Володя:
— Мы в кино сегодня сходим.
В полдесятого начало,
Только б мама не узнала.
Если спросит — где мы были,
Скажем ей — урок учили.
Я сказал Володе прямо:
— Не обманываю маму.
Как в глаза ей погляжу,
Как ей правду расскажу:
Что сидели мы в кино,
Когда спать пора давно.
Вдруг учитель нас застанет, —
Поздно из кино идем, —
Как ответ держать мы станем
Перед школою вдвоем?
Я хочу, чтоб не краснея,
Мы с тобой входили в класс.
А в кино сходить успеем
Мы с тобой еще не раз.

Пролетят денечки мигом
До воскресного утра.
А сейчас берись за книгу —
Нам урок учить пора.

VI

Так вот дружим мы с Володей.
Зиму вместе в школу ходим,
Летом вместе рыбу удим,
Вместе летчиками будем,
Потому что он и я —
Настоящие друзья.

Рассказ

1

С. Самсонов

Эту историю, ребята, рассказал мне один бывалый солдат, по фамилии Тюлькин.

— В разведвзвод, — начал он, — пришел я из тыла, из запасного батальона. Командир спрашивает:

— Воевали?

— Никак нет, — говорю, — не приходилось.

— И немцев не видели?

— Видел, товарищ комвзвода, на картинках да в газете.

Тут при командире солдаты сидели... Все вдруг ни с того, ни с сего хи-хи, да ха-ха. Один другому шепчут: вот это Тюля, а разведчиком хочет быть. Только командир, спасибо ему, поддержал меня. Он цикнул на солдат и сказал:

— А что тут смешного? Ну, не воевал, ну, не видал немцев. Да ведь и вы тоже не сразу немцев-то увидали. А что касается фамилии, то тут тоже смешного мало. Вон наш Трибабунько, тоже фамилия не ахти какая, а разведчик хоть куда.

Признаюсь, меня заела зависть. Они, мои новые сослуживцы, все с медалями да с орденами, а я так себе, без всего. Тут я думаю себе: «Погодите! Я тоже не хуже вас отличусь, дайте срок».

Но отличиться негде было, в обороне стояли, на реке Сбруч, на Украине. По одну сторону мы, по другую — немцы. Стоим друг против друга и побухиваем из пушек да из пулеметов строчим. Время идет медленно. Наш взвод к этому времени расквартировался в доме вдовы. У нее немцы убили мужа, — он партизан был. И был у этой вдовы сынок, Серегой звали. Вот я и познакомился с ним. Он такой дошлый, смелый мальчуган. Сидим как-то вечером, а он спрашивает:

— Можно мне разведчиком к вам поступить?

— Нет, говорю, мал ты еще.

А потом начинает расспрашивать меня:

— Хорошо у вас на Урале?

— Хорошо, даже преотлично! — отвечаю.

— Птиц у вас там много?

— Много.

— А какие?

— Всякие: утки, гуси, глухари, косачи, лебеди и прочая дичь.

— А голуби есть?

— Есть.

— А скворцы?

— И скворцы есть.

Тут я Сереге рассказал не только про птиц, но и про волков, лис, медведей, коз, сохатых. Про наши огромные, всегда зеленые леса, про уральские реки, горы, города. Целые вечера, когда был свободен от службы, я рассказывал Сереге про Урал. И за это он полюбил меня, подружились мы. Только ребята наши шутили. Дескать, нашел себе дружка-приятеля.

Началась весна. Закапали с крыш светлые капельки, заговорили ручьи, запели птицы, а там, где снег совсем сошел, зазеленела трава. Птицы потянули в наши края.

Как-то раз я смотрю: тащит мой Серега из кладовой птичий домик-скворешню. Принес он этот домик в хату и говорит:

— Дяденька Фрол (это меня так кличут), помогите, пожалуйста, скворешню выставить.

— Что, скворчики прилетели? — спрашиваю.

— Да еще нет, но, кажется, не сегодня-завтра будут.

Вот поставили мы птичий домик, а через несколько минут бежит ко мне Серега и кричит:

— Дядя Фрол! Дядя Фрол! Дедушка тоже выставил. Посмотрите-ка.

И правда. Через реку в деревушке, что на пригорке, возле белого домика увидел я скворешню на шесте.

— Это мои дед там живет, — пояснил Серега. — Он, наверное, заметил мою скворешню и свою выставил.

— Что, — говорю, — небось, к деду хочется?

— Ух, как хочется! — с тоской отвечает Серега.

— Ну, погоди малость. Вот пойдем в наступление, вышибем немчуру из той деревушки, и увидишь ты деда, узнаешь, как он живет.

— Да это, пожалуй, мы и раньше узнаем, — отвечает Серега.

— Как же так? — спрашиваю.

— Очень просто — отвечает Серега. — Вот только бы скорее прилетел мой «ученый» скворец, и все будет в порядке.

Тут, признаться, я удивился и не понял сразу ничего. Расспросил Серегу подробнее. А он и говорит:

— Было это, — говорит, — два года назад. Я жил тогда у деда, мне было восемь лет. Вот как-то раз мы были с дедом на дворе. Видим, пролетел над нами откуда-то скворчик, и бац на нашу крышу. Дед говорит мне:

— Скворушко-то, того, видать, подбит или больной. Лезь, Сергунчик, на крышу, он там упал.

Я скорей на крышу. И правда. Скворец лежит на боку, клюв раскрыл, глаза белой сеткой заволокло, и тяжело дышит. Я его взял и — к деду. Осмотрели мы скворца. Оказалось, что скворушко болен — кто-то переломил ему лапку и крыло повредил.

— Что теперь с ним? — спросил я деда.

— Лечить, Сергунчик, лечить надо.

С неделю я скворушку держал в хате. Лечил, поил, кормил. Бывало утром сядет он на подоконник и поет. Потом летать начал. Я тогда выпустил его на волю и начал он жить в нашей скворешне. Только, когда открыли окна в хате скворец нет-нет да и прилетит в комнату. Я тогда стал собирать ему червей, наливать воды в блюдечко; а он поест, попрыгает и снова улетит. Прямо ручной стал, привык. Открою створку, начну его манить: — «Скворушка, скворушка!» а он и прилетит.

Потом я рассказывал об этом дедушке. Он и посоветовал мне такую штуку проделать. Ты, говорит, Сергунчик, унеси его вместе со скворешней домой, к себе. Я унес. И что вы думаете? Ведь тоже самое стал делать скворец и у меня дома, что делал у деда. Открою окно, поманю его, и он тут как тут... Тем временем дедушка сделал другую такую скворешню ну, прямо не отличишь от первой. И стал наш скворушка летать то к деду, то ко мне. Я корм запасаю: червей, крошек, зернышек, семячек. И хитрый же: то прилетит и все поклюет у меня, то опять к деду — и там поклюет все приготовленное!

Потом начал я посылать со скворушкой почту. Привяжу к лапке бумажку и отпущу.. А в этой бумаге напишу деду: «Жди вечером, дедусь меня в гости». Или еще что-нибудь.

Через год скворка снова прилетел. Правда был сначала диковат, а потом опять привык и так же стал летать от деда к нам, от нас к деду...

— Вот это, Серега, штуку ты мне открыл! — удивился я, и задумался насчет того, как этого скворушку приспособить к военному делу.

А наш командир как раз очень уж хотел знать, как живут немцы в той деревне, где дед Сереги находился, что у них есть там в смысле обороны и прочее. Я по своей простоте возьми да и скажи ему насчет своего плана. В ту пору и скворцы прилетели, и «ученый» скворец Сереге от деда уже весть принес. Только я держал это в тайне от всех. А тут взял да и брякнул: дескать, могу кое-что проделать насчет разведки той деревни, при помощи ученого скворца.

— Как? — спрашивает командир.

— А вот так, товарищ комбат. — Скворец ученый есть, который нам может сослужить службу, как связной при разведчике.

Все так начали смеяться надо мной, что хоть под стол полезай от стыда. Но комбат выручил меня.

— Хорошо, — говорит, — попробуем, Тюлькин.

Дело в том, что все время лазить в разведку из нашего села к немцам — дорогое дело. То туда пойдут наши разведчики и не вернутся, то оттуда станут выбираться, и немцы их обстреляют. Были от этого большие потери. В то же время нам надо было разузнать у немцев все до тонкости. Где у них огневые точки? Где минные поля? Много ли сил?

Вот я и предложил такой план: я пробираюсь к немцам, останавливаюсь у деда Сереги, собираю и узнаю, что придется, и посылаю донесение со скворцом.

— Ну, и Тюлькин! Ну, и чудак же ты! — шутят солдаты, а я только помалкиваю. Обсудили с Серегой обо всем насчет его участия. Только я не сказал, конечно, что ночью ухожу к его деду, но договорился, что все записочки, какие Серега будет находить у скворца, пусть мигом передает нашему командиру. На том с ним и порешили.

2

К деду Сереги я пробрался ночью. Его хата была почти самая крайняя, ближе к речке Сбруч. Немцев он ненавидел. Они его сына, отца Сереги расстреляли. Ну, то да се, рассуждаем с дедом про разные дела насчет немцев, я ему и говорю:

— Я к вам, папаша, от Красной Армии, по служебному делу.

— Все, — говорит, — понимаю. Изверги немцы. Прямо горе одно. Мы знаем что за речкой наши, да только не время, видать, вот и не приходят до нас.

В ту же ночь я узнал, что немцы имеют у самой реки окопы, и ночью, и днем там сидят, а когда холодно или дождь, то идут в село: спят, варят кур, гусей, поросят, и все это отбирают у сельчан.

Все, что я узнал, — записал на тонкую курительную бумагу, а утром дед заманил скворца, намотал бумагу на ножку, привязал ниточкой, и скворушка улетел. Вечером, когда я вылез из погреба, где скрывался днем, дед подает крохотный клочок бумаги. Там написано: «Спасибо. Все получено».

Тут меня такая радость взяла, что я готов был и смеяться и плакать. Ну, опять с дедом говорим. Он кое-что разведал. Я тоже.

— В деревне, — говорит дед, — штук двадцать танков, только стоят они в саду, с километр отсюда будет, сад этот помещику раньше принадлежал. А за деревней, в овраге стоят у них минометы и пушки. Овраг тоже недалеко, метров в полторы тысячи, не больше. — И опять я все записываю.

Вечером получаем вторую бумажку: «Благодарим и дедушку и тебя, Тюлькин»... Больше ничего не пишут. А так нам хочется знать, что там наши думают. И вдруг ночью слышим, советские самолеты летят. Прошло минуты две, не больше, как начали рваться бомбы.

На третьи сутки докладываем, что наши самолеты подожгли в саду десять танков, машины с горючим и боеприпасами. И тут же сообщаем опять про овраг. Теперь немцы сосредоточили туда оставшиеся танки.

Когда наши овраг разбомбили, немцы взбесились. Всех жителей из деревни выгнали к себе в тыл: заподозрили. И деда тоже.

Что делать? Как быть?

Я скрывался в селе один-одинешенек. Утром осторожно вылез из ямы, осмотрелся кругом и забрел в избу. Сижу. Окно во двор открыл. И вот, вижу, скворушка прилетел. Я и так, я и этак, а он видит меня и не допускает, не признает. Так я и не мог ничего сделать, улетел скворушка с бумажкой, которая от наших была.

Зло меня гложет, обида берет. И только тут я вспомнил, что на подоконнике ничего не было: ни червей, ни семечек. Начал я искать. Нашел банку, а в ней черви. Я их на окно, а сам опять сижу и жду. Прилетел скворец и давай уничтожать еду. Я кое-как поймал его, говорю: «скворушко, скворушко», — а сам бумажку от ножки отвязываю. Руки у меня трясутся, волнуюсь. И совсем не заметил, что немцы

Я и так, я и этак, а он видит меня и не допускает...

бродят в соседнем дворе. Они птицу искали: уток, гусей, кур. Я растерялся и свою бумагу-донесение не успел пристроить к лапке скворца, улетел мой «связной».

Смотрю, а мне приказ: «Разведать место, где можно было бы наиболее безопасно пройти минерам с минами».

Ночью мне удалось все разведать, как о том приказывали, а утром заранее припас бумагу и жду скворца. С трудом поймал его, отвязал бумагу и привязал свою. Хорошо мне стало, приятно, что задание выполнил. Сразу захотелось спать. Ночь-то целую занимался. Прочитал я бумагу, а там написано: «В чем дело? Что случилось? Почему нет донесений?» Вот, думаю, хорошо, ответ послан.

На следующую ночь пришли наши минеры. Говорить не пришлось. Трибабунько и еще четверо, да я. Мы пошли на диверсию, ставить мины на перекресток большой дороги, которая идет за оврагами... Когда все сделали и перешли Сбруч, к своим, Трибабунько и говорит мне:

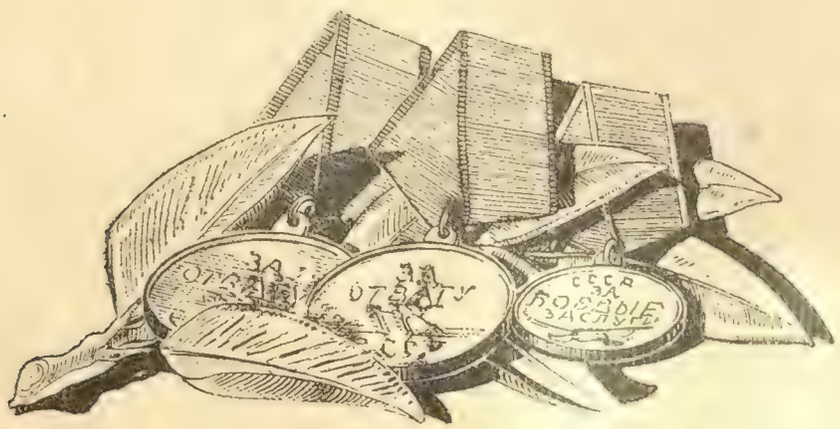
— Утром наше наступление будет. Это, — говорит, — мы немцам заминировали дорогу. Когда будут драпать, так их машины полетят в воздух.

Командир встретил меня ласково. Налил чарку спирта, поблагодарил и сказал:

— Сереге за ученого скворца медаль «За боевые заслуги» выдал командир соединения, а тебе, Тюлькин, медаль «За отвагу». И деду Сереги тоже медаль «За отвагу».

Вот и все. Потом я заезжал к Сереге, когда ехал с фронта в отпуск. Живут хорошо. И дед тоже ладно живет. Оба медали носят. Встретили меня как родного. Рассказали они мне, что скворец ихний жив и здоров, и улетел куда-то в теплые края: дело к зиме было. Но на следующую весну ждут они опять скворушку к себе.

Вот какие случаи на войне бывали.



Евг. Фейерабенд

Ровный снег, как белая страница,
И следы на нем, как письмена.
Расписалась в ельнике лисица
В том, что съела зайца-бегуна.
Утром рассказали куропатки,
Что в сугробе был у них ночлег.
Шишки изувеченной остатки
Белка с кедра уронила в снег.
Вон на лыжах, отгибая ветки,
Через лес идет с ружьем лесник.
На снегу рассказы и заметки,
Как газету, он читать привык.

Лев Румянцев

Трактор зафыркал, окончив заправку,
Нетерпеливо повел колесом...
Зайчик понюхал зеленую травку,
Вскинул ногами и юркнул в лесок.

Там обернулся и, вытянув уши,
Глянул с восторгом на след бороны —
Видно, сегодня и заячью душу

Тронула песня рабочей весны.
Вправо и влево звеня, тараторя,
Трактор идет то вперед, то назад.
Черными волнами зыбится поле

Вслед за плугами колхозных бригад.
Зайцу в диковинку — он еще молод,
Только недавно пробились усы.

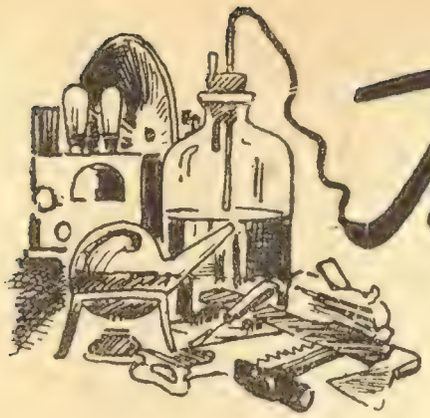
Взгляд его был неподдельно-веселым —
Ни на кого он еще не косил.

Вдруг замелькали ребячьи головки —
Школьники взрослым пришли помогать.
Галстуки красные, словно морковки —
...Девять... четырнадцать... Не сосчитать!

Екнуло сердце в груди у зайчишки,
Вылетел гоголем из-за куста.
— Папа мой, кажется, был хвастунишкой,
Я же — герой от ушей до хвоста.

— Буду работать, как вы. Не отстану.
Век не забуду я этой весны!
Я барабанщиком буду при стане,
Я у начальников буду связным.

Вместе бы жили!..
Но в эту минуту
Трактор, как выстрелом, выхлопнул дым.
Заяц икнул, удивленный чему-то, —
Только кусты зашумели за ним.



Будем мастерами

Н. Попова и Е. Хоринская

ХИМИКИ

Бабушка высунулась из окна второго этажа и окликнула игравшего во дворе мальчика:

— Петя, а Петя! Будь такой добрый, унеси на помойку, а то таскается тут всякое барахло, только мешает.

И она выбросила из окна какие-то вещи, которые со звоном упали к петиным ногам. Петя наклонился и поднял с земли пару старых заржавленных столовых ложек. Да, это были совершенно негодные ложки. Но он не понес их на помойку.

По-хозяйски осмотрев ложки, он бережно спрятал их в карман.

— И какой только дряни эти мальчики по карманам не напихают! Ему сказали на помойку, а он в карман... — сокрушенно рассуждала бабушка, отходя от окна.

Как-то вечером к бабушке в комнату постучали.

— Можно! Заходите! — откликнулась она.

Вошел Петя, из пятой квартиры.

— Здравствуйте, бабушка!

— Здравствуешь, Петруша! милости просим. Зачем пожаловал? Поди, мама послала?

— Нет... Я вам, бабушка, ложки принес...

— Какие ложки, батюшка? — удивилась старушка.

— Обыкновенные, никелированные... Вот. — И мальчик протянул ей аккуратно завернутые в бумагу новенькие блестящие ложки.

— Да откудова это? Гляди-ка, красота какая! Знать-то из магазина. Мама, что ли, послала?

— Нет... Это я сам сделал... Вам...

— Сам? Ну, уж это ты, голубчик, врешь... Я еще не совсем из ума выжила. Нечего старого человека обманывать, нехорошо это.

— Да, честное пионерское, бабушка, сам никелировал! Ложки-то ведь ваши. Помните, вы мне из окна бросили, «унеси,— говорите,— на помойку».

— Помню, бросала. Да эти-то откуда?

— Да это они и есть. Вы посмотрите их получше.

— Ой, парень, хитришь! Ну-ка, я у лампы погляжу. Я ведь свои ложки узнаю, меня не проведешь.

И старушка подошла ближе к свету.

— Батюшки! А ведь и правда мои ложки-то! Прости ты меня, Петенька, что поклепала на тебя. А только сам посуди: разве это слыхано-видано, чтобы из ржавой дряни этакие ложечки отделать? Где это, скажи, такие чудеса творятся?

— Где? Да у нас во Дворце пионеров, бабушка, — весело рассмеялся Петя и скрылся за дверью. А бабушка еще долго охала и любовалась новенькими ложками. Потом она показывала их всем соседям и рассказывала про чудесное превращение.

А что бы сказала эта бабушка, если бы показать ей все «чудеса», устраиваемые юными химиками, показать, как берут они ее старую ложку, опускают ее в какой-то сосуд рядом с пластинкой никеля, включают два каких-то провода, и происходит «чудо» — пластинка начинает таять, а ложка покрываться блестящим слоем. Старушка, наверное, назвала бы их колдунами или, по крайней мере, фокусниками. И долго бы пришлось ее уверять, что это не «чудо», а наука, которая называется электрохимией, и орудуют со всем этим не хитрые колдуны, а самые обыкновенные ребята из дворца пионеров — юные химики. Это они устраивают большие интересные вечера и приводят в восторг публику. Попади наша бабушка на подобный вечер, так она бы, действительно, решила, что перед ней происходят чудеса.

Один такой вечер юные химики устроили на Уралмаше.

Около тысячи ребят собрались в клуб. Вышел на сцену Толя Козлов и стал рассказывать о значении химии. Говорил, говорил, ну, и, как всякий оратор, попросил воды, чтобы напиться. Его помощник подал ему стакан. Толя выпил несколько глотков и, продолжая разговор, выплеснул остатки в полоскательницу. И вдруг оттуда взвилось яркое пламя. Да, да, самое настоящее пламя! Ребята невольно ахнули от изумления. А Толя в это время уже превратил воду в чернила, потом показывал горящую воду, извержение вулкана, самозагорающийся костер и другие такие интересные опыты, что ребята едва удерживались, чтобы не вскочить с места. У Толи был с собою специальный чемодан занимательной химии. У многих ребят в тот вечер пробудился интерес к химии, захотелось самим работать в кружке, делать опыты.

— Леонид Иванович, можно записаться в кружок? — обращались многие к заведующему кабинетом дворца.

— Пожалуйста, у нас двери открыты для всех. Приходите, посмотрите, как мы работаем, побеседуем. Какие у вас отметки по химии?

* * *

Эту комнату всегда узнаешь по какому-то особому, присущему ей запаху. В шкафу, на столе множество всяких приборов, реторт, колб, трубок. На стене огромная схема разложения атома. Возле стены витрина, где хранятся работы кружковцев. Сверкают никелированные ложки, посеребренные елочные игрушки, большие и маленькие зеркала. Никак не узнаешь ни старой ложки, ни куска простого оконного стекла. В колбах распыленные металлы. Среди изделий кружковцев: и гуталин, и парафиновые свечи, и туалетное мыло.

И вдруг нам показывают банку.

— Ой! Какой ужас! — Мы отскакиваем в сторону.

В стеклянной банке чудовище. Да, да, настоящее живое чудовище — большой спрут. Он так страшно шевелит шупальцами, что даже у нетрусливого мороз по коже пробегает. Но зачем здесь этот противный осьминог? Пусть бы натуралисты держали его у себя в натуралистическом кабинете да банку бы покрепче закрывали каким-нибудь железным колпаком, чтобы не выбралось этакое чудовище.

А химики громко смеются и подносят ближе банку.

— Не бойтесь, не бойтесь, он не кусается. Рассмотрите-ка его поближе!

И что же вы думаете? Ведь этот страшный спрут металлический. Даже собственным глазам трудно поверить. Но если он не живой, почему же он шевелится?

Оказывается, юные химики взяли простой кусок цинка, придали ему форму спрута и опустили в раствор уксусно-кислотного свинца. Постепенно цинк оброс свинцом, и создается полное впечатление, что в банке заперт живой, шевелящийся осьминог. Ведь нужно же было придумать! Просто не ребята, а какие-то чудесники-кудесники, эти химики.

Но здесь занимаются не только забавными опытами. В этом кабинете уже много лет под руководством Леонида Ивановича идет большая и серьезная работа. Сто человек школьников вдумчиво работают над опытами и приборами. Кружковцы, освоившие приемы и навыки лабораторной работы, сами конструируют самодельные приборы по химии. Это, конечно, связано с той темой, над которой кружок работает. Ребята делали спиртовки, аппарат Гофмана, газометр, озонатор, аппарат для перегонки воды и другие приборы. Кружковцы роются в литературе, выбирают конструкцию, сами делают чертежи.

— Скопировать с готовенького всякий чудак может, а вот самому голову поломать гораздо полезнее, — говорят они.

Вот, например, когда работали над конструкцией газометра, прочитали и «Книжку юного химика», и «Химические опыты в неполной средней школе», и еще целый ряд книг. Потом выбрали одну конструкцию газометра, немного изменили ее, взяли вместо склянки обыкновенный графин, и приступили к работе.

Саша Николаев так вспоминает об этой работе:

— Когда я был в 7-м классе, я заинтересовался химией. Записался в химический кружок Дворца пионеров. Вначале делал различные опыты по занимательной химии. Стали мы в школе проходить по химии раздел «Вода». Я очень заинтересовался устройством аппарата Гофмана. Это аппарат для разложения воды электрическим током. Разобрал я устройство аппарата по книге и решил сделать его сам. Ну, понятно, прежде всего сделал чертеж. В химическом кабинете подобрал материалы, посоветовался с Леонидом Ивановичем и начал работать. Было трудно подобрать хорошие и неокисляющиеся электроды, и с этим я порядком помучился. Но все-таки подобрал — вырезал их из анода разбитой радиолампы. Как было приятно, когда аппарат был совсем готов, и я его испытал. Работал он на «отлично»: водород и кислород выделялись быстро. Свой первый аппарат я сделал для школы.

Много различных приборов изготовили ребята для школ города и помогли своим товарищам хорошими учебными пособиями. Кроме приборов, немало построено юными технологами-конструкторами интереснейших моделей: хлорный завод, завод азотной кислоты из воздуха, завод соляной кислоты. А вот на столе поместилось целое предприятие. —

Что это такое? Оказывается, это завод серной кислоты. Построить его было совсем не просто, тем более, что и подходящие материалы не всегда были под рукой. Не удивительно, что эта работа стала гордостью ребят. Когда они работали над своей моделью, у них шли горячие споры.

— А чем хуже мои поршневые насосы твоих центробежных? — настойчиво спрашивал «механик» завода.

— А тем, что по расчету они не дают такую производительность, как центробежные. Кроме того, не забудь, что центробежные применяются сейчас на всех сернокислотных установках, — уверенно отвечал ему «главный инженер». «Механик» завода — это Сережа Курфер, а «главный инженер» — Геня Марков из 9-го класса. Они уже построили не одну модель. Эту модель завода серной кислоты они задумали давно.

У нас на Урале много сырья для производства серной кислоты — и серный колчедан, и отходящие газы медной промышленности. Технология производства, которое использует это сырье, очень интересует ребят. Ведь эти сегодняшние кружковцы, пионеры — будущие инженеры и техники уральских заводов. Сейчас они строят модели, а пройдет несколько лет, и они будут строить настоящие заводы.

* * *

В другой комнате кружковцы работают над получением светящихся смесей. И это у них получается. А вот мы открываем дверь еще в одну из комнат и невольно зажмуриваем глаза. Ослепительно-яркий свет расплавленного металла заливает комнату и озаряет сосредоточенные лица пионеров. Один из них осторожно берет щипцами тигель и льет металл в форму. Металл застывает в виде прямоугольного куска. Ребята испытывают действующую модель электропечи, которую они сами сконструировали.

Каждый из ребят находит себе здесь интересное дело. Вот что рассказывает ученик 7-го класса, Юра Иванов:

— У нас в школе на уроке химии мы наблюдали, как преподаватель делал опыты, но сами опытов не делали. А в химическом кружке Дворца пионеров мы сразу приступили к практическим занятиям по химии. Мы научились обращаться с химической посудой, фильтровать, выпаривать, гнуть стеклянные трубки. Теперь я сам могу собрать несложный прибор, получить водород, кислород и сделать опыт. Всему этому я научился в химическом кружке. Я очень люблю свой кружок. Наш руководитель Леонид Иванович живо и интересно проводит занятия, и я всегда с удовольствием посещаю кружок.

Даже когда ребята оканчивают школу и поступают в институты, они не забывают свой дворец и остаются попрежнему постоянными его посетителями.

Как пригодятся им в жизни знания и навыки, полученные в этой маленькой лаборатории пионерского дворца. Недаром с такой теплотой вспоминают свой дворец его воспитанники и шлют письма со всех концов необъятной страны. А какие взволнованные письма приходили во дворец с фронтов Отечественной войны! Вот отрывок из письма одного из бывших кружковцев химического кружка, Юрия Молочных.

«Здравствуйте, дорогой Леонид Иванович!

Пару дней назад получил от Вас с далекого Урала письмо, которое принесло мне столько радости и счастья. Я лежал в сосновом лесу, на берегу реки, и перед моими глазами проносились картины былой жизни. Я видел лица своих товарищей, нашу разнообразную работу, многочисленные эксперименты, испытания. И мне снова хочется попасть туда, ко всем, в крошечную лабораторию, которая своим трудом оказывает большую помощь обороне нашей прекрасной Родины.

Но моя задача сейчас не та. Вы знаете, что я артиллерист. Шесть месяцев боев за Сталинград закалили меня и повысили мой опыт. Сотни фашистов, сотни их машин и орудий получили гибель от моих снарядов. Десятки дотов, блиндажей мой расчет уничтожил с двух-трех попаданий. В условиях фронта, в минуты смертельной опасности часто мне помогали знания и опыт, которые я получил от Вас.

Я осваивал трофейную аппаратуру, радио, электро, приходилось применять химию. У меня одно время был даже чемоданчик с набором реактивов.

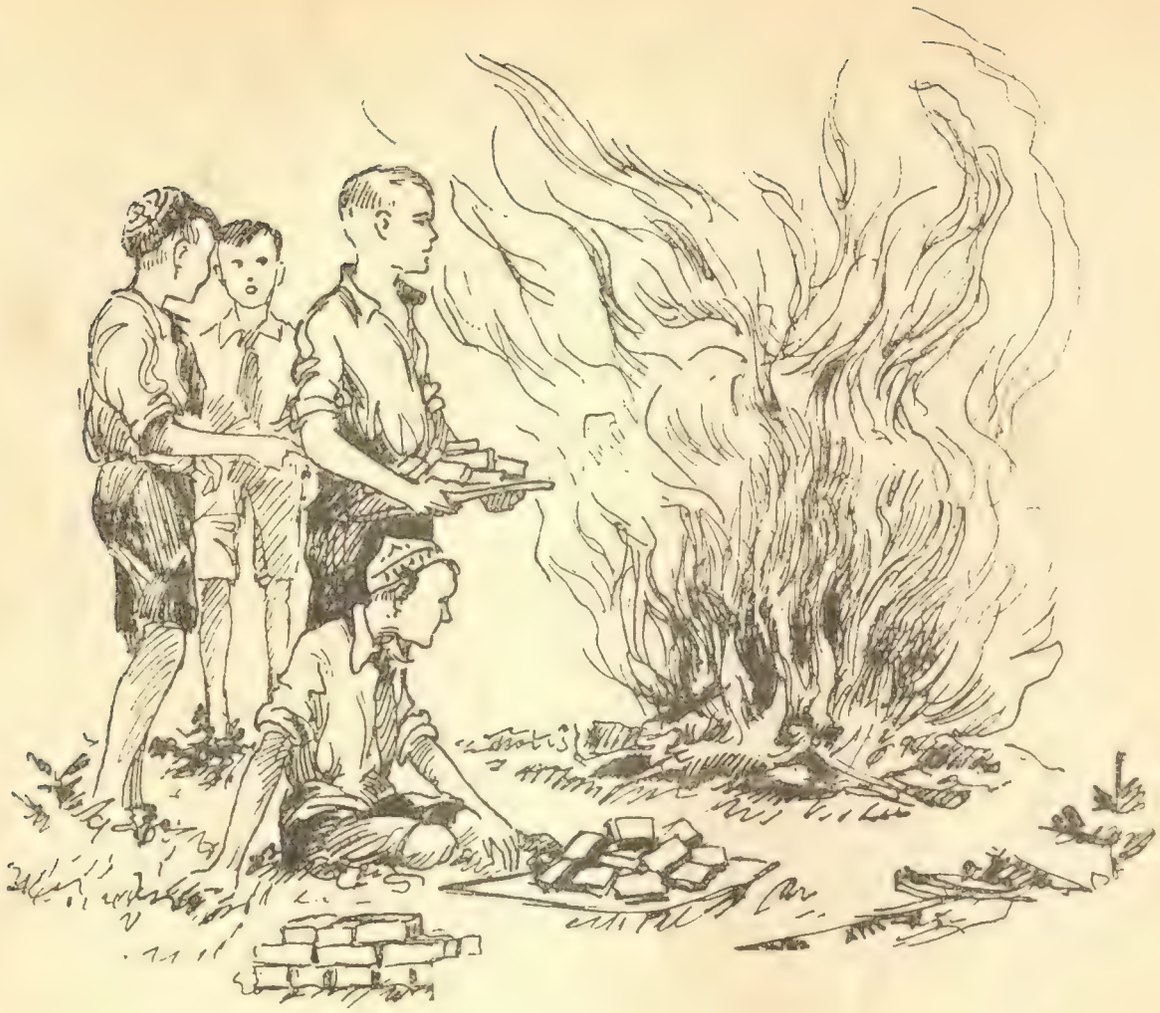
С наукой и воевать легче, и она меня не раз выручала в самые трудные моменты».

Это письмо писалось давно, еще в 1943 году...

Победоносно окончена война. Давно вернулись домой бывшие кружковцы. У многих из них боевые ордена и медали. Теперь они учатся в институтах и попрежнему часто посещают свой пионерский дворец, откуда они вышли в жизнь.

ЮМ-567

Многие заводы хорошо известны в Свердловске, но завод ЮМ-567 знают далеко не все. Правда, он не выпускал ни грозных танков, ни быстрокрылых самолетов, но программу он всегда перевыполнял. Одним словом, ЮМ-567 вполне достоин того, чтоб о нем рассказать.



ЮМ-567, как всякий завод, имеет, конечно, и директора и главного инженера. Обоим руководителям вместе ровно двадцать пять лет. Это, безусловно, вполне солидный возраст для руководства таким крупным предприятием, как ЮМ-567. Но все по порядку.

Военным летом 1943 года ребята жили в лагере на берегу быстрой уральской речки Брусяны. Семья была большая и дружная. Ребята ходили в походы, изучали леса, воды и недра. Вокруг встречалось очень много глины. На первый взгляд казалось, что глина известна каждому, и ничего интересного в ней нет. Но это было не так. Простая, знакомая всем глина была в то же время незнакомой: юные краеведы еще плохо знали и свойства глины, и где и как она применяется, и какое имеет значение. Это оказалось очень интересным. Ребята стали обследовать берега речки Брусяны, ямы вокруг деревни Черноусовой и нашли разноцветные сорта глин: желтые, красные, темносерые, голубые, белые. Тогда руководитель Осман Садыкович предложил открыть свой кирпичный завод.

— Пусть завод будет маленьким, но все в нем должно быть по-настоящему, — сказал он.

Так и сделали. Одного мальчика назначили директором завода, другого старшим мастером. Директор сразу вывесил объявление, что на завод принимаются рабочие. Желающих нашлось много, и скоро работа пошла полным ходом. Особого здания у завода не было, но он прекрасно размещался на простой зеленой лужайке. Ребята сами сделали деревянные формочки и прессовали в них кирпичи из красной глины. Размером они были как раз со спичечную коробку. Готовые кирпичики складывали на сушку, а потом обжигали на горящих углях костра. А костер раздували листом фанеры. Штабеля готового кирпича быстро росли. Тогда, посоветовавшись с настоящим печником, сделали раствор из глины и стали складывать кирпичную стену. При том кирпичиков бралось столько и складывались они в таком порядке, как это делается на стройке, хотя кирпичики были маленькие. Потом по своим чертежам складывали печь, проверяли, хороша ли тяга, не дымит ли. Даже пробовали в новой печке варить и печь пирог с рыбой. Только корочку для пирога делали из глины.

На заводе был приемщик, который принимал готовые кирпичики. Он строго осматривал каждый из них — нет ли где брака. А на специальной доске записывалось, кто на сколько выполнил свое задание.

Наступило лето 1944 года. В Уктусских горах расположился туристический лагерь «Глобус». Здесь завод развернул свою работу гораздо основательнее. Для завода отвели специальную комнату.

В двадцатых числах июня многие свердловчане получили из «Глобуса» пригласительные билеты. Их приглашали туда по случаю одного очень крупного события. Чтобы гости не сбились с дороги, в билетах указывался совершенно точный адрес: «Азия, Средний Урал, правый берег реки Патрушихи, Дунитовая скала, 50°38′ восточной долготы, 56°46′ северной широты, туристский лагерь «Глобус».

А событие заключалось в пуске нового керамического завода. Но как же назвать этот завод? Ведь название должно быть коротким, легким и подходящим во всех отношениях. А самое главное, какой же это завод, если он не имеет номера? После долгих споров и разговоров было придумано: «Завод юных мастеров пятых, шестых, седьмых классов». Сделали вывеску и на ней красной краской написали: «Завод ЮМ-567».

Поселившись в лагере, ребята установили тесную связь с заводом «Новострой». Большой завод помог маленькому и советом и оборудованием. Много интересных бесед было проведено с ребятами главным инженером завода. Ребятам рассказывали, как люди использовали глину, начиная от горшков первобытного человека и вавилонских записей на плитках до использования глины в нашей промышленности.

Действительно, как много вещей делается из этой простой глины! Какое широкое применение она себе находит! Черепица, трубы, цемент, огнеупоры, краски, отбелка ткани, фарфоровые и фаянсовые изделия, протезы (глаза, зубы) и т. д. и т. п.

Ребятам показали образцы сырья и готовых изделий, помогли выбрать место для завода и организовать работу.

Директором ЮМ'а назначили Володю Сандлера, а главным инженером Алика Бенуни. Строительство завода, оборудование цехов, подготовка мастеров — дело не простое, и на это ушло целых две недели.

Директор, главный инженер и три мастера прошли настоящую производственную практику на заводе «Новострой» в цехе ширпотреба. Они научились обрабатывать глину — штамповать, отливать, лепить, вырезать из глины разные вещи.

На машине сами привезли глину, достали гипсовые формы, ведра, краски. И вот 25 июня в строй заводов вошел новый керамический завод ЮМ-567. С первых дней завод стал перевыполнять план, выпуская из обожженной глины самую различную «продукцию»: шашки, домино, пепельницы, трубочки, учебные пособия... А сколько было выпущено игрушек: кошек, уток медведей, зайцев, птиц! Все это раскрашивалось масляной краской или покрывалось глазурью.

Мыловаренный цех выпускал минеральное мыло из белой глины. А когда цех выпустил мыло высшего сорта с добавлением ароматических веществ и розовой краски, все пришли в восторг. Все это отправляли в Свердловск, устраивали выставки, увозили домой младшим братьям и сестрам. На заводе проводился даже специальный день, который назывался «День подарков семье».

Ребята решили ввести «охрану завода» — поставили сторожа, выдали «рабочим» пропуска, которые строго проверялись. Назначили «уборщиц», завели спецодежду. На изделиях появилась заводская марка «ЮМ». Это все было так занимательно, что от желающих поступить на завод просто не было отбоя. А сколько нового узнали ребята о глине, сколько образцов глин собрали они в походах и прогулках!

Пожелтела листва на березах. Потянулись на юг птицы. Завод ЮМ-567 переехал во Дворец пионеров.

* * *

Когда окончилась война и началось мирное строительство, стало не нужно выпускать минеральное мыло и ремонтировать обувь. Завод ЮМ-567 влился в отдел техники и превратился в фабрику учебно-наглядных пособий. Теперь там выпускаются минералогические горки,

ящички с коллекциями минералов, коллекции насекомых, папки с гербариями и т. д. Там обрабатываются материалы кружков, экспонаты, собранные в походах.

Во всех цехах идет горячая работа.

В деревообделочном делают деревянные части приборов, а металлические изготовляет слесарно-механический цех. Другие цехи производят сборку. Множество различных приборов послано в Москву и в школы освобожденных районов: калориметры, электрические веревочные весы, газометры...

Цех игрушек в годы войны делал для детских садиков самые простые игрушки из дерева и картона. Например, ребята выпиливали разных сказочных зверей. Сейчас цех изготовляет более сложные игрушки, даже механические. «Пеликан» на колесиках при катании открывает клюв, а «белочка», когда ее начнешь катать, грызет орех и помахивает хвостиком. А то делают еще ребята игрушку «боксеры». Они стоят друг против друга на ринге, а начнешь дергать веревочку, которая управляет им, и — боксеры принимаются бить друг друга.

Все игрушки и приборы просматривает «Отдел технического контроля» — ОТК. В этот отдел каждый кабинет выделяет своего представителя.

Ребята увлекаются научно-исследовательской работой особенно в электротехническом кабинете. Передача тепловых лучей на расстояние, измерение прохождения света через подкрашенную жидкость, — всем этим занимаются кружковцы.

Раньше в физическом кабинете, изготовляя приборы, старались упростить их конструкцию, чтобы каждая школа могла сделать такие же. Сейчас ребята выполняют сложные и интересные работы.

Здесь имеется три секции: астрономическая, занимательной науки и секция кинотехники.

Ребята сами построили свой телескоп-рефлектор, с вогнутым зеркалом. Изготовили электрифицированную карту звездного неба. Если ты хочешь определить, какие созвездия видны в данное время года, передвинь вращающийся диск на определенное число градусов, и в вырезах диска засияют именно те самые «созвездия».

Секция кинотехники решила создать свою киностудию, чтобы самим производить съемку. Кружковцы изучили историю кино. Прошли теорию. Изучили узкопленочные аппараты, потом перешли к более сложным и, наконец, к звуковым.

Построили экран дневного кино. Это небольшой экранчик, всего метр длиной. Химики изготовили зеркала из небьющегося легкого стекла.

Теперь ребята демонстрируют картины при дневном свете, прямо в парке. Изображения получаются очень четкие.

Секция занимательной науки работает несколько лет. Ребята пользуются и фабричными приборами, но что можно, изготовляют сами.

Посетители Дворца очень любят этот кабинет. Сколько там веселых неожиданностей!

Вот аппарат Тесле для получения токов высокой частоты. Из шпиля выскакивают голубые искры. Поднесите вытянутый палец — и из него вылетит молния. А обычная электрическая лампочка, если ее приблизить к прибору, сияет голубым светом.

Вот на тумбочке сидит обыкновенный плюшевый Мишка. Вдруг у него загораются зеленые глаза, и из лап начинают вылетать искры. Жутковато. А кто-нибудь из кружковцев предлагает:

— Возьмитесь цепью, а крайний пусть возьмется за ноги Мишки.

Ток прошел по цепи. В комнате — визг, писк, смех...

Есть здесь волшебное зеркало. Собственно, это не зеркало, это — плоский ящик с круглым отверстием, затянутым белой бумагой.

— Поглядитесь в зеркало... — и на белой бумаге появляется смешная рожица.

— Ой, это не я!

Да, это не вы. Эту рожицу видит всякий в волшебном зеркале. Дело в том, что стоит закрыть головой источник света, включится фотоэлемент, и появится изображение. При помощи такого включения элемента подсчитываются, например, детали, которые сходят с конвейера.

Кружковец, который показывает гостям кабинет, вдруг предлагает:

— Пусть выйдет вперед самый большой, сильный и еще пусть выйдет самый маленький и слабый. Я переселю в маленького силу большого.

Недоверчиво посмеиваясь, эти двое подходят.

— Подайте же друг другу руки! — командует кружковец. — Так!.. Раз, два, три! Готово! Теперь вы, малыш, подымите эту вот гирю с подставки!

Малыш легко подымает.

— А теперь вы взрослый, товарищ... Прошу!

Взрослый пробует, не может. Собирает силы и, рванув, убеждается, что гиря не тронулась с места. Все смеются.

— Секрет в том, что внизу находится электромагнит, — объясняет кружковец.—Я незаметно для вас выключал и включал ток.

Так объясняются все «чудеса» этой комнаты.

Хорошо работает и конструкторский кабинет, особенно судостроительная секция. Прекрасный ботик построили они, — вы, наверно, ви-

дали его в Парке пионеров на озере. Ботик маленький но, устойчивый. В нем может поместиться трое маленьких или один взрослый. Он окрашен в голубой цвет и носит название «Уралец».

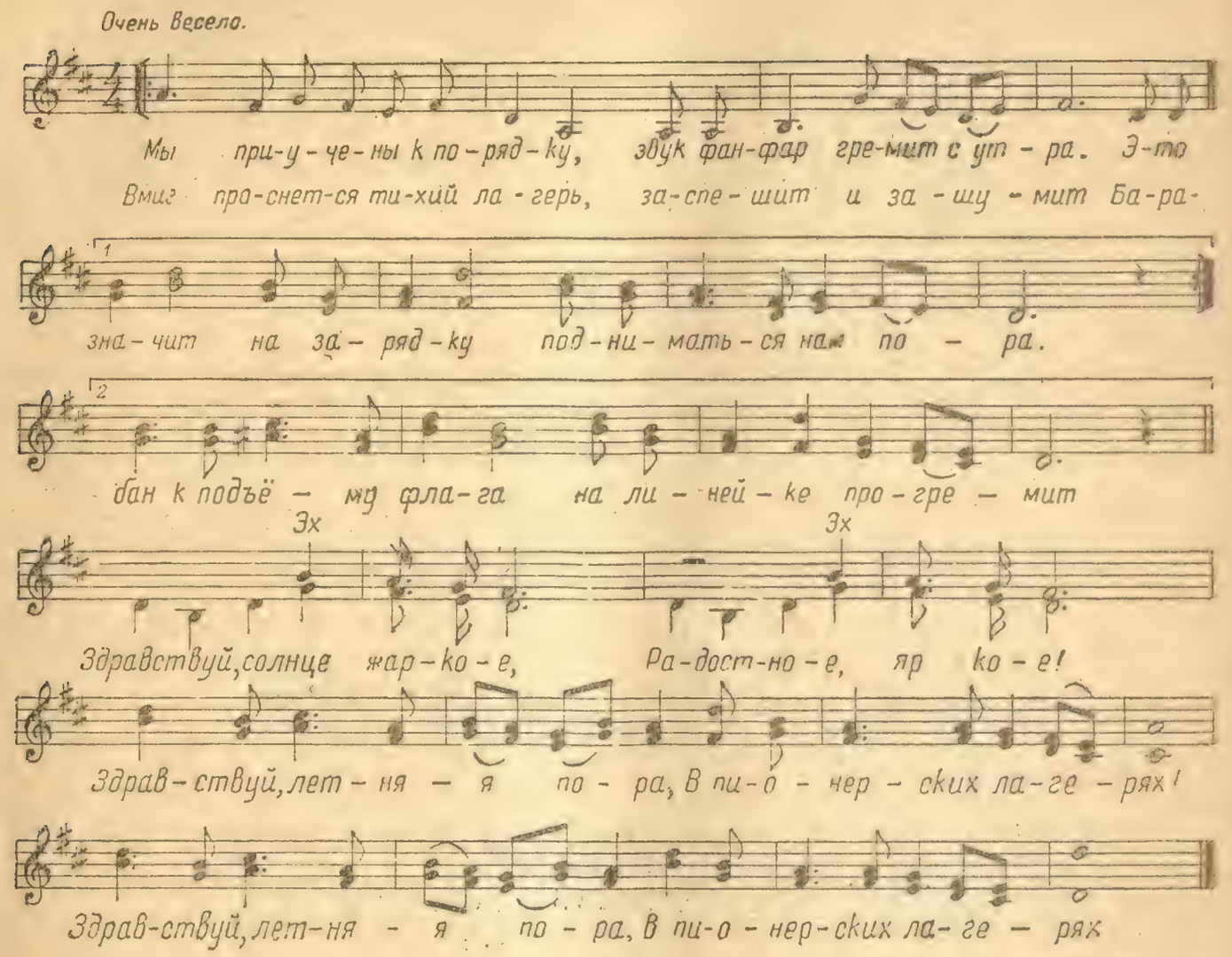
Красавец «Уралец» может ходить и под парусами, и на веслах.

Самые маленькие «юные техники» работают в картонажном кабинете. Эти малыши делают большие дела. Они отремонтировали все книги в библиотеке, сделали много блокнотов. Маленькие переплетчики работают на-славу!

Вот какие разнообразные работы выполняют кружковцы отдела техники. Недаром их называют умельцами.

ЛАГЕРНАЯ ПЕСНЯ

Слова Е. Ружанского *Муз. К. Кацман*



Мы приучены к порядку,
Звук фанфар гремит с утра,
Это значит — на зарядку
Подниматься нам пора.
Вмиг проснется тихий лагерь,
Заспешит и зашумит,
Барабан к подъему флага
На линейке прогремит.

Припев: Здравствуй, солнце жаркое,
Радостное, яркое!
Здравствуй, летняя пора
В пионерских лагерях!

Мы в лесу, в палатках белых,
Над сверкающим прудом
Боевой дружиной смелых
По-военному живем.
Мы под барабан шагаем, —
Четок шаг, дрожит земля.
Мы колхозу помогаем
Обрабатывать поля.

Припев: Здравствуй, солнце и т. д.

Хорошо в лесу и в поле,
Солнце, воздух и вода.
Закалимся, чтобы воля,
Как гранит, была тверда.
И когда страна родная
Нам оружие вручит,
Станем, как стена стальная,
Как надежный, крепкий щит!

Припев: Здравствуй, солнце жаркое,
Радостное, яркое!
Здравствуй, летняя пора
В пионерских лагерях!

ОБЛАСТНАЯ ДЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
г. Свердловск

СОДЕРЖАНИЕ

Ол. Коряков — «Четверо в пути», *отрывок из повести* 3
Е. Хоринская — На Урале, *стихи* 69
А. Крутиков — История одной поездки, *рассказ* 71
К. Мурзиди — Стихи детям 93
Б. Рябинин — Ледоход, *рассказ* 96
И. Тропп — Мальчик с велосипедом, *рассказ* 103
Н. Куштум, И. Семенов — Настоящие друзья, *стихи* 107
С. Самсонов — Ученый скворец, *рассказ* 112
Евг. Фейерабенд — Следы, *стихи* 119
Лев Румянцев — Смелый зайчик, *стихи* 120
Н. Попова, Е. Хоринская — Будем мастерами, *очерк* 122
Е. Ружанский — Лагерная песня 134

Редактор *А. Салынский* Художник *М. Щировский*

Подписано в печать 9/XI 1948 г. Печ. л. $8^1/_2$. Уч.-изд. 8,7 Формат $70\times92/_{16}$.
Тираж 15000. НС 35223. Заказ № 194. Цена 4 р. 35 к.

5-я типография треста «Полиграфкнига» Огиз'а при Совете Министров СССР.
Свердловск, ул. Ленина, 47.

44к
4 р. 35 к.

ОГИЗ СВЕРДЛГИЗ 1948